

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1998 г.
Выходит 4 раза в год

№4(44)

**ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ
ЗА РУБЕЖОМ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

МОСКВА
2020

Учредитель

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр социальных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН
Отдел экономики

Редакция

Главный редактор: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Заместитель главного редактора: Е.А. Пехтерева – канд.
экон. наук

Ответственный секретарь: О.Н. Пряжникова

Редакционная коллегия: Д.В. Ефременко – д-р полит. наук (НИИОН РАН), И.Ю. Жилина – канд. истор. наук (НИИОН РАН), М.В. Клинова – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), Н.П. Кононкова – д-р экон. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.А. Макашева – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), Г.В. Семеко – канд. экон. наук (НИИОН РАН), С.Н. Смирнов – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ).

Редакционный совет: А.В. Кузнецов – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (НИИОН РАН) – председатель, В.С. Автономов – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.С. Булатов – д-р экон. наук (МГИМО МИД России), М.Ю. Головнин – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (ИЭ РАН), В.Б. Кондратьев – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), Д.Е. Сорокин – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (Фин. ун-т при Правительстве РФ), А.Н. Швецов – д-р экон. наук (ФИЦ ИУ РАН).

Журнал включен в Российской индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/espr/2020.04.00

ISSN 1998-1791

© Экономические и социальные проблемы России, 2020

© ФГБУН Институт научной информации
по общественным наукам РАН, 2020

RUSSIAN
ACADEMY
OF SCIENCES

MINISTRY OF SCIENCE AND
HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

**ECONOMIC
AND SOCIAL
PROBLEMS
OF RUSSIA**

SCIENTIFIC JOURNAL

Published since 1998
4 issues per year

N4(44)

**STUDY OF RUSSIA
ABROAD:
VIEWS ON THE NATIONAL
ECONOMY**

**MOSCOW
2020**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Centre of Social Scientific and Informational Researches
Department of Economics

Editorials

Editor-in-chief: M. Polozhikhina – PhD in Geogr. Sci. (INION RAN, Russia)

Deputy editor-in-chief: E. Pekhtereva – PhD in Econ. Sci. (INION RAN, Russia)

Executive secretary: O. Pryazhnikova (INION RAN, Russia)

Editorial board: D. Efremenko – DSn in Polit. Sci. (INION RAN, Russia), I. Zhilina – PhD in Histor. Sci. (INION RAN, Russia), M. Klinova – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), N. Kononkova – DSn in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), N. Makasheva – DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), G. Semeko – PhD in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), S. Smirnov – DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia).

Editorial council: A. Kuznetsov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (INION RAN, Russia) Chairmen, V. Avtonomov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Bulatov – DSn in Econ. Sci. (MGIMO University, Russia), M. Golovnin – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (IE RAS, Russia), V. Kondratev – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), D. Sorokin – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (Financial University, Russia), A. Shvetsov – DSn in Econ. Sci. (FRC CSC RAS, Russia).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

DOI: 10.31249/espr/2020.04.00

ISSN 1998-1791

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	9
--------------------------	---

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

<i>Васильев В.С.</i> Оценки российской экономики экспертами международных организаций	16
<i>Смирнов С.Н.</i> Социально-экономические проблемы России в публикациях зарубежных авторов. (Обзор).....	32
<i>Клинова М.В.</i> Проблемы экономики России: представления французских исследователей	48
<i>Родионов И.И., Цветкова В.А.</i> Базы данных для экономистов-исследователей	66
<i>Пряжникова О.Н.</i> Российско-китайские отношения: оценки экспертов Финского института международных отношений. (Обзор)	82

ПРОБЛЕМЫ СТРАН И РЕГИОНОВ

<i>Коровникова Н.А., Положихина М.А.</i> БРИКС: особенности и перспективы сотрудничества. (Обзор).....	95
<i>Смирнов С.Н.</i> Развитие и экономические результаты использования инфраструктуры туризма. (Обзор)	111
<i>Пряжникова О.Н.</i> Экономика совместного потребления в ЕС: основные проблемы развития. (Обзор)	121

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Смирнов С.Н.</i> Современное предпринимательство: проблемы и решения. (Обзор).....	132
---	-----

Коданева С.И. Государственное стимулирование «зеленых»
инвестиций: проблема выбора. (Обзор)..... 152

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пряжникова О.Н. Роль социального диалога в процессах
формирования цифровых навыков: анализ мирового
опыта 161

CONTENT

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STUDY OF RUSSIA ABROAD

<i>Vasiliev V.S.</i> Assessments of the Russian economy by experts from international organizations	16
<i>Smirnov S.N.</i> Social and economic problems of Russia in publications of foreign authors. (Review).....	32
<i>Klinova M.V.</i> Russian economy problems: french researchers view	48
<i>Rodionov I.I., Tsvetkova V.A.</i> Databases for research economists	66
<i>Pryazhnikova O.N.</i> Russia-China relations: assessments of experts of the Finnish Institute of International Affairs. (Review).....	82

PROBLEMS OF COUNTRIES AND REGIONS

<i>Korovnikova N.A., Polozhikhina M.A.</i> BRICS: features and prospects of cooperation. (Review).....	95
<i>Smirnov S.N.</i> Development and economic results of tourism infrastructure use. (Review)	111
<i>Pryazhnikova O.N.</i> The sharing economy in the EU: key problems of development. (Review).....	121

MANAGEMENT ISSUES

<i>Smirnov S.N.</i> Modern entrepreneurship: problems and solutions. (Review).....	132
---	-----

<i>Kodaneva S.I.</i> State incentives for «green» investments: the problem of choice. (Review).....	152
---	-----

PROBLEMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

<i>Pryazhnikova O.N.</i> The role of social dialogue in the development of digital skills: analysis of the world practices	161
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Вплоть до конца XIX – начала XX в. знания об экономике России в других, прежде всего западных, странах были разрозненными и достаточно субъективными. Социально-экономическое развитие страны и ее все более масштабное вовлечение в мировую экономику, а также интерес со стороны иностранных инвесторов стимулировали начало научных исследований по этой теме, появление отдельных объективных и интересных работ. Систематическое изучение России (СССР) началось в США и других развитых западных странах после Второй мировой войны и велось в основном в рамках советологии¹. Развивались специализированные научные центры, прежде всего, в США и Германии, усиливалось данное направление в других научных организациях (как, например, во Франции и Финляндии).

Например, в Германии научные исследования России начались в 1913 г., когда было создано Германское общество изучения России. Позднее оно было преобразовано в Германскую ассоциацию по исследованиям Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde, DGO)². В 1970-е годы в ФРГ изучением политики, экономики, общества, права, истории и культуры стран,

¹ Междисциплинарное направление комплексных обществоведческих исследований, изучающих СССР и страны социалистического лагеря в США и Западной Европе в годы холодной войны и противостояния с СССР.

² Вплоть до 1930-х годов его деятельность носила академический характер, хотя и существовали тесные связи с политикой. Во время Третьего рейха ряд ученых содействовал нацистской расовой политике и политике уничтожения. В 1949 г. научные восточноевропейские исследования (Osteuropaforchung) возобновились и были переориентированы на советологию. Во время холодной войны эти работы щедро поддерживались правительством ФРГ [Шредер Х.-Х. Восточноевропейские исследования и политика в Германии // Общественные науки и современность. – 2020. – № 4. – С. 41, 43–45].

расположенных по ту сторону «железного занавеса», были заняты около 100 различных центров и институтов. При заметной идеологической составляющей работы этих организаций включали и объективные данные о реальном положении дел в социалистических странах¹.

Как отмечает М. Эллман, один из ведущих западных специалистов по экономике СССР и переходной экономике, экономическая советология была не просто антропологическим исследованием. Она внесла существенный вклад в экономическую теорию мейнстрима. Конечным итогом дискуссии об экономической теории социализма стал следующий вывод: теория общего равновесия может вводить в заблуждение, если трактуется как описательная теория реально существующих капиталистических экономик, и быть пагубной, если на ее основе в отношении экономической политики делаются выводы, не учитывающие жесткие условия модели, при которых эти выводы имеют значение. Работы по советской экономике содействовали становлению экономической теории стимулов; был сделан вклад в длительную дискуссию об универсальной применимости экономических законов².

Неожиданный распад социалистического лагеря и СССР, переход России к рыночной экономике обусловили всплеск общественного и научного интереса к этой теме на Западе. В частности, в 1996 г. в США С. Уолландер³ была создана Программа новых подходов к исследованиям и безопасности в Евразии (Program on new approaches to research and security in Eurasia – PONARS Eurasia, или ПОНАРС Евразия).

Однако к концу 1990-х годов «мода на Россию» себя исчерпала. Попытки иностранных предпринимателей освоить российское экономическое пространство во многих случаях не имели успеха, а в связи с финансовым кризисом 1998 г. Россия стала утрачивать привлекательность для иностранных инвесторов и бизнеса. Соответственно, снизился и научный интерес к России, со-

¹ Меден Н.К. Изучение России и Восточной Европы в ФРГ: Организации и институты на современном этапе // Россия и современный мир. – М., 2005. – № 4. – С. 199.

² Эллман М. Каков вклад исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима? / Институт экономики РАН. – Москва, 2009. – 24 с.

³ Один из наиболее авторитетных современных американских экспертов по России и странам постсоветского пространства, помощница 44-го Президента США Б. Обамы.

кратилось количество исследовательских центров и специалистов, занимающихся российской тематикой. Например, в Германии известный Федеральный институт по изучению Востока и международных отношений Кельна (BIOst) в 2000 г. был включен в состав Исследовательского института при берлинском Фонде науки и политики (SWP)¹. Во Франции в 2008 г. был закрыт журнал *Le Courrier des pays de l'Est*, выходивший с 1964 г.

Российская проблематика стала частью более широких исследований, касающихся всей Восточной Европы, постсоветских стран или мира в целом, в том числе в рамках международных организаций. Данное положение сохраняется и в настоящее время – научных центров, которые занимались бы исключительно Россией, в других странах нет. Существуют отдельные подразделения, например Центр России / Новых независимых государств (ННГ) во Французском институте международных отношений (*Institute français des relations internationales*, IFRI) или исследовательская программа «Россия в региональном и глобальном контексте» Финского института международных отношений (*Finnish Institute of International Affairs* – FIIA). Продолжают данную тему также разрозненные исследователи. Следует отметить широкое использование при этом работ отечественных специалистов, особенно опубликованных на английском языке.

После событий на Украине 2014 г. в западных политических кругах возросло понимание важности фундаментальных исследований России и стран Восточной Европы. В 2016 г. в Берлине открылся новый Центр восточноевропейских и международных исследований (*Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien*, ZOiS). При этом понятие «Восточная Европа» в Центре понимают широко и строго не определяют. Главным образом, это Россия и страны постсоветского пространства, а также Центральной Азии и даже Балтии².

Нельзя не видеть, что интерес к России со стороны зарубежных специалистов и общества в целом очень неравномерен и во

¹ Меден Н.К. Изучение России и Восточной Европы в ФРГ: Организации и институты на современном этапе // Россия и современный мир. – М., 2005. – № 4. – С. 200.

² Жолкевич Н. ZOiS в Берлине будет изучать Россию и восточных соседей // DW. Темы дня. Политика и общество. Германия. – 2017. – 28.03. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/zois-v-berline-budet-izuchat-rossiyo-i-vostochnykh-sosedey/a-38167798> (дата обращения: 23.10.2020).

многом зависит от состояния взаимных экономических отношений. Снижение заинтересованности иностранного бизнеса в отечественных активах ведет к обеднению тематики зарубежных исследований¹ и преобладанию в них политологического подхода. Хотя научные исследования России всегда были тесно связаны с политикой и находились под сильным идеологическим влиянием².

Смысль изучения России за рубежом вполне очевиден. Но зачем нужно следить за этими исследованиями в самой России? Существует несколько оснований для этого. Во-первых, знание взглядов и позиций партнеров помогает найти точки соприкосновения или скорректировать их восприятие / интерпретацию отечественной реальности. Во-вторых, более критический подход иностранных специалистов позволяет увидеть собственные ошибки и сделать более глубокий анализ текущего положения. Наконец, как справедливо отметил М. Эллман³, методологический плюрализм полезен для самого развития экономической науки.

В связи с этим, основная тема настоящего выпуска – показать, какой видят экономику России и ее перспективы зарубежные специалисты, – представляется вполне актуальной и достаточно важной в настоящее время.

Открывает номер статья *В.С. Васильева*, в которой систематизированы оценки состояния и перспектив российской экономики в условиях мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2020 г. в результате пандемии COVID-19, экспертами международных организаций – Международного валютного фонда и Всемирного банка. Приводится их мнение о причинах замедления экономического роста в России и системных проблемах отечественной экономики. Представлена вновь вспыхнувшая в США дискуссия о сравнительных недостатках и достоинствах капита-

¹ В последние годы основное внимание зарубежных экспертов было обращено на развитие отечественной нефтяной и газовой отрасли (особенно газопроводов) и экспорта энергоресурсов, а также Арктического региона, взаимосвязей России с Китаем и постсоветскими странами, влияния санкций.

² В этом отношении очень показательна противоположность подходов к антироссийским санctionам со стороны отечественных и зарубежных специалистов. Если российских экспертов интересует вопрос, как смягчить их действие для экономики страны, то иностранных ученых, наоборот, волнует проблема эффективности санкций.

³ Эллман М. Каков вклад исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима? / Институт экономики РАН. – Москва, 2009. – С. 24.

лизма и социализма. По сути, в США, как, впрочем, и в других западных странах, на академическом уровне возвращаются к проблеме социализма как возможной альтернативы современным капиталистическим отношениям.

В обзоре *С.Н. Смирнова* представлены работы зарубежных исследователей, в которых анализируются перспективы и риски социально-экономического развития России, а также условия достижения национальных целей. В поле зрения иностранных ученых находятся проблемы распределения доходов и социально-экономического неравенства, функционирования экономики в условиях пандемии COVID-19, а также существующие структурные барьеры для экономического роста.

Статья *М.В. Клиновой* посвящена взгляду французских исследователей на эволюцию экономики России на протяжении двух десятилетий XXI в. В анализируемых работах выделяются знаковые события этого процесса: кризис 2008–2009 гг., введение западных санкций в 2014 г., пандемия COVID-19 с последующим экономическим спадом в 2020 г. Специалисты из Франции делают вывод о продолжении наметившейся с начала 2000-х годов тенденции укрепления позиций государства в экономике, а во втором десятилетии XXI в. – еще и ускоренного развития военно-промышленного комплекса в России.

В статье *И.И. Родионова и В.А. Цветковой* рассматриваются базы данных, содержащие информацию для экономических исследований, как в глобальном масштабе, так и применительно к России. Показаны основные базы данных по каждому из выделенных направлений формирования электронных ресурсов. Отмечено, что в последние годы полнотекстовые базы данных существенно подорожали, но появились базы данных для студентов и аспирантов, доступные в библиотеках вузов, а также открытый доступ к значительному количеству онлайн-ресурсов.

Наконец, обзор *О.Н. Пряжниковой* знакомит с результатами исследований российско-китайских отношений, проведенных экспертами Финского института международных отношений и затрагивающих такие аспекты сотрудничества двух стран, как экономические связи, безопасность и региональные интересы.

В номере представлены также традиционные для журнала «Экономические и социальные проблемы России» рубрики.

Проблемы стран и регионов. В раздел включен обзор *Н.А. Коровниковой и М.А. Положихиной* об особенностях и перспективах сотрудничества стран БРИКС. В связи с тем, что их со-

циально-экономическое развитие во многом зависит от масштабов и эффективности использования минерально-сырьевых ресурсов, большое внимание уделяется модернизации добывающей промышленности этих стран. Рассматриваются также возможности совместной экономической деятельности стран БРИКС, актуальные в современных условиях.

В обзоре *С.Н. Смирнова* анализируются статистические данные о туризме и результативности использования его инфраструктуры (отелей) в странах ЕС и России в период, предшествовавший пандемии COVID-19. Рассматриваются особенности современного круизного туризма. Отмечается необходимость перехода к устойчивому развитию туризма и взаимодействия в этом процессе различных заинтересованных сторон.

Обзор *О.Н. Пряжниковой* посвящен особенностям развития экономики совместного потребления в странах ЕС. Рассматриваются определения и элементы экономики совместного потребления, а также сектора экономики, в которых активно растет объем совместного потребления. Анализируются факторы, тормозящие рост экономики совместного потребления в ЕС.

Вопросы управления. Как отмечается в обзоре *С.Н. Смирнова*, пандемия COVID-2019, обусловившая тяжелый экономический кризис практически во всех странах, потребовала серьезных государственных мер поддержки экономики и населения. Многие из них ориентированы на малый и средний бизнес, в наибольшей степени пострадавший от снижения платежеспособного спроса. Эти меры реализуются в настоящее время, но по мере восстановления экономики государственная поддержка предпринимательства вернется к проверенным многолетней практикой схемам. Такие схемы рассмотрены на примере России, Германии, Польши и Хорватии.

В обзоре *С.И. Коданевой* подчеркивается, что переход к «зеленой» экономике требует значительных инвестиций как на разработку новых технологий, так и в основные средства действующих предприятий для повышения экологичности производств. Для привлечения в эту область частных инвестиций государства используют различные механизмы поддержки и стимулирования. Однако непродуманные меры могут не дать ожидаемого результата или даже оказаться негативное воздействие. Правильный выбор политики стимулирования имеет решающее значение для достижения целей устойчивого развития при ограниченном в настоящих условиях государственном бюджете.

Проблемы социально-демографического развития. В статье *О.Н. Пряжниковой* анализируются современные мировые практики социального диалога для прогнозирования и развития цифровых и других технологических навыков, спрос на которые растет в связи с процессом цифровизации. Представлены общие характеристики механизмов участия заинтересованных сторон в социальном диалоге, целью которого является разработка стратегии и реализация программ развития цифровых навыков и который действует как связующее звено между государством, отраслевыми объединениями, организациями работодателей и профсоюзами.

Представляется, что знакомство с материалами номера будет полезным для отечественных специалистов, заинтересованных в объективности представлений о развитии экономики России и ее образа в глазах внешних наблюдателей.

М.А. Положскихина

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

УДК 33(470+571):614.446

В.С. Васильев*

ОЦЕНКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЭКСПЕРТАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Систематизированы оценки состояния и перспектив российской экономики в условиях мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2020 г. в результате пандемии COVID-19, экспертами международных организаций – Международного валютного фонда и Всемирного банка. Приводится их мнение о причинах замедления экономического роста в России и системных проблемах отечественной экономики. Представлена вновь вспыхнувшая в США дискуссия о сравнительных недостатках и достоинствах капитализма и социализма.

Ключевые слова: Россия; экономика; экономический кризис; экономическая динамика; Международный валютный фонд; Всемирный банк; экономическая дискуссия.

V.S. Vasiliev
**Assessments of the Russian economy by experts
from international organizations**

Abstract. The assessment of the state and prospects of the Russian economy in the context of the global financial and economic crisis, that began in 2020 as a result of the COVID-19 pandemic, by experts of international organizations – the International Monetary Fund and the World Bank are systematized. Their opinion on the reasons of slowdown in economic growth

* **Васильев Владимир Сергеевич**, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).

Vasiliev Vladimir, DSn (Econ. Sci.), chief researcher, Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

in Russia and the systemic problems of the national economy is given. The discussion about the comparative advantages and disadvantages of capitalism and socialism reignited in the USA are presented.

Keywords: Russia; economy; economic crisis; economic dynamics; International Monetary Fund; World Bank; economic discussion.

Введение

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2020 г. и спровоцированный коронавирусной пандемией, затронул и российскую экономику. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ) на апрель 2020 г., годовое падение ВВП России оценивалось в 5,5% ВВП (на фоне падения мирового ВВП на 3,0% и ВВП группы так называемых развивающихся экономик и слаборазвитых стран в размере 1,0%) [The great lockdown, 2020, p. 7]. В июне 2020 г. МВФ скорректировал свою оценку в сторону ухудшения. Теперь падение ВВП России в 2020 г. прогнозировалось в 6,6% на фоне общего ухудшения состояния мировой экономики. Сокращение мирового ВВП в 2020 г. оценивалось уже в 4,9%, а ВВП группы развивающихся экономик и слаборазвитых стран – в 3,0% [A crisis like no other..., 2020, p. 7].

Модели развития финансово-экономического кризиса 2020 г.

Аналитики МВФ предложили четыре модели, в соответствии с которыми может проходить восстановление как мировой, так и национальной экономик в период после 2020 г. Модели ранжированы по принципу от самой оптимистической до самой пессимистической [Sheiner, Yilla, 2020].

Самой оптимистической является V-образная модель рецессии, относительно быстрого восстановления экономики – примерно в течение одного года, – и выхода на докризисную траекторию устойчивого экономического роста. Вторая модель экономического восстановления, именуемая как U-образная, исходит из более медленных временных параметров выхода на прежнюю траекторию развития, как правило, в течение 2–3 лет. Третья модель описывает волнообразную модель рецессии, которая получила название W-образной. Ее специфика состоит в том, что первоначальное улучшение экономических показателей спустя какое-то время, иногда через год-полтора, сменяется повторным экономическим

спадом. Однако через некоторое время начинается вторая, на этот раз успешная, фаза восстановления, которая в конечном итоге выходит на докризисные показатели. И, наконец, четвертой, самой пессимистической является модель длительного, измеряемого иногда целым десятилетием, периода восстановления экономики, в течение которого экономика находится в депрессивном состоянии. Такая модель именуется L-образной. Фактически модель Великой депрессии в США 1930-х годов или периода 1990-х годов в РФ.

Перспективы восстановления большей части показателей российской экономики до докризисных уровней зависят от траектории, по которой в конечном итоге будет развиваться экономический кризис 2020 г.

Стратегия РФ по восстановлению экономики на докризисном уровне

Согласно представлениям американских экономистов, темпы восстановления экономической активности до докризисных уровней напрямую зависят от государственной политики стимулирования экономики с помощью мер бюджетной и монетарной политики. По оценке аналитиков МВФ, Россия в общей сложности выделяет на восстановление своей экономики и на борьбу с эпидемией коронавируса 5 трлн руб. (по состоянию на 27.08.2020), или 5,0% ВВП¹. Если основываться на этом параметре, то можно сделать вывод, что российские власти взяли за основу стратегии модель относительно небыстрого преодоления кризисных явлений, в рамках которой объем выделяемых средств примерно соответствует глубине экономического спада. Эта стратегия в первом приближении соответствует U-образной модели восстановления экономической активности.

Сравнительно умеренная реакция российских властей на кризисные явления в экономике, возможно, проистекает из их стремления не допустить резкого ухудшения состояния системы государственных финансов, включая сохранение контроля над ростом государственной задолженности. МВФ прогнозирует для 2020 г. дефицит консолидированного бюджета РФ в размере 5,5%

¹ Рассчитано по [Policy responses..., 2020; The great lockdown, 2020]. По состоянию на июнь 2020 г. аналитики МВФ оценивали общую величину средств, выделенных федеральными российскими властями в 3,0% ВВП [Fiscal monitor..., 2020].

ВВП (в 2018 и в 2019 гг. бюджет сводился с положительным сальдо в размере 2,9% и 1,9% ВВП соответственно) и рост государственного валового долга до уровня 18,5–18,8% ВВП (в 2018 и 2019 гг. соотношение валового долга к ВВП РФ составляло 13,5% и 13,9% соответственно) [A crisis like no other..., 2020, p. 20].

Падение ВВП во втором квартале 2020 г. на 8,2% побудило российские власти перейти к «открытию» экономики, т.е. возвращению ее к обычному рабочему ритму функционирования. Правительство разработало трехфазовый план, предоставив большую самостоятельность регионам в этом вопросе в зависимости от складывающейся санитарно-эпидемиологической обстановки. На первом этапе населению было разрешено совершать прогулки и заниматься физкультурой на открытом воздухе; можно также открывать небольшие торговые точки и предприятия сферы обслуживания. На втором этапе возобновляли работу школы, а также средние по размеру торговые предприятия и предприятия сферы обслуживания. И, наконец, на третьем этапе открывалась большая часть магазинов, парков, предприятий сферы услуг, ресторанов, гостиниц, культурно-зрелищных учреждений. МВФ приводит данные российской статистики, согласно которой к концу августа из 85 регионов 15 регионов (18%) находились на первой фазе открытия экономики, 44 региона (52%) – на второй фазе и 26 регионов (30%) могли считаться полностью «открытыми». При этом на почти 0,8 млн человек (1,5% населения) по-прежнему распространялся режим карантина и самоизоляции [Policy responses..., 2020].

Перечисляя принятые на официальном уровне меры бюджетной и монетарной политики для выведения российской экономики на траекторию устойчивого развития, аналитики МВФ пока не дают обобщенной оценки эффективности предпринимаемых действий.

Важнейшим фактором неопределенности в развитии как мировой, так и российской экономик в МВФ считают возможное наступление второй волны коронавирусной пандемии осенью 2020 г. или в начале 2021 г. В этом случае надежды на быстрое восстановление мировой экономики в 2021 г. придется оставить. Падение мировой экономики продолжится, и в 2021 г. мировой ВВП может сократиться на 4,6%, при этом падение ВВП затронет все без исключения регионы мира [A crisis like no other..., 2020, p. 14].

Всемирный банк: вероятность большего экономического спада в РФ

В июле 2020 г. Всемирный банк (ВБ) выпустил специальный доклад, посвященный тенденциям развития российской экономики в условиях экономического спада и коронавирусной эпидемии. В нем аналитики ВБ не исключили возможность более глубокого и продолжительного спада в российской экономике, который они назвали пессимистическим сценарием. Согласно этому сценарию, падение ВВП России в 2020 г. может достичь 9,6%, вследствие чего рост в 2021 г. составит не более 0,1% (в пределах статистической погрешности) [Russia: Ressecion and growth..., 2020, p. 40]. В рамках пессимистического сценария значительно увеличится количество банкротств среди частных фирм, испытывающих серьезные финансово-экономические трудности, а также заметно снизится потребление домовладений и уменьшатся пассажирские перевозки. Примерно на 1,0% – с 12,3 до 13,4% – возрастет доля населения, живущего на доходы ниже официально исчисляемого индекса бедности.

Вероятность более глубокого экономического спада аналитики ВБ связали с возможной второй волной коронавирусной эпидемии в РФ в конце 2020 г., которая может вынудить российские власти «закрыть» российскую экономику на три месяца. В этой связи не исключается обострение социальной напряженности в российском обществе, поскольку «многие люди не имеют формальной работы, в результате чего большое число домохозяйств живет на доходы, ненамного превышающие уровень бедности, что повышает степень социальной уязвимости России, требующей тщательного мониторинга» [Russia: Ressecion ang growth..., 2020, p. 41].

ВБ проанализировал правительственный план вывода экономики из кризисного состояния, суммарный объем расходов по которому предполагается в сумме 7,0 трлн руб. Больше половины расходов (почти 52,0%) предполагается направить на развитие инфраструктуры и поддержку предприятий малого и среднего бизнеса. В рамках *развития экономической инфраструктуры* будут построены автодороги, модернизирована и расширена сеть железнодорожного сообщения, появятся новые объекты энергетической отрасли, включая ядерные, морского и речного видов транспорта. Поддержка *предприятий малого и среднего бизнеса* основана прежде всего на цифровизации этого сегмента экономики,

и только во вторую очередь на экономической поддержке этих предприятий в виде льготных кредитов, займов, субсидий, снижении налогов и налоговых каникул. По мере улучшения экономической конъюнктуры предприятия малого и среднего бизнеса планируется более активно привлекать к реализации национальных проектов.

Третьим приоритетом российского плана является реализация мер по импортозамещению и поддержке таких отраслей экономики, как автомобилестроение, транспорт, жилищное строительство, сельское хозяйство. На эти цели предполагается израсходовать примерно 20% всех выделяемых на реализацию плана средств. Меры социальной поддержки, включая трансферты региональным бюджетам, занимают сравнительно скромное место, и на их долю суммарно приходится порядка 22,0% общей величины расходов [Russia: Ressecion ang growth..., 2020, p. 41].

Таким образом, российское руководство сделало упор на инвестиции как основной инструмент выведения экономики из кризиса, полагая при этом, что создание новых рабочих мест позволит не допустить значительного увеличения безработицы. Приоритет инвестиционной составляющей объективно ведет к уменьшению потребительских расходов и стимулирующей роли спроса на товары и услуги. Возможно, что это снизит эффективность предлагаемых мер по модернизации реальных секторов экономики (вследствие ограниченного потребительского спроса). Сравнительно невысокая эффективность российской экономики, измеряемая показателем совокупной факторной производительности (СФП), также является фактором замедления процесса восстановления, так как даже увеличение объемов инвестиций сопровождается относительно низкой отдачей.

Снижение совокупной факторной производительности как основная причина низких темпов роста российской экономики

В январе 2020 г. ВБ выпустил обширное исследование, посвященное снижению эффективности функционирования российской экономики и его основным причинам. В исследовании ВБ совокупная факторная производительность определяется как «эффективность, с которой общество связывает своих людей, ресурсы и орудия труда». При этом именно СФП является «главным двигателем экономического роста. Увеличение доходности в промышлен-

ности и сельском хозяйстве, рост занятости для малоквалифицированной рабочей силы могут быть достигнуты исключительно за счет увеличения производительности труда» [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 8].

Согласно оценке аналитиков ВБ, замедление темпов роста в РФ в период с 2000 по 2018 г. явилось главным образом «следствием замедления роста производительности». В частности, в период с 2000 по 2013 г. среднегодовые темпы роста ВВП составили 5,2%, однако в период с 2014 по 2018 г. они снизились до 3,0%, а в 2018 г. упали до 2,3% [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 9].

В качестве факторов экономического роста аналитики ВБ рассматривали прирост капитала (инвестиции), рабочей силы и СПФ. Эволюция вклада этих факторов в темпы роста российской экономики в период с 1991 по 2014 г. приведена в таблице.

Таблица
**Темпы и факторы роста российской экономики
в 1991–2014 гг., в %***

№ пп	Период, г.	Среднегодовой темпер роста	Капитал	Труд	СФП
1	1991–2014	1	52	36	12
2	2000–2005	6	2	95	3
3	2005–2010	3,5	41	59	–
4	2010–2014	2,8	60	47	–6

*Составлено по данным [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 30].

Представленные данные показывают, что замедление темпов экономического роста в России происходило, главным образом, за счет снижения вклада фактора труда и практически полного прекращения влияния фактора СФП с середины первого десятилетия XXI в. В свою очередь снижение вклада фактора труда напрямую связано с падением качества рабочей силы. Можно сделать вывод, что замедление темпов роста российской экономики обусловлено тем, что в период 2000–2014 гг. экономический рост постепенно стал терять черты интенсивной модели и все в большей степени стал воплощать в себе черты экстенсивной модели. Поэтому увеличение инвестиций в сравнительно небольшой степени может повлиять как на послекризисный выход российской экономики на траекторию устойчивого развития, так и на уско-

рение темпов роста. Рост инвестиций должен сопровождаться повышением качества рабочей силы, т.е. структурным увеличением в составе рабочей силы высокообразованной и высококвалифицированной рабочей силы, равно как и модернизацией российской экономики на основе новейших достижений научно-технического прогресса.

Согласно представлениям аналитиков ВБ, падение значения параметра СФП и параллельное снижение темпов экономического роста в России обусловлено действием следующих факторов. Во-первых, имеет место неэффективное распределение ресурсов капитала и труда между фирмами (так называемый «канал перераспределения»); во-вторых, сформировалась порочная динамика функционирования рынка фирм, при котором малопроизводительные фирмы остаются на рынке, а высокоэффективные уходят с него («канал входа-выхода»); и, в-третьих, слабость внутрифирменной модернизации (неэффективный «внутренний канал») [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 30]. Именно фирма (или компания) является тем критически важным структурным элементом экономики, от состояния которого напрямую зависит изменение значений параметра СФП.

В докладе ВБ подчеркивается, что межфирменная конкуренция недостаточно сильно влияет на уровень цен из-за большой роли государства в российской экономике. Государственные предприятия присутствуют в 39 из 44 основных отраслей российской экономики, в то время как в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей 37 государств (по состоянию на 2018 г.), этот показатель в среднем составляет 23 отрасли. При этом в России из 39 отраслей с государственным участием только 7 могут быть отнесены к группе естественных монополий. На долю государства приходится 33–35% производимого в России ВВП; в государственном секторе занято 42% всей рабочей силы страны, а на принадлежащих государству предприятиях трудится 17% всех занятых. На транспорте и связи, в обрабатывающих отраслях экономики, бизнес-услугах, в энергетике и водоснабжении – занято 85% всех работающих на государственных российских предприятиях. Степень интенсивности внутренней конкуренции на отечественных рынках в докладе ВБ оценивается как «5» по семибалльной шкале [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 15, 38, 39].

Вместе с тем раздел доклада ВБ, посвященный лидеру российской банковской сферы – Сбербанку, – содержит достаточно

противоречивую оценку его деятельности как монополиста, к услугам которого регулярно прибегают 92 млн физических лиц и 2,4 млн юридических лиц. Сбербанк контролирует немногим более 31% всех банковских активов российской экономики и почти 45% индивидуальных вкладов. В целом его деятельность оценивается как успешная и высокоприбыльная. Однако «поскольку Сбербанк стремится к выходу на другие рынки, пытаясь создать финансовую экосистему и предоставлять небанковские услуги в таких сферах, как образование, здравоохранение, кибербезопасность и электронная торговля, то регулирующие органы должны неукоснительно следить за тем, чтобы банк не смог использовать какие-либо неоправданные конкурентные преимущества для доминирования в этих секторах экономики» [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 44].

Государственное регулирование – прямое или косвенное – объясняет 51% всего количества ограничений, существующих в российской экономике. Если принять величину этих ограничений за 100%, то 51% из них может быть отнесен на долю предприятий, принадлежащих государству, 26% – на долю ограничений для развития торговли и инвестиций и 23% – на долю ограничений, препятствующих развитию предпринимательства [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 40].

Принадлежащие государству предприятия «по определению» отличаются сравнительно невысоким уровнем управленческой культуры, индекс которой по шестибалльной шкале составляет всего 4 (по данным и оценке ОЭСР) [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 43].

В понимании аналитиков ВБ конкурентная среда в России должна быть ориентирована на усиление позиций (и, соответственно, прибылей) иностранных инвесторов. В докладе делаются два вывода. Во-первых, присутствие иностранного капитала (и, соответственно, иностранных технологий) повышает качество производимой продукции, которая усиливает прежде всего экспортные возможности соответствующих российских фирм. Во-вторых, производственные связи с иностранными фирмами, главным образом транснациональными корпорациями (ТНК), повышают качество управления и управленческую культуру руководства российских фирм [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 79, 84].

Индекс экономической свободы России

В 2020 г. индекс экономической свободы¹ России был оценен в 61 пункт (по 100-балльной шкале), что соответствует 94-му месту среди 180 стран мира (среднемировой индекс экономической свободы составил 61,6 балла) и 43-му месту среди 45 европейских стран. В 2019 г. индекс экономической свободы России оценивался на уровне 58,9 балла. Переход страны из одного класса в другой связан, прежде всего, с показателем «фискального благополучия», который составил 98,7 балла. До начала кризиса 2020 г. бюджетный дефицит оценивался в 0,8% ВВП, а государственный долг – в 14,0% ВВП. Налоговая нагрузка на экономику получила оценку 88,5 балла: из-за наличия плоской шкалы подоходного обложения в 13% и ставки налога на прибыли корпораций в размере 20%. По уровню государственных расходов консолидированного бюджета РФ, равных почти 35% ВВП, оценка составила 63,8 балла [Index of economic freedom, 2020].

Открытость рынков. Аналитики фонда «Наследие» признают наличие значительных нетарифных ограничений внешней торговли в России. Иностранные инвестиции, за исключением энергетического сектора, являются небольшими, а финансовый сектор контролируется в основном банками, среди которых пять крупнейших принадлежат государству. В итоге свобода внешнеторговых отношений получила оценку в 77,8 балла, инвестиционная и финансовая свободы – по 30 баллов [Index of economic freedom, 2020].

Эффективность регулирования экономики получила более высокие оценки, поскольку были упрощены процедуры разрешений на строительство, подключения к энергосетям и уплаты налогов, а также получения лицензий на внешнеторговую деятельность (но только через Москву и Санкт-Петербург). Вместе с тем Трудовой кодекс является устаревшим, а регулирование рынка труда малоэффективно. В стране существует большое количество программ субсидирования экономики. В результате свобода

¹ Составляется и публикуется известной правоконсервативной организацией США – фондом «Наследие». Согласно принятой классификации, страны в интервале от 80 до 100 баллов считаются экономически свободными, от 70 до 79,8 балла – по большей части свободными, от 60 до 69,9 балла – умеренно свободными, от 50 до 59,9 балла – по большей части несвободными, и от 0 до 49,9 балла – несвободными.

ведения бизнеса получила оценку 80,2 балла, свобода трудовых отношений – 52,1 балла, свобода ценообразования – 68,2 балла [Index of economic freedom, 2020].

В сфере верховенства закона подчеркивается существование тесных связей между политической властью и собственностью, благодаря чему высокопоставленные государственные чиновники используют служебное положение для накопления обширных активов. Судебная система лишена независимости. Широко распространена коррупция, а частный бизнес регулярно становится жертвой вымогательства со стороны правоохранительных органов и организованных преступных групп. На этом основании защита прав собственности была оценена в 58,5 балла, эффективность судебной системы – в 44,4 балла, а эффективность работы правоохранительных органов – в 41,3 балла [Index of economic freedom, 2020].

В докладе фонда «Наследие» об экономической свободе в России в 2020 г. делается общий вывод о том, что до тех пор, пока «государство следует антирыночной, националистической и протекционистской экономической политике и придерживается осторожного подхода к иностранным инвестициям в страну, расширение экономической свободы в России будет затруднено» [Index of economic freedom, 2020, p. 384–385].

Следует отметить, что во многих исследованиях международные эксперты опираются на работы российских экономистов и социологов, опубликованных в том числе и на английском языке, в которых содержится конкретная статистическая информация о положении дел в различных секторах и отраслях российской экономики.

Оценка ресурсного потенциала России

В 2019 г. аналитиками ВБ совместно с российскими специалистами был подготовлен обширный доклад, в котором рассматривался ресурсный потенциал страны. В нем, в частности, констатировалось, что «Россия – страна мирового значения и огромного разнообразия... Она обладает богатыми природными ресурсами, что подчеркивает ее значение как мирового экспортера сырья... Россия – один из крупнейших производителей и экспортеров природного газа, третий крупнейший производитель нефти (после США и Саудовской Аравии) и второй крупнейший экспортер нефти (после Саудовской Аравии)» [Weaker global outlook..., 2019, p. 56].

Оценка стоимости активов (богатств) была произведена аналитиками ВБ в постоянных ценах в рублях и долларах США. Активы трактовались как капитал, состоящий из следующих видов: 1) природный; 2) произведенный (включая городские земли); 3) человеческий; 4) иностранный.

Согласно докладу, в период с 2000 по 2017 г. стоимость богатств России увеличилась почти на 73,5% – с 753 трлн до 1,306 квадриллиона руб. (в постоянных ценах 2017 г.). В 2017 г. ведущую роль в структуре российских богатств играл человеческий капитал, доля которого составила 46%; далее шел произведенный капитал, на долю которого пришлось 33% богатств. Третью позицию занимал природный капитал с 20%, из которых 15% приходилось на долю невозобновляемых ресурсов и 5% – на долю возобновляемых ресурсов. Замыкали структуру российских богатств иностранные инвестиции с долей, равной 1% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

В 2000–2017 гг. человеческий капитал обеспечил наибольшую часть прироста объема совокупного богатства (в расчете на душу населения) – его вклад составил 47,2%. На втором месте шел произведенный капитал с 37,6% вклада, на третьем – природный капитал с 15,5%, и замыкал этот перечень иностранный капитал с отрицательным значением вклада – 0,2% [How wealthy is Russia..., 2019, p. 16]. Иными словами, иностранный капитал и иностранные инвестиции в период 2000–2017 гг. являлись факторами уменьшения национальных богатств России, будучи каналом их вывоза за рубеж.

Структура богатств России заметно отличается от среднего соотношения видов капитала в странах ОЭСР. По состоянию на 2014 г. аналитики ВБ определяли их здесь следующими пропорциями: человеческий капитал – 70%, произведенный капитал – 28%, природный капитал – 3% и чистые иностранные активы – 1% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

Показатель отдачи на накопленное богатство, измеряемый соотношением ВВП и накопленных богатств, составил за период 2000–2017 гг. 7%, что примерно соответствует соответствующему показателю высокоразвитых стран и стран ОЭСР. Вместе с тем в расчете на душу населения по состоянию на 2014 г. размер богатств в России составлял всего 1/4 от среднедушевого размера богатств на душу населения в странах ОЭСР. За период с 2000 по 2017 г. величина богатства на душу населения в России выросла

в 1,8 раза и достигла 9 млн руб., или 152,5 тыс. долл. [Weaker global outlook..., 2019, p. 57, 58].

Принципиально важным в исследовании ВБ является раздел, в котором говорится о долгосрочном влиянии мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. на рост благосостояния российского населения. В частности, если в период 2001–2008 гг. медиана доходов российского населения увеличивалась среднегодовым темпом в 9%, то в 2009–2010 гг. среднегодовой рост составил 4,5%, а в период 2010–2015 гг. снизился до 1,6% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

В конечном итоге, следуя широко распространенным в США стереотипам о российской экономике, аналитики ВБ связывают замедление темпов роста благосостояния россиян с изменением конъюнктуры на мировом рынке углеводородов, с амбивалентной зависимостью российской экономики от нефти и газа. Указывается, что хотя в богатых природными ресурсами Норвегии и Австралии стоимость невозобновляемых ресурсов в два-три раза выше, чем в России, доли этих ресурсов в совокупном богатстве составляют, соответственно, 5% и 11%. В России же их доля достигает 20% (по состоянию на 2014 г.). Максимизация отдачи от совокупных богатств предполагает уменьшение зависимости России от природного капитала, связанного всего с двумя видами активов – нефтью и газом [Weaker global outlook..., 2019, p. 60].

Заключение

Коронавирусная пандемия, обернувшаяся для США не только невиданным экономическим кризисом со времен Великой депрессии 1930-х годов, но и системным кризисом американского медико-промышленного комплекса, явилась катализатором возобновления дискуссий о том, в какой степени практика противодействия стихийным бедствиям и экологическим катастрофам, а также мобилизационные меры по преодолению социально-экономических кризисов, применявшаяся в прошлом в социалистических странах, в том числе и в СССР, адекватна вызовам XXI в. По сути, в США, как, впрочем, и в других западных странах, на академическом уровне возвращаются к проблеме социализма как возможной альтернативы современным капиталистическим отношениям.

Возрождению интереса к переустройству общества на социалистических принципах способствовало два фактора. Во-первых, президентская кампания в США, в ходе которой вновь, как и

в 2016 г., достаточно мощно заявил о себе левый фланг Демократической партии США, представленный сенатором от штата Вермонт Б. Сандерсом, который открыто называет себя «демократическим социалистом». Во-вторых, успехи таких стран, как Китай, Вьетнам и Куба, в борьбе с коронавирусной пандемией, особенно по сравнению с провалом США в этой сфере.

На этом фоне оказались востребованными и получили достаточно широкий резонанс статьи проф. Р. Вулфа, известного американского экономиста-марксиста. В частности, он пишет, что «капитализм является социально иррациональным по своей сути... Капитализм не может отменить законы повторяющихся экономических циклов, несмотря на бесчисленные усилия преодолеть цикличность развития экономики, включая кейнсианскую экономику и кейнсианскую политику, начало которым было положено в 1930-е годы» [Wolff R. Mass unemployment..., 2020]. Р. Вульф прогнозирует тщетность всех усилий правящей финансово-экономической элиты США вернуться к «докризисной нормальности» после социально-экономических потрясений 2000–2001 гг., 2007–2009 гг. и нынешнего кризиса. «...Двухпартийная политика [американского] истеблишмента реагирует на нынешний крах таким образом, что приближает капитализм к его следующему краху» [Wolff R. COVID-19 was..., 2020].

Идейно-идеологическая поляризация и усиление левых настроений в американском обществе стало фактором, вызывающим беспокойство правоконсервативных сил США. Этот сдвиг побудил аналитические центры США консервативной направленности вновь обратиться к тематике сравнительных достоинств и недостатков капитализма и социализма. Фактически в США идут, в том числе и на высшем государственном уровне, активные дебаты о социализме и капитализме, которые одно время считались «перевернутой страницей» истории XX в., итоговую черту под которой подвел распад СССР в 1991 г. В частности, в 2020 г. известный Гуверовский институт в рамках проекта «Человеческое процветание» опубликовал ряд эссе на соответствующую тему.

Среди них можно выделить работу известного историка, сотрудника Гуверовского института Н. Фергюсона, который рассматривает проблему социализма и капитализма через призму исторических процессов. Одно из наиболее важных его положений сводится к тому, что социализм и капитализм существуют как пара взаимосвязанных идейных антиподов [Ferguson, 2020, p. 12].

Н. Фергюссон указывает, что «к 2007 г. социализм был по-всеместно мертв». Своим возрождением он обязан мировому финансово-экономическому кризису 2007–2009 гг. Хотя в большинстве стран от этого кризиса политически выиграли правые популисты, которым удалось показать, так же как и в XIX в., что «национальная идентичность гораздо сильнее проявляет себя по сравнению с классовым сознанием всякий раз, когда эти две идеологемы приходят в столкновение друг с другом» [Fergusson, 2020, р. 16].

«Полевению» американского общества во втором десятилетии XXI в. способствовали обстоятельства, на которые указывал Й. Шумпетер еще в 1942 г. Однако, в отличие от «классических социалистов», воспитанных в духе идей К. Маркса и Ф. Энгельса, современные американские социалисты в основу своих программ кладут не концепцию национализации сферы общественного производства, а социализацию сфер здравоохранения и образования, сохранение качества окружающей среды, а также более равномерное распределение в обществе доходов и личных богатств [Fergusson, 2020, р. 18].

Наконец, появились серьезные аналитические работы американских авторов, в которых проводится мысль о том, что стремительный прогресс в создании систем искусственного интеллекта (ИИ) заставляет по-новому взглянуть на проблему централизованного и планомерного управления экономическими процессами. Общая идея такого подхода сводится к тому, что системы ИИ могут оказаться гораздо более эффективными «управленцами» экономики, нежели система «свободных рынков». В частности, в работе проф. Калифорнийского университета Э. Парсонса прямо говорится о том, что «одним из фундаментальных критических замечаний по поводу экспериментов двадцатого века в области централизованного экономического планирования и основной причиной их неудач была неспособность контролируемых человеком систем планирования управлять сбором, анализом, расчетами и контролем, необходимыми для управления исключительно сложными системами производства, распределения и обмена, лежащими в основе современной экономики. Недавние быстрые достижения в области искусственного интеллекта, информационных систем обработки данных и связанных с ними технологических возможностей заставили вновь вернуться к этому старому вопросу и спровоцировали активные спекуляции о возможностях, преимуществах и угрозах экономики, управляемой ИИ» [Parson, 2020, р. 1].

Список литературы

1. A crisis like no other, an uncertain recovery. World economic outlook update / IMF. – Washington, 2020. – 20 p.
2. Boosting productivity in Russia: Improving resource allocation and firm performance / World Bank. – Washington: World Bank group, 2020. – 113 p.
3. Fergusson N. Capitalism, socialism, and nationalism: Lessons from history / Hoover Institution // The human prosperity project. – 2020. – N 2001. – P. 11–26.
4. Fiscal monitor: Database of country fiscal measures in response to the Covid-19 pandemic / IMF. – 2020. – 13 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19> (дата обращения: 08.09.2020).
5. How wealthy is Russia? Measuring Russia's comprehensive wealth from 2000–2017 / World Bank. – 2019. – 54 p.
6. Index of economic freedom 2020 / The Heritage foundation. – Washington, 2020. – 506 p.
7. Parson E. Max – a thought experiment: Could AI run the economy better than markets? / AI pulse. – 2020. – 83 p. – Mode of access: <https://aipulse.org/max-a-thought-experiment-could-ai-run-the-economy-better-than-markets/?pdf=645> (дата обращения: 08.09.2020).
8. Policy responses to COVID-19. Russia / IMF. – Washington, 2020. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 08.09.2020).
9. Russia: Recession and growth under the shadow of the pandemic // Russia economic report / World Bank. – 2020. – 62 p.
10. Sheiner L., Yilla K. The ABCs of the post-COVID economic recovery // Brookings. – 2020. – 04.05. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/05/04/the-abcs-of-the-post-covid-economic-recovery/> (дата обращения: 08.09.2020).
11. The great lockdown. World economic outlook / IMF. – Washington, 2020. – 158 p.
12. Weaker global outlook sharpens focus on domestic reforms. Russian economic report / World Bank. – 2019. – 64 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33121/Weaker-Global-Outlook-Sharpens-Focus-on-Domestic-Reforms.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 08.09.2020).
13. Wolff R. COVID-19 was a trigger, but capitalism caused the economic crash // Truthout. – 2020. – 17.04. – Mode of access: <https://truthout.org/articles/covid-19-was-a-trigger-but-capitalism-caused-the-economic-crash> (дата обращения: 08.09.2020).
14. Wolff R. Mass unemployment amid the pandemic is an indictment of capitalism // Truthout. – 2020. – 06.05. – Mode of access: <https://truthout.org/articles/mass-unemployment-amid-the-pandemic-is-an-indictment-of-capitalism> (дата обращения: 08.09.2020).

УДК 338.4

С.Н. Смирнов*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ
В ПУБЛИКАЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ
(Обзор)**

Аннотация. Экономика России изучается различными зарубежными исследователями, которые аффилированы с национальными университетами или с международными организациями. Тематика исследований охватывает экономическую историю страны и ее место на современной карте мира. Особый интерес представляют работы, в которых анализируются перспективы и риски социально-экономического развития России, а также условия достижения национальных целей развития страны.

Ключевые слова: Россия; экономические исследования; распределение доходов населения; пандемия COVID-19; национальные цели развития; экономические риски.

* Смирнов Сергей Николаевич, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (НИОН РАН), заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Smirnov Sergey, DSn (Econ. Sci.), leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

S.N. Smirnov
Social and economic problems of Russia
in publications of foreign authors
(Review)

Abstract. The Russian economy is studied by various foreign researchers who are affiliated with national universities or international organizations. The research topics cover the economic history of this country and its place on the modern map of the world. Of particular interest are works that analyze the prospects and risks of socio-economic development of Russia as well as the conditions for achieving national development goals of the country.

Keywords: Russia; economic research; distribution of income of the population; pandemic COVID-19; national development goals; economic risks.

Введение

Экономика и социальная сфера России периодически привлекает внимание зарубежных аналитиков, аффилированных как с национальными университетами, так и с крупными международными организациями (Всемирный банк, Европарламент и т.д.). Опубликованные исследования можно разделить на две количественно неравнозначные группы. Большинство посвящено текущему состоянию и перспективам экономического и социального развития страны. В меньшем числе работ анализируется путь, который Россия прошла за почти три десятилетия с начала экономических реформ.

В настоящем обзоре представлены наиболее интересные исследования зарубежных специалистов, посвященные актуальным социально-экономическим проблемам России.

Распределение доходов и активов населения в XX–XXI вв.

В ряде подобных исследований выделяется работа «команды Пикетти» – экономистов Лаборатории мирового неравенства (WIL) Парижской школы экономики (PSE) [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017]. Авторы не ограничились экономической историей новой России, а проанализировали статистические данные о распределении доходов россиян за более чем вековой период, начиная с 1905 г.

Экономические системы, которые существовали в России в XX в., характеризовались различными уровнями доходного нера-

венства населения. Так, следствием перехода после 1917 г. к плановой экономике стало резкое сокращение долей верхних по уровню доходов дециля (т.е. 10%) и перцентиля (т.е. 1%) населения в национальном доходе до налогообложения¹. Если в 1905 г. они составили соответственно 47% и 18%, то уже во второй половине 1920-х годов – всего 23% и менее 4%. Вплоть до второй половины 1980-х годов эти доли изменились незначительно [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 70–71].

Коммунистическое правительство СССР декларировало в качестве главной цели построение нового общества социальной справедливости и стремилось сократить расслоение населения по уровню доходов. Так, в 1956–1989 гг. при среднегодовых темпах роста национального дохода (до налогообложения) в расчете на взрослого жителя России в 2,3% у 50% населения с самыми низкими доходами они составили 3,2%. С другой стороны, в этот период в составе верхнего дециля формировалась группа наиболее богатого населения: у верхнего перцентиля эти темпы составили 2,5%, а у 0,001% самых богатых – 3,3% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 79].

Сравнивая распределение доходов между различными группами населения в различных социально-экономических системах, существовавших в России, следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, в России до 1917 г. так и не был введен налог на доходы физических лиц, применение которого могло бы изменить распределение доходов в пользу низкодоходных групп населения. Во-вторых, в плановом социалистическом хозяйстве с его неизбежным дефицитом и нерыночным распределением потребительских товаров важен был не только размер доходов, но и возможность доступа к специальным магазинам, ведомственным санаториям и т.п. натуральным благам, недоступным для подавляющего большинства населения.

Ситуация кардинально изменилась с началом рыночных реформ в стране в 1992 г. Статистические данные свидетельствуют о резком росте разрывов в материальном благополучии населения и об обеднении значительной его части. В 2016 г. численность взрослого населения страны² составила 114,9 млн человек, на каждого из которых приходилось в среднем 23,8 тыс. евро националь-

¹ Национальный доход до уплаты налогов и трансфертов, за исключением пенсий и страхования по безработице.

² Лица в возрасте не моложе 20 лет.

ного дохода (до налогообложения). У наиболее бедной половины взрослых (почти 57,5 млн человек) эта величина составила 7,9 тыс. евро, а их доля в общей величине национального дохода (до налогообложения) равнялась 17%. У следующих 40% населения (около 46 млн человек) – 21,7 тыс. евро (соответственно 37,5%); у верхнего дециля (почти 11,5 млн человек) – 105,5 тыс. евро (45,5%); у верхнего перцентиля (около 1,1 млн человек) – 469,1 тыс. евро (20,2%) и у 0,001% (1,1 тыс. человек) – почти 58,6 млн евро (2,5%) [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, р. 77].

Несмотря на рост расслоения населения России по величине получаемых доходов, результаты рыночных реформ в целом можно оценить позитивно. Уровень жизни населения страны в 1989–1990 гг. составлял 60–65% от среднеевропейского. К середине 2010-х годов, несмотря на финансово-экономические кризисы 1998 г. и 2008–2009 гг. и введение в 2014 г. экономических санкций в отношении России, он повысился до 70–75% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, р. 3].

В этот же период в структуре национального богатства страны возросла доля частной его составляющей¹. Если в 1990 г. частное богатство составляло $\frac{1}{4}$ общей величины национального, то в 2015 г. – уже более $\frac{3}{4}$ национального богатства страны. Рост этих показателей произошел в течение всего нескольких лет после шоковой терапии, ваучерной приватизации, приватизации жилья и в существенно меньшей степени – земель сельскохозяйственного назначения. Но если ваучерная приватизация стала фактором роста активов достаточно ограниченного числа российских домохозяйств, то в ходе многолетней бесплатной приватизации жилья, растиавшейся на десятилетия, в частную собственность к 2015 г. перешли почти $\frac{4}{5}$ государственного, муниципального и ведомственного жилья. В результате отношение стоимости частного жилья к национальному доходу, составлявшее в 1990 г. 50%, к 2008–2009 гг. увеличилось до 250% (но в 2015 г. оно снизилось до 200%). Вместе с тем фактически обесценились в начале 1990-х годов финансовые активы домохозяйств – в результате высоких темпов инфляции. К началу 2000-х годов их отношение к национальному доходу составляло 20–30%. В дальнейшем при быстром росте доходов населения в условиях резкого повышения цен на нефть это отношение повысилось. В целом за период 1990–2015 гг. величина финансово-

¹ Стоимость активов домохозяйств и некоммерческих организаций, уменьшенная на величину их долговых обязательств.

вых активов отечественных домохозяйств оценивается в 70–80% от национального дохода страны [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, р. 16–18].

Оценка зарубежных активов россиян сопряжена со значительными статистическими трудностями, что обусловило большой разброс результатов. Минимальное значение их отношения к национальному доходу в 2015 г. определено в 55%, а максимальное – в 100%. При их оценке в 800 млрд долл., более половины принадлежит российским миллиардерам, которые входят в список Forbes [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, р. 21, 23].

Исследователи сравнили количественные результаты масштабных экономических реформ в России и в Китае – и они сильно отличаются. Например, относительные масштабы частного богатства населения в России и Китае в 1980-е годы были сопоставимы между собой. В каждой из этих стран его отношение к национальному доходу составляло немногим более 100%. Но если в 2015 г. в Китае оно достигло 500%, т.е. стало таким же, как в США, лишь немногим уступая Франции и Великобритании (550–600%), то в России это отношение остается существенно ниже, составив 350–400%. Рост частного богатства в России происходил практически полностью за счет сокращения той части национального богатства, которая находилась в общественной собственности. Это подтверждается лишь незначительным увеличением отношения национального богатства к национальному доходу – с 400% в 1990 г. до 450% в 2015 г. В Китае это отношение в 2015 г. составило 700% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, р. 25, 26].

Такие различия объясняются, во-первых, тем, что норма сбережений в Китае составила 30–35%, что практически вдвое превышает ее значение в России (15–20%). Во-вторых, сбережения в Китае направлялись в основном на инвестиции внутри страны. В России почти половина их инвестировалась за рубежом далеко не всегда в экономически эффективные проекты.

Экономика в условиях пандемии: I полугодие 2020 г.

Начальный этап карантинных ограничений, введенных в стране в конце марта¹, практически сразу сказался на экономических и социальных показателях России, динамика которых в

¹ Все показатели характеризуют, если это не оговорено особо, экономическую ситуацию в 2020 г.

I квартале была положительной. Их ухудшение было связано как с проблемами в самой стране, так и с негативной динамикой мировой экономики.

Эксперты Всемирного банка в числе внешних факторов, оказавших наиболее значимое влияние на состояние экономики страны, называют снижение цен на сырую нефть (в январе – апреле на 65%¹) и деловой активности основных торговых партнеров России – стран еврозоны и Китая². В результате ВВП страны в апреле по сравнению с тем же периодом 2019 г. сократился на 12,1%, а в мае – на 10,9% [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 7–8].

Экономический спад обусловил ухудшение ситуации в бюджетной и финансово-кредитной сферах. Дефицит федерального бюджета в январе – мае составил 273,3 млрд руб.³ по сравнению с профицитом 1283,3 руб. в аналогичном периоде 2019 г. В условиях длительно сохранявшихся низких цен на нефть рубль в мае подешевел на 11% по сравнению с началом года. Несмотря на то что банковская система к началу пандемии была достаточно устойчивой, тем не менее существуют риски роста доли срочной и просроченной задолженности в кредитном портфеле, составившей в мае около 10% [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 7–8].

На этом фоне неизбежным был рост безработицы на российском рынке труда, общий уровень которой составил в апреле 5,8%, в мае 6,1% и в июне 6,2% по сравнению с соответственно 4,7%, 4,5% и 4,4% в 2019 г. Общая численность безработных в июне оказалась на 1,3 млн человек больше, чем годом ранее. Впервые за многие годы резко выросло число зарегистрированных безработных, что было связано с анонсированными мерами финансовой поддержки этой категории населения. В июне на учете в органах службы занятости состояли 2,8 млн человек по сравнению с 0,7 млн человек в марте [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 8–9].

В сложившейся ситуации российское правительство приступило к реализации пакета мер по финансовой поддержке бизнеса и населения из средств федерального бюджета. Общий бюджет

¹ 23 долл./баррель в апреле. После снятия карантинных мер цены вернулись в июне на отметку в 40 долл./баррель.

² В I квартале ВВП этих стран сократился в годовом исчислении соответственно на 13,6 и 6,8%.

³ Здесь и ниже значения показателей выверены по [Социально-экономическое положение..., 2020] и по возможности дополнены данными за июнь.

этих мер составил 3875,7 млрд руб., или 4% ВВП. 2590 млрд руб. из них предназначались для поддержки крупных, средних и малых предприятий, индивидуальных предпринимателей и НКО; 665,9 млрд руб. – для помощи домохозяйствам, включая самозанятых; 246,8 млрд руб. – для финансирования здравоохранения и противоэпидемиологических мероприятий и 373 млрд руб. – для финансовой поддержки региональных бюджетов. Кроме того, были реализованы предложенные Центробанком России меры кредитной политики, в частности домохозяйствам, в которых имелись заболевшие COVID-19, была предоставлена возможность реструктурировать кредиты банков и микрофинансовых организаций. По отношению к ним не должны были применяться штрафные санкции и обращение взысканий на залоговое обеспечение кредитов. По масштабам мер по купированию негативного воздействия пандемии на экономику страны Россия уступает ведущим странам «большой двадцатки» (Италия, Германия, Япония, Великобритания, Франция и США), но находится на одном уровне с государствами с аналогичным ВВП на душу населения [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 10].

В конечном счете предпринятые меры должны были предотвратить резкое падение доходов и рост уровня бедности населения России в условиях пандемии. Согласно прогнозам, при сокращении ВВП на 6% последний может вырасти к концу года с 12 до 14,8%. Поэтому в дополнение к описанным мерам были осуществлены прямые денежные выплаты различным категориям семей (в первую очередь семьям с детьми). Согласно оценкам, эти выплаты позволят практически стабилизировать уровень бедности в стране на уровне 12,2%. Однако к подобным надеждам следует относиться с осторожностью, поскольку влияние пандемии на экономику во многом будет зависеть от ее динамики, которая не поддается достоверному прогнозированию. В случае если удастся избежать второй волны пандемии, то в 2021 г. темпы прироста ВВП России могут составить 2,7%, а в 2022 г. – 3,1%. В пессимистичном сценарии ВВП страны может сократиться на 9,6%, а его рост в 2021 г. составит всего 0,1%.

Важно, что вне зависимости от ситуации с пандемией России в среднесрочной перспективе предстоит повышать результативность системы социальной защиты населения. В настоящее время на ее финансирование направляется 3,2% ВВП страны, в то время как в мире в среднем 1,6%. Однако только 0,4% ВВП распределяется на адресные программы, предполагающие проверку

нуждаемости заявителей¹. До пандемии бедные получали всего 10% общей суммы социальных трансфертов, которые позволяли покрывать в среднем около 1/3 дефицита их доходов [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 11–12].

По мнению некоторых зарубежных экспертов, условия пандемии создали предпосылки для решения ряда острых социальных проблем России. Это видно на примере системы образования. Речь, прежде всего, идет о повышении доступности различных социально-экономических групп населения к технологиям дистанционного получения знаний, обеспечении онлайн взаимодействий преподавателей и обучаемых, а также доступе к интернет-ресурсам учебных материалов. Развитие ИТ-технологий позволяет также сократить межрегиональные различия в возможностях получения качественного образования, а за счет обмена лучшими практиками и наработками – повысить квалификацию преподавателей. Предполагается, что подобные технологии позволят улучшить международные взаимодействия в университетском звене образования и будут способствовать его интернационализации [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 15].

Вызовы для России: как будет развиваться экономика?

Независимо от того, насколько продолжительной окажется пандемия COVID-19, России в предстоящем периоде предстоит отвечать на многочисленные экономические вызовы. В докладе, подготовленном сотрудником Службы исследований Европарламента М. Расселом, отмечается, что в экономике страны существуют *структурные барьеры*, препятствующие ее развитию. Эти барьеры связаны с условиями конкуренции, системой управления, человеческим капиталом, бедностью, инновациями, инвестициями и природными ресурсами [Russell, 2018].

Условия конкуренции. В структуре экономики России доминируют крупные компании, которые контролируются государством. В 2016 г. доля пяти частных компаний («Лукойл», «Ростех», «Магнит», «Х5 Retail Group» и «Сургутнефтегаз») в объеме продаж 10 наиболее крупных компаний (25,7 трлн руб.) составила 35,5%. Остальные 64,5% приходятся на продажи компаний с государственным участием («Газпром», «Роснефть», Сбербанк, «РЖД» и «Банк ВТБ»). Процесс огосударствления экономики получил раз-

¹ В странах ЕС в среднем 0,5% – от 0,1% в Болгарии до 1,4% в Нидерландах.

вение во второй половине 2000-х годов. Если на долю государственного сектора экономики в 2006 г. приходилось 38% ВВП, то в 2012 г. – уже 70%. Сложности с исполнением государственного бюджета после 2014 г. заставили правительство страны принять решение о продаже части активов. В 2016 г. были проданы часть государственных активов в компаниях «АЛРОСА» и «Роснефть». Но дальнейшие планы приватизации после улучшения экономической ситуации были отложены (в частности, государство по-прежнему является единственным собственником судоходной компании «Совкомфлот»). Государственные компании в России менее эффективны по сравнению с частными: производительность труда в них на 30% ниже средней в стране. Одно из объяснений заключается в том, что в государственных компаниях решения принимаются под влиянием не только экономических, но и политических соображений (например, Сбербанк спонсировал зимнюю Олимпиаду в Сочи в размере 2,7 млрд долл.).

В свою очередь частные российские предприятия по эффективности проигрывают предприятиям, находящимся в иностранной собственности. Кроме того, и среди частных предприятий доминируют крупные, что обусловлено в том числе отсутствием нормальных условий конкуренции. Доля малых и средних предприятий в общей численности занятых оценивается в 25% (в странах ЕС – 67%), а в производстве ВВП – в 20% (соответственно 58%).

Снижению возможностей конкуренции способствуют высокие таможенные барьеры. Так, в 2015 г. на ввозимую в страну сельскохозяйственную продукцию средневзвешенный тариф составил 12,3%, а на промышленную – 4,8% по сравнению с соответственно 7,8% и 2,6% в странах ЕС. Кроме того, в стране действует программа импортозамещения, которая охватывает 19 секторов экономики. В ее рамках приоритет в поставках товаров и услуг для государственных нужд отдается российским поставщикам и поставщикам из стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2014 – апреле 2018 г. финансирование 350 проектов по импортозамещению составило 600 млрд руб. При этом доля импорта в поставках на российский рынок продовольствия в 2013–2017 гг. сократилась с 36 до 22%, а непродовольственных товаров – с 44 до 35%. Однако это сокращение было связано не только с импортозамещением, но и с девальвацией рубля, сделавшей импортную продукцию недоступной для значительного числа жителей России [Russell, 2018, p. 3–6].

Система управления. В 2010-е годы в России был достигнут определенный прогресс в дебюрократизации регулирования бизнеса. Если по индексу DOI¹ в 2011 г. страна находилась на 120 месте среди 183 стран, то в 2017 г. – уже на 35 месте². В 2010 г. для открытия бизнеса в Москве требовалось осуществить девять действий, которые занимали 30 дней; в 2017 г. – четыре действия, занимавшие 11 дней. Получение разрешения на строительство сократилось с двух лет до 230 дней [Russell, 2018, р. 6].

Основной проблемой, связанной с ведением предпринимательской деятельности в России, остается высокий уровень коррупции. По индексу восприятия коррупции³ в 2019 г. страна оказалась на 137-м месте из 180, набрав только 28 баллов из 100 возможных. Это место Россия делит с такими странами, как Доминиканская Республика, Кения, Либерия, Ливан, Мавритания, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай и Уганда⁴. Меры по борьбе с коррупцией не приносят существенных результатов. Согласно опросу, проведенному в марте 2017 г. «Левада-центром», только 15% россиян считают, что ситуация по сравнению с началом 2000-х годов улучшилась [Russell, 2018, р. 8].

Человеческий капитал. Проблемой России является старение ее населения и низкая рождаемость, неспособная обеспечить рост численности жителей⁵, для стимулирования которой в период вы-

¹ Индекс легкости ведения бизнеса (англ. Ease of Doing Business Index – DOI) составляется ежегодно Всемирным Банком с целью сравнения простоты предпринимательской деятельности между странами мира.

² В 2019 г. Россия заняла 28 место, опередив, в частности, такие страны, как Япония, Испания, Китай, Франция, Швейцария [Doing business..., 2020, р. 4].

³ Индекс восприятия коррупции (англ. Corruption Perceptions Index) составляется международной неправительственной организацией Transparency International с 1995 г. с годовой периодичностью с целью отражения оценки уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями в различных странах мира. Для оценки используется 100-балльная шкала.

⁴ Наименьшие уровни коррупции были зафиксированы в Новой Зеландии и Дании (87 баллов), Финляндии (86 баллов), Швейцарии, Сингапуре и Швеции (85 баллов), а наибольшие – в Сомали (9 баллов), Южном Судане (12 баллов) и Сирии (13 баллов) [Алехина, 2020].

⁵ Некоторые исследователи совершают содержательную ошибку, связывая сокращение населения России в 1990-е годы только с нежеланием деторождений в условиях экономической неопределенности. При этом не всегда учитывается связь падения рождаемости с долгосрочными демографическими волнами в стране, одна из которых была обусловлена Великой Отечественной войной. Потери населения обусловили низкую рождаемость в 1940-е годы, которая сменилась ее рос-

соких цен на нефть в 2007 г. был введен материнский капитал. Численность лиц в трудоспособном возрасте сократилась с 90 млн человек в 2005 г. до 83 млн человек в 2017 г.¹ В этих условиях важно обеспечить возможно более длительное пребывание работника на рынке труда, которое во многом зависит от состояния здоровья занятого. Однако бюджетные расходы на здравоохранение в России недостаточны: в 2016 г. они составили всего 3,8% ВВП страны, что составляет около половины этой доли в экономически развитых странах ОЭСР [Russell, 2018].

Ситуация усугубляется оттоком населения в зарубежные страны. В 2016 г. выезд граждан из России увеличился в три раза, достигнув 250 тыс. человек. При этом образовательный ценз и профессиональные навыки уехавших выше среднероссийских показателей. Для многих российских работодателей в высокотехнологичных отраслях подбор работников нужного уровня квалификации превратился в серьезную проблему [Russell, 2018].

Привлечение мигрантов в основном из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии частично снижает негативные последствия низкой рождаемости, но не способно покрыть дефицит квалифицированной рабочей силы. Негативное отношение значительного числа россиян к трудовым мигрантам из Средней Азии (38% согласно опросу «Левада-центра» в феврале 2017 г.) затрудняет социально-экономическую интеграцию выходцев из этих стран.

В России существует заметный дисбаланс в структуре спроса и предложений на рынке труда. 53% рабочей силы в возрасте от 25 до 34 лет в стране в 2013 г. имели высшее образование по сравнению с 26% в Италии, 31 в Германии и 48% в США в 2016 г. Только в Республике Корея доля имевших высшее образование существенно выше, составляя 70%. Хотя многие из имеющих высокий образовательный уровень в России не подготовлены к реальной трудовой деятельности. В 2017 г. недостаточную подготовлен-

том в 1950-х годах. В 1960 г. в России родились 2782,3 тыс. человек, в то время как в 1970 г., когда в детородный возраст вступили рожденные в 1940-е годы – всего 1903,7 тыс. человек. В 1980 г., когда в детородный возраст вступили рожденные в 1950-е годы, рождаемость составила 2202,8 тыс. человек. Далее динамика была следующей: 1990 г. – 1988,9 тыс. человек, 2000 г. – 1266,8 тыс. человек, 2010 г. – 1788,9 тыс. человек, 2018 г. – 1604,3 тыс. человек [Демографический ежегодник России..., 2019].

¹ Ухудшение соотношения между работниками и пенсионерами стало одной из причин повышения пенсионного возраста в России в 2019 г.

ность рабочей силы работодатели назвали в числе шести основных причин, мешающих ведению бизнеса [Russell, 2018, р. 8–11].

Бедность. Сокращению численности бедных и уровня бедности в России в 2000-е годы способствовал быстрый экономический рост, обусловленный повышением цен на нефть. В результате, если в 2000 г. 30% жителей страны имели доходы ниже прожиточного минимума, то к 2014 г. их доля снизилась до менее 11%. Однако последующая экономическая рецессия вновь увеличила долю бедных¹. Система социальной поддержки малообеспеченных во многих случаях не выполняет своей функции, поскольку только небольшая ее часть оказывается на основе адресных принципов по результатам проверки доходов потенциальных реципиентов социальной помощи [Russell, 2018, р. 11–12].

Инновации. Одной из проблем России является недостаточность инвестиций в НИОКР, составивших в 2015 г. всего 1,1% ВВП по сравнению с 2% в среднем в странах ЕС. В 2016 г. в стране насчитывалось более 370 тыс. исследователей. Но по количеству публикаций российские ученые уступают своим коллегам, например, из Канады или Нидерландов, где численность исследователей существенно меньше. По данным ОЭСР, в 2016 г. индекс цитируемости работ российских ученых был самым низким среди обследованных 40 стран. Основные причины такого положения дел связаны с низким качеством менеджмента в научных организациях, чрезмерным бюрократическим контролем, отсутствием конкуренции между исследователями и алгоритмов, позволяющих перераспределить бюджетное финансирование научных исследований в наиболее перспективные проекты. Участие частного сектора в НИОКР незначительно: в 2016 г. его доля в совокупных расходах на НИОКР составила 28% по сравнению с 55% в странах ЕС. Результаты исследований, финансируемых из средств государственного бюджета, не предполагают обязательной коммерциализации. Высокая доля бюджетного финансирования, возможно, объясняет незначительное число выдаваемых патентов (в 2016 г. оно составило 32 тыс.). В стране слабо развита система защиты интеллектуальной собственности и нередки случаи выпуска контрафактной продукции [Russell, 2018].

Российские компании уделяют недостаточное внимание внедрению инноваций – за исключением высокотехнологичных, со-

¹ Согласно обследованиям, доля россиян, считающих себя бедными, повысилась с 15% в 2014 г. до 20–23% в 2017 г.

средоточенных в оборонном, космическом и ИТ секторах. В 2016 г. только 8,4% из них занимались инновационной деятельностью в сфере технологий, организации производства и маркетинге по сравнению с 49% в странах ЕС. Ведущие российские экспортёры углеводородного сырья – «Газпром» и «Роснефть» – в 2016 г. направили на финансирование НИОКР всего соответственно 0,095 и 0,02% своего оборота, в то время как «Shell» – 0,43%, а «Exxon-Mobil» – 0,47%. Доступ к зарубежным технологиям российским компаниям ограничен принятymi экономическими санкциями. Фактором, демотивирующим российских предпринимателей заниматься инновациями, является слабая конкуренция, в результате чего даже технологически отсталые компании в энергетике не испытывают экономических трудностей. Предпринятые меры по стимулированию инноваций (создание инновационного центра «Сколково», особых экономических зон, предоставление специальных налоговых режимов компаниям, занимающимся инновациями) пока не приносят ожидаемых результатов [Russell, 2018, р. 12–15].

Инвестиции. Инвестиционная активность бизнеса в России сопоставима со странами ЕС: в 2017 г. инвестиции в основные фонды составили соответственно 21% и 20% ВВП, но существенно ниже, чем в странах с быстрым экономическим развитием – Китае (43%) и Республике Корея (30%). Увеличение инвестиций в настоящее время сдерживается как низкой конкуренцией на российском рынке, так и экономическими санкциями в отношении России, которые повысили риски для иностранных инвесторов. При недостатке собственных средств предпринимателей их доступ к кредитным ресурсам затруднен. Значительная часть сложностей в инвестиционной деятельности связана с неудовлетворительным состоянием банковской системы страны. Ее улучшение является одним из приоритетов деятельности Центрального Банка России. Начиная с 2014 г., лицензии были отозваны у более чем 1/3 российских банков [Russell, 2018, р. 15–17].

Природные ресурсы. В 2016 г. вклад добычи полезных ископаемых в ВВП России составил 11,5%, а в экспорте на их долю пришлось 3/4. В период сохранения высоких цен на нефть в 2000–2008 гг. среднегодовые темпы роста ВВП страны составили 7%. Доходы от экспорта нефти и газа позволили сформировать фонд национального благосостояния, размер средств в котором к середине 2020 г. достиг 173,5 млрд долл.

Высокая зависимость экономики от экспорта нефти усиливает риски при падении цен на нее. Расчеты показывают, что при

снижении цен на 10 долл. за баррель ВВП России уменьшается на 0,8% [Russell, 2018].

Имеющиеся прогнозы предполагают постепенное истощение эксплуатируемых в настоящее время месторождений и освоение новых, включая находящиеся на шельфе в Арктике. Трудности их освоения связаны с сохраняющейся высокой зависимостью страны от импорта оборудования для нефтяной и газовой промышленности (в 2017 г. его доля в общих поставках для отрасли составила 52%, сократившись по сравнению с 2014 г. на 8 п. п.).

Доля ископаемого топлива в структуре экспорта России снизилась с 71% в 2013 г. до 63% в 2017 г., однако это снижение было обусловлено падением цен на нефть. В целом за указанный период российский экспорт сократился на 32%, в том числе поставки нефти и газа – на 39%, машин и тракторов – на 29%. Резко (на 58%) увеличились экспорт зерновых культур, что объяснялось благоприятными погодными условиями, а также рыбы (на 24%). По-прежнему экспорт России носит сырьевой характер.

В качестве положительного момента можно отметить восстановленное в 2018 г. бюджетное правило, в соответствии с которым нефтегазовые доходы, полученные при превышении цены на нефть 40 долл. за баррель, направляются в Фонд национального благосостояния, что уменьшает зависимость государственного бюджета от нефтегазовых доходов¹ [Russell, 2018, р. 17–19].

Наличие перечисленных барьеров признается органами государственного управления России. В 2018 г. были квантитифицированы² экономические цели развития страны на период до 2024 г. В их составе: вхождение экономики страны в число 5 крупнейших экономик мира (в 2017 г. 12-е место), увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% их общего числа (соответственно 8%), ежегодный рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год (0,8%) и др. [Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204, 2018]. Инструментом реализации этих целей стали национальные проекты (программы) по 13 направлениям.

¹ Впервые бюджетное правило было введено в 2004 г., но его действие было приостановлено в 2015 г. в связи с необходимостью гибкого реагирования на падение цен на нефть, ослабление рубля, инфляцию и введенные против России экономические санкции.

² То есть количественно определены.

Возможность достижения этих целей оценивается экспертами по-разному. С одной стороны, к началу 2018 г. в стране была создана финансовая подушка безопасности, федеральный бюджет сводился с профицитом. По расчетам Министерства экономического развития РФ, повышение пенсионного возраста позволяет сохранить на рынке труда 1,8 млн человек, что может обеспечить рост экономики страны на 1,3% в период до 2024 г. С другой стороны, ни одна из целей, анонсированных в 2012 г., к 2017 г. не была достигнута. Так, по индексу легкости ведения бизнеса достижение запланированного показателя составило около 80%, а по другим показателям (доля высокотехнологичных компаний, производительность труда, отношение инвестиций к ВВП) – менее 20%. Количество же высокопроизводительных рабочих мест вообще сократилось [Russell, 2018, р. 20, 22].

Серьезную корректировку в возможности достижения поставленных целей внесла пандемия COVID-19, в условиях которой их сроки были продлены до 2030 г. Кроме того, сами национальные цели были четко структурированы (сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация) и установлены целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г. (всего 25 показателей, в том числе 21 количественный) [Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474, 2020].

Заключение

Изучение экономики России вызывает интерес у разных зарубежных экспертов. Как правило, опубликованные материалы свидетельствуют о глубоком знании их авторов текущих социально-экономических проблем страны. В большинстве случаев они сходятся в оценках с российскими учеными. Вместе с тем в работах зарубежных исследователей уделяется большее внимание критическому разбору итогов решения экономических задач, стоявших перед страной в прошлом, и преодоления существующих рисков в настоящем. В любом случае знакомство с такими публикациями полезно для отечественных специалистов, заинтересованных в объективности представлений о развитии экономики России и ее образа в глазах внешних наблюдателей.

Список литературы

1. Алехина М. Россия и Кения поделили 137-е место в индексе восприятия коррупции // РБК. – 2020. – 23.01. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2020/5e2912d69a794750adc67abc> (дата обращения: 20.08.2020).
2. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – 252 с.
3. Социально-экономическое положение России. Январь – июнь 2020 года / Росстат. – Москва, 2020. – 337 с.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. – 2018. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 24.08.2020).
5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант. ру. Информационно-правовой портал. – 2020. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 24.08.2020).
6. Doing business. Comparing business regulation in 190 economies / World Bank. – 2020. – 149 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (дата обращения: 19.08.2020).
7. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / NBER. – 2017. – 79 p. (NBER working paper series; working paper N 237120). – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 24.07.2020).
8. Russell M. Seven economic challenges for Russia. Breaking out of stagnation? / European parliamentary research service. – Brussels, 2018. – 32 p. – Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA\(2018\)625138_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA(2018)625138_EN.pdf) (дата обращения: 24.07.2020).
9. Russia: Recession and growth under the shadow of a pandemic. Special focus: Education. Russia economic report / World Bank. – 2020. – 91 p.

УДК 33.338.2

М.В. Клинова*

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Аннотация. Рассматриваются взгляды французских исследователей на эволюцию экономики России на протяжении двух десятилетий XXI в. В анализируемых работах выделяются ключевые события этого процесса: кризис 2008–2009 гг., введение западных санкций в 2014 г., пандемия COVID-19 с последующим экономическим спадом в 2020 г. Делается вывод о продолжении наметившейся с начала 2000-х годов тенденции укрепления позиций государства в экономике, а во втором десятилетии XXI в. – еще и ускоренного развития оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: Россия; рентная экономика; государство; модернизация армии; «Стратегия 2020»; структурные проблемы; COVID-19.

**M.V. Klinova
Russian economy problems: french researchers view**

Abstract. The French researchers' views on the evolution of the Russian economy over two decades of the XXI century are considered. The analyzed works highlight significant events of this process: the crisis of 2008–2009, the introduction of Western sanctions in 2014, the COVID-19 pandemic, followed by an economic downturn in 2020. It is concluded that the trend of strengthening

* **Клинова Марина Вилениновна**, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Klinova Marina, DSn (Econ. Sci.), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

the state's role in the economy that has been outlined since the beginning of the 2000 s, and the accelerated development of the military-industrial complex in the second decade of the XXI century is continuing.

Keywords: Russia; rental economy; state; army modernization; Strategy 2020; structural problems; COVID-19.

Введение

К настоящему времени во Франции по сравнению с 1990-ми годами и началом 2000-х все меньше специалистов продолжают заниматься экономическими проблемами России. Ушло поколение известных французских исследователей, которые интересовались экономикой СССР, РФ и постсоветских стран, а равноценные им не появились. Исключение составляет Ж. Веркёй, ведущий во Франции специалист по советской, российской экономике, а также экономике постсоветских государств, ныне проректор по международным отношениям Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut National des Langues et Civilisations Orientales, INALCO). Сократилось также число изданий, публикующих аналитику по России. Так, в 2008 г. закрыт журнал *Le Courrier des pays de l'Est*, с 1964 г. выпускавшийся государственным издательством *La Documentation française*, сужается круг публикуемых работ и имеющихся источников.

Анализу материалов франкоязычной литературы по российской проблематике посвящен ряд отечественных исследований¹. В данной работе рассмотрены взгляды современных французских аналитиков на российскую экономику, в частности роль в ней государства.

¹ См., в частности: Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / отв. ред. и сост. Н.Ю. Лапина. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 386–410; Клинова М.В. Французские эксперты о роли государства в российской экономике // Мировая экономика и международные отношения – 2008. – № 11. – С. 44–51; Лапина Н.Ю. Современная Россия в зеркале французской аналитики / Электронное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник. – М.: РАПН, 2009. – С. 359–379; Социально-экономическое и политическое развитие в России (взгляд из Европы) / под ред. В.П. Гутника и А.В. Авиловой. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 40–62; Клинова М.В. Россия на пути к цивилизованному рынку: взгляд из Франции // Экономика XXI века. – М., 2010. – № 2. – С. 109–121; Клинова М.В. Эволюция экономики России в оценках французских аналитиков // Международная экономика. – М., 2010. – № 4. – С. 5–13.

Роль государства в экономике

Французские исследователи зачастую характеризуют российскую экономику как рентную, с гипертрофированным удельным весом нефтегазового сектора, и отмечают усиление в ней с начала 2000-х годов роли государства.

Э. Брюна, вице-президент Университета Савойя Монблан, специализирующийся на международных, в том числе экономических отношениях, автор работ по России, проведенных в рамках научно-исследовательского Центра Фукидиде (Centre Thucydide) Университета Пантеон-Ассас (Париж II)¹, связывает столь важную роль государства в российской экономике с традиционными ценностями, характерными для «архаичного общества», где во главе иерархической структуры стоит государство, «отрезанное от гражданского общества» [Brunat, 2010, p. 158].

На протяжении первого десятилетия XXI в. влияние государства в экономике росло, отметил Ж. Веркёй в интервью Л. Шамонтену, представляющему французский геополитический журнал Diploweb [Vercueil, Chamontin, 2019]. Государство возвращало определенные сферы экономики под свой контроль выборочно, в основном в рентных (высокодоходных) и высокотехнологичных секторах.

Участие государства нарастало, прежде всего, в ключевых отраслях – энергетике, банковском секторе, оборонно-промышленном комплексе (ОПК). «Возвращение» государства происходило «в качестве регулятора и влиятельного игрока... особенно в энергетическом секторе». Ж. Веркёй в статье «Россия: “Стратегия 2020” под вопросом» выделяет ряд этапов в этом процессе. Сначала государство вернуло контроль над «Газпромом»; после решения суда активы частной компании ЮКОС перешли государственной «Роснефти»; затем были пересмотрены соглашения о разделе продукции, заключенные в предшествующее десятилетие [Vercueil, 2013, p. 170].

Усиление влияния государства наблюдалось и в банковской сфере. Несмотря на неоднократные заявления о намерении сократить там долю государства, она осталась преобладающей, в том

¹ В числе самых знаменитых выпускников Université Panthéon-Assas (Paris II) – президент Ф. Олланд, ряд министров и премьер-министров, партийных лидеров Франции.

числе в крупнейших банках с участием государства¹. В результате серии реструктуризаций банковского сектора после кризиса 2008–2009 гг. «государство еще более увеличило свое присутствие» [Vercueil, 2013, p. 185]. При этом государство через инвестиции и субсидии поддерживает ряд предприятий, а через перераспределение доходов с помощью госбюджета – домашние хозяйства. Доля доходов хозяйств, связанных с господдержкой, колеблется от 45 до 60% [Vercueil, Chamontin, 2019, p. 2]. В неблагоприятной демографической ситуации растет число пенсионеров, получающих доходы напрямую от государства.

За 2002–2008 гг., по данным официальной статистики, которые приводит Ж. Веркёй в изданной в 2019 г. книге «Политическая экономика России (1918–2018)» (в самом названии автор указывает на тесную связь экономики и политики. – *M. K.*), доля предприятий с участием государства в капитале свыше 50% выросла с около 5 до 50% [Vercueil, 2019, p. 201]. Проводимая промышленная политика, подчеркивает он, не означала ренационализацию. Напротив, приводимые им данные показывают, что в 1999–2007 гг., предшествующие глобальному финансово-экономическому кризису 2008–2009 гг. (Великой рецессии), доля занятости в частном секторе выросла с 40 до 60%, а доля частного сектора во вложениях в основной капитал удвоилась, приблизившись в конце периода к 70% [Vercueil, 2013, p. 171].

Влияние государства особенно усилилось после принятия в 2008 г. закона о стратегических предприятиях², по которому иностранным инвесторам предписывалось получать разрешение от правительства РФ на приобретение долей в капитале компаний 42 отраслей, признанных стратегическими. По отдельным федеральным законам в первом десятилетии XXI в. создавались госкорпорации – особая организационно-правовая форма и вид хозяйственной деятельности со специальным статусом. Чаще всего это происходило в отраслях авиа-, судостроения, ОПК, финансового сектора путем объединения госпредприятий – в целях создания

¹ По состоянию на август 2020 г. (по активам) 4 из 5 топ банков – Сбербанк, ВТБ, «Газпромбанк», «Россельхозбанк».

² Имеется в виду Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

«национальных чемпионов» для концентрации ресурсов и реализации государственной стратегии промышленного развития.

Проводимую государством с начала 2000-х годов политику Ж. Веркёй называет «реиндустрIALIZацией» [Vercueil, 2013, p. 192]. В итоге после падения экономики в 1990–1998 гг. ВВП России в 2005 г. восстановился на уровне 1990 г. [Bret, 2019, p. 4].

Экономическая динамика

С 2008 г., после «блестящего» десятилетия, как его оценил Ж. Веркёй, когда РФ из «маргинальной экономики» превратилась в страну с развивающейся экономикой (а по размерам ВВП вошла в 10 ведущих стран мира), развитие пошло вразрез с оптимистичной траекторией, намеченной в 2007 г. в «Стратегии 2020» на 2010–2020 гг. Ж. Веркёй назвал период после кризиса 2008–2009 гг. «потерянным десятилетием» [Vercueil, 2019, p. 153, 230]. Французский геополитолог С. Бре¹, со своей стороны, подобным образом охарактеризовал все начало XXI в. [Bret, 2019, p. 6].

После Великой рецессии темпы прироста ВВП вместо намеченных 6–7% составили 4,5% в 2010 г. с тенденцией дальнейшего замедления: 4% в 2011 г., 2,5 в 2012 г., 1,3% – в 2013 г. В начале 2014 г. разрыв между положением 2009 г. и наиболее амбициозными параметрами инновационного сценария «Стратегии 2020» достиг 25 пунктов ВВП, а перспективы роста оказались недостаточными для достижения заявленных целей, даже при последующей их корректировке в сторону снижения [Vercueil, 2014, p. 4, 6].

Последствия кризиса, подчеркивает Ж. Веркёй, оказались «глубокими и продолжительными». Чрезмерная зависимость госбюджета от мировых цен на энергоносители (около 40% доходов государства приходятся на поступления от энергетики и привязаны к неконтролируемой государством переменной) привела к тому, что российские власти оказались ограничены в управлении бюджетом краткосрочной логикой, в то время как наиболее серьезные проблемы экономики, в частности низкая конкурентоспособность промышленности, связаны с ее структурой [Vercueil, 2013, p. 173, 184].

¹ Выпускник Национальной школы администрации (École nationale d'administration, ENA), Высшей нормальной школы (École normale supérieure, ENS), преподаватель Парижского института политических исследований (Institut d'études politiques de Paris, Sciences Po).

Наличие в экономике структурных проблем, замедление роста, стагнацию в 2014 г. в 0,6% (наметившиеся еще до введения в 2014 г. Евросоюзом и США экономических санкций против РФ в связи с событиями на Украине), отмечает не только Ж. Веркёй. «Эйфория 2000-х годов позволила России войти в состав БРИКС за рубежом и укрепила власть Путина внутри страны. Но она не привела к структурным реформам до сих пор», – подчеркивает С. Бре [Bret, 2019, р. 4].

Проблемы были усугублены западными санкциями, хотя сомнения иностранных инвесторов в отношении долгосрочных вложений в Россию, в том числе в модернизацию ее экономики, наблюдались и до 2014 г. Борьба с экономическим спадом «поглотила ресурсы, изначально предназначенные для модернизации» [Vercueil, 2013, р. 174]. Курс на «импортозамещение», при котором преимущество при госзакупках получают отечественные производители, привел к значительному росту затрат, не сделал российскую продукцию более конкурентоспособной.

Ж. Веркёй говорит и об усилении из-за западных санкций позиций Китая в экономических связях России – в энергетике, гражданском авиастроении и др. Сотрудничество с Китаем имеет свою специфику: Россия вынуждена соглашаться на «условия, в большой мере диктуемые Китаем», поскольку «соотношение экономических и технологических сил явно в его пользу» [Vercueil, Chamontin, 2019, р. 5, 6]. Об опасности расширения влияния в Европе китайского националистического «неокапитализма» пишут также французские исследователи Ф. Годеман и А. Васселье в книге «Китай у ворот» [Godement, Vasselier, 2018, р. 8–9].

С. Бре характеризует 2018-й как год выхода страны из длившегося с 2013 г. спада (инфляция стабилизировалась на уровне 10%, норма безработицы сравнительно низка – 5%, темп прироста ВВП составил 1,5–2%). При этом преодолеть «депрессивное влияние» западных санкций на российскую экономику не удалось [Bret, 2019, р. 2, 5, 6]. С такой оценкой сложно спорить. В 2019 г., согласно оценкам экспертов банка Société générale, продолжился «скромный» (1,3%) рост российской экономики. Промышленная активность замедлилась, что связывают с ослаблением внешнего спроса, снижением добычи нефти (в соответствии с квотами, принятыми ОПЕК и странами – экспортерами нефти), с повышением, частично из-за санкций, затрат на кредитование. При этом французские эксперты оценивают макроэкономическую политику России в целом как «благоразумную», направленную на обеспечение

финансовой стабильности и контроля над инфляцией. Последняя составила в 2018 г. 2,9%; увеличилась в 2019 г. до 4,5%, отражая повышение в 2019 г. НДС (с 18 до 20%. – *M. K.*). Госдолг, хотя и вырос в 2019 г., остался небольшим: 16,5% ВВП [Risque pays..., 2020].

Ж. Веркёй определяет сложившийся в России экономический режим как «накопительный», или «экстравертно-рентный»: поступления валюты связаны с преобладанием в торговом балансе экспорта энергоносителей, до половины налоговых доходов бюджета приходятся на нефтегазовую ренту. От этого, как и от мировых цен на нефть и газ, напрямую зависят состояние госфинансов, устойчивость системы, ее политическая и медийная сила.

Вместо привычного термина «голландская болезнь» Ж. Веркёй предпочитает употреблять более жесткий термин «российский синдром». Под ним он подразумевает, в частности, владение государством значительной долей углеводородной ренты, концентрацию власти в руках группы, которая осуществляет ее перераспределение. Изъяны в правовой сфере, слабость политической оппозиции, высокий уровень коррупции и весьма относительную независимость судебной системы Ж. Веркёй считает «институциональными феноменами», составляющими специфику «российского синдрома». Предложенное экономистом определение шире термина «голландская болезнь», хотя и имеет схожие с ним последствия (слабость «продуктивности» конкурентных отраслей, их инновационной активности) [Vercueil, Chamontin, 2019, p. 3–4].

Французские эксперты из Société générale считают нынешнее состояние экономики риском для страны. Возобновление в 2017 г. небольшого роста (после спада 2015–2016 гг., связанного с массивным оттоком капиталов, ослаблением рубля, снижением цен на нефть, введением западных санкций) эксперты связывают преимущественно с добычей сырья и частным потреблением. Скромность ожиданий реального прироста ВВП около 2% в год объясняется сохраняющимися структурными проблемами, недостатком инвестиций, неблагоприятными демографическими перспективами [Risque pays..., 2020].

Развитие ОПК

Тенденция укрепления позиций государства в экономике в минувшее десятилетие продолжилась и приобрела свою специфику, связанную с усилением роли ОПК. Несмотря на неблагоприятный экономический фон, в 2010 г. Д. Медведев, тогда президент

России, запустил рассчитанную на 10 лет государственную программу модернизации вооруженных сил (ВС), продолженную и усиленную президентом В. Путиным. По данным, которые приводят в статье «Новая гонка вооружений» Э. Брюна и известный специалист по российской экономике Ж. Фонтанель, за 2010–2015 гг. доля военных расходов в федеральном бюджете выросла с 16 до около 26% [Brunat, Fontanel, 2018, p. 320].

Аналитики отмечают смену стратегических приоритетов руководством России после введения в 2014 г. экономических санкций: признано реализуемым сочетать развитие экономики с наращиванием военного потенциала. Это не случайно. Процессы глобализации породили множество напряженностей и конфликтов в мире и не сопровождались улучшением политического климата. В этих условиях Россия, стремясь возродить влияние в международных отношениях, сделала, как и СССР, ставку на развитие военных отраслей. Во властных структурах укрепились позиции сторонников «усиления государственного контроля над экономикой», а попавшие под санкции предприятия были вынуждены обратиться к государству в поисках «альтернативных источников финансирования» [Vercueil, 2014, p. 15, 16].

Ухудшение ситуации в экономике и нефтяной кризис оказались и на военных планах России. В принятом на 2017–2019 гг. госбюджете произошло общее сокращение расходов, включая военные. В 2016 г. оборонный бюджет был секвестрирован примерно на 30% (41–43 млрд евро, или 3,1% ВВП), но все равно превысил уровень 2010 г. Одновременно приложены усилия для оптимизации военных расходов. Принятие в ноябре 2017 г. государственной программы вооружений на 2017–2027 гг. стоимостью 19 трлн руб. (250 млрд евро), сопоставимой по сумме с периодом 2012–2020 гг., сопровождалось требованием сокращения стоимости единицы продукции без снижения качества [Brunat, Fontanel, 2018, p. 323].

Главой российского государства, как пишут французские ученые, была поставлена триединая задача: 1) модернизировать линии по производству вооружений, увеличить их серийное производство, в приоритетном порядке добиться «импортозамещения»; 2) совершенствовать технологии производства и создавать новые системы вооружений; 3) модернизировать ядерные силы, приобретать системы ПВО, высокоточное и дальнобойное оружие, разрабатывать системы вооружений нового поколения [Brunat, Fontanel, 2018, p. 324].

Э. Брюна и Ж. Фонтанель приводят мнение президента В. Путина, который «никогда не считал военные усилия причиной экономического кризиса». Напротив, по его убеждению, как полагают авторы, «военные технологии являются локомотивами развития» (предположительно имеются в виду предприятия ОПК, занятые в высокотехнологичной сфере, призванные обеспечить «инновационный прорыв» и модернизацию экономики. – *M. K.*)¹; производство вооружений конкурентоспособно на мировых рынках; престиж России на международных переговорах зависит и от ее военной силы. Таким образом, оборонная отрасль играет приоритетную роль в поддержании позиций России в мире [Brunat, Fontanel, 2018, p. 319, 320]. С. Бре пишет о динамичном развитии российского экспорта вооружений: в 2015 г. по этой статье РФ занимала 2-е место после США² [Bret, 2019, p. 4].

Многие иностранные наблюдатели, как, впрочем, и российские политики, по мнению С. Бре, мало обращали внимания на экономику, зачастую подходя к России «под политическим, военным, идеологическим или стратегическим углом зрения», как если бы «экономика шла позади политики и стратегии». Между тем, подчеркивает он, именно экономика представляет собой ключевой показатель оценки мощи России, является «основополагающим элементом» (*élément constitutif*) российской «жесткой силы». Те, кто говорит о новой холодной войне или «возрождении российского империализма», зачастую «переоценивают экономическую силу России», которая намного отличается от финансовой и экономической основы, которая поддерживала военную мощь СССР. С ВВП, сравнимым по размерам с ВВП Италии или Испании, Россия в составе БРИКС (куда входят страны с более крупными экономиками) не может на равных с США претендовать на статус сверхдержавы, как СССР. Однако он признает: «это не означает, что страна безобидная или с ней можно не считаться» [Bret, 2019, p. 2].

¹ На наш взгляд, это верно в случае, если военные технологии, в особенности двойного назначения, оперативно пополняют портфель заказов в гражданской сфере.

² В 2020 г. Китай потеснил Россию, выйдя на второе место после США в мире.

Перспективы

С. Бре в статье с броским заголовком «Сможет ли Путин IV стать великим реформатором российской экономики?», опубликованной на французском геополитическом сайте Diploweb.com, приводит авторскую классификацию четырех периодов правления российского президента. Первый период (1999–2004) – это восстановление влияния государства; второй (2004–2008) – процветание (*prosperité*). Третий, охватывающий десятилетие 2008–2018 гг. (пребывание на посту премьер-министра и президента), – модернизации ВС. Суть четвертого периода (2018–2024 гг. и, возможно, последующие годы) раскрывается в заголовке статьи [Bret, 2019].

С. Бре обращается к экономическим основам «возрождения российской мощи». Он рассматривает состояние экономики в тесной взаимосвязи с внутриполитическими процессами в России, считая ошибкой бытующее на Западе предположение, что восстановления за десятилетия правления В. Путина международного престижа страны («национальной гордости») достаточно для российских избирателей, налогоплательщиков, пенсионеров. Ожидания населения в социально-экономической сфере эксперт считает очень важными [Bret C., 2019, p. 2]. Схожая оценка у Э. Брюна и Ж. Фонтанеля, утверждающих, что «экономические и социальные трудности России... могут привести к недовольству населения с непредсказуемыми последствиями» [Brunat, Fontanel, 2018, p. 316].

С. Бре пишет о негативных показателях роста экономики в долгосрочной перспективе, акцентируя внимание на индексе человеческого развития (ИЧР)¹. Согласно классификации ООН, Россия занимает промежуточные позиции и находится на 50-м месте по ИЧР с индексом 0,798, что ниже стран ОЭСР – и на уровне Венесуэлы, Турции, Ирана (для сравнения: Франция с показателем 0,888 занимает 22-е место). Исследователь не считает 2000-е годы временем «обогащения России». При определенном росте благосостояния российских граждан ресурсы в стране распределяются неравномерно. Также остаются нерешенными такие проблемы экономики, как диспропорции на рынке труда, отъезд из страны образованной молодежи [Bret, 2019, p. 5, 6].

¹ Синтетический показатель, основанный на продолжительности жизни, доходе на душу населения по паритету покупательной способности, уровне образования.

Как и Ж. Веркёй, С. Бре в качестве большого макроэкономического риска отмечает структурные проблемы российской экономики, а также отмеченную Всемирным банком «хрупкость роста», что связано, в частности, с недостатком квалифицированной рабочей силы и инвестиций, рентным характером экономики, основанной на экспорте сырья. В качестве большого макроэкономического риска С. Бре выделяет неопределенность, связанную с зависимостью платежного баланса и госбюджета от цен на нефть. Именно в этом он видит «структурную слабость российской социальной модели: зависимость от углеводородов не может сгладить вопиющие неравенства». С 1999 г. модель роста и развития «не претерпела фундаментальных изменений», а модель долгосрочного развития страны так и не была разработана [Bret C., 2019, р. 5, 7].

В самом деле, структура российского внешнеторгового оборота неизменна и стабильна: в 2018 г. в экспорте, по данным Центра Франции, по-прежнему преобладали сырьевые товары (энергоносители и металлы), а в импорте – оборудование и полуфабрикаты. 63,7% экспорта пришлось на углеводороды и нефтепродукты. Россия – основной поставщик ввозимых в Европу нефти и газа (соответственно, 30% и 39%) [Le commerce extérieur..., 2019, р. 1, 2].

Развитие России в предстоящие 20 лет зависит, полагает Ж. Веркёй, от ключевых «факторов бифуркации»: нефтяных цен, с одной стороны, и способности государства более эффективно использовать ренту – с другой. С комбинацией этих факторов он связывает возможные сценарии долгосрочного развития [Vercueil, Chamontin, 2019, р. 3–4].

Специалисты из страховой компании COFACE (Compagnie Française d'Assurance pour le Commerce Extérieur)¹ сопоставили сильные и слабые стороны российской экономики по состоянию на май 2020 г. (см. табл.).

Приведенный перечень «слабых» сторон экономики России не только длиннее ее «сильных» сторон, но и отражает весомые факторы – зависимость от цен на энергоносители, санкции (последнее особенно важно при зависимости РФ от западных технологий), слабость институтов и управления, неразвитость инфраструктуры. Между тем именно институты и инфраструктура служат ключевыми параметрами рассчитываемого по методике Всемирного экономического форума индекса глобальной конкурентоспособности.

¹ Основанная французским государством в 1946 г. для поддержки экспортёров, является мировым лидером в области кредитного страхования.

Таблица
Сильные и слабые стороны экономики России^{*}

№ пп	Сильные стороны	Слабые стороны
1	Обилие природных ресурсов (нефть, газ, металлы)	Зависимость от цен на углеводороды
2	Усилия по диверсификации	Сокращение населения
3	Плавающий курс рубля с ноября 2014 г.	Отсутствие торговых соглашений, кроме как с соседними странами
4	Размеры рынка и наличие квалифицированной рабочей силы	Зависимость от иностранных технологий
5	Макроэкономическая стабильность: прочное положение госфинансов и внешних счетов, обеспечивающее устойчивость по отношению к внешним рискам	Слаборазвитая инфраструктура, осложненная недостатком инвестиций
6	Санация банковского сектора (469 банков в мае 2019 г. против 900 в 2013 г.)	Чрезмерные социальные отчисления (30% зарплаты), что стимулирует уход бизнеса «в тень»
7	Цифровизация и способность к инновациям	Американские и европейские санкции, затрудняющие развитие офшоров и инновации
8	–	Слабость институтов и управления (режим несостоятельности, права собственности, коррупция)

^{*}Составлено по данным [Russie..., 2020].

Несмотря на удовлетворительные показатели России в докладах по ведению бизнеса (*Doing Business*) и глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness*): 78/100 и 67/100 соответственно, – институциональные характеристики (коррупции, правоприменительной практике, защите интересов миноритариев, исполнению контрактов и проч.) оставляют желать лучшего, по оценкам COFACE. Эксперты из банка *Société générale*, со своей стороны, наряду с упомянутыми COFACE слабыми сторонами российской экономики выделяют низкую производительность, старение населения, неблагоприятный деловой климат, отсутствие структурных реформ [*Risque pays...*, 2020].

С 2018 г. в качестве целей предстоящего четвертого мандата В. Путина С. Бре выделяет сокращение зависимости от углеводородов, диверсификацию экономики; восстановление промышленности, защиту инвестиций, борьбу с бедностью и неравенством.

Отдавая должное заслугам В. Путина в деле восстановления власти государства внутри страны и военного престижа за рубежом, С. Бре задается вопросом, удастся ли вывести страну на путь развития экономики [Bret C., 2019]. Задачи осложняет пандемия COVID-19.

В условиях пандемии COVID-19

Некоторые аналитики, в частности из французского ежемесячного журнала по проблемам экономики и бизнеса *Le Capital*, сомневаются в способности в обстановке нефтяного кризиса и пандемии провести «глубокие экономические реформы» [Vladimir Poutine..., 2020]. Высказываются сомнения и в реализуемости к 2024 г. задачи наполовину сократить бедность в России и достичь 4% годового прироста ВВП – амбициозной цели, особенно на фоне прогнозов Всемирного банка роста в 1,6–1,8% на 2020–2021 гг. [*Le montant faramineux..., 2020*] и фактического 1,3% в 2019 г. В 2020 г. падение ВВП может составить 5% [Belhaj, 2020]. Реальные цифры являются «холодным душем» для властей, пишет французский журналист Б. Кенель [Quénelle, 2020 b].

По не менее образному выражению, россиянам еще долго придется «есть свой черный хлеб», поскольку последствия пандемии будут «болезненными», а перспективы роста «катастрофичными». При возможном «сжатии» российской экономики в 2020 г. на 6% докризисный уровень может быть восстановлен лишь к середине 2022 г. [Barluet, 2020; Bohineust, 2020]. При этом еще до пандемии, в 2019 г., доля РФ в мировом ВВП уже снизилась до уровня конца 1990-х годов [Hood, 2019].

Ж.-Л. Трюэль из университета Paris-Est Créteil, специалист по экономической политике и развитию международного бизнеса, в статье «Россия между COVID-19 и экономическим кризисом» пишет об иной, по сравнению с Западной Европой и США, последовательности и взаимосвязи между санитарным и экономическим кризисом в России, что порождает специфику приоритетов и, возможно, разные последствия [Truel, 2020].

Связанный с COVID-19 кризис проявился в России сначала на макроэкономическом уровне, вследствие падения нефтяных цен из-за снижения мирового спроса и разногласий между РФ и ОПЕК по поводу сокращения добычи 6 марта 2020 г. Ж.-Л. Трюэль определяет влияние COVID-19 на экономику как косвенное: падение спроса на нефть в мире началось с Китая в январе и усилилось в феврале-марте 2020 г. [Truel, 2020].

Приостановка работы значительной части предприятий отраслей – потребителей нефти (транспорта, промышленности) и включение спекулятивных механизмов закрутили «спираль снижения цен». Во втором полугодии 2019 г. баррель нефти Brent стоил 55–65 долл., в конце марта 2020 г. цена упала до 20 долл. В апреле она достигла минимума в 17 долл., но в середине мая 2020 г. поднялась до 35 долл. Зависимость госбюджета от нефтяных цен приводит к тому, что их снижение на 50% создает дефицит в 5–7% ВВП [Truel, 2020].

Ж.-Л. Трюэль отмечает, однако, что экономика России в определенной мере стала менее уязвимой по сравнению с 2014 г. Ученый подкрепляет этот вывод рядом аргументов: экономика стала «несколько более диверсифицированной» вследствие проведения политики импортозамещения; внешняя задолженность из-за санкций невелика, также сложно осуществлять новые займы на внешних рынках; государство нарастило валютные резервы за счет Фонда национального благосостояния (ФНБ) (11,4% ВВП РФ на 01.08.2020¹). Средства ФНБ задействованы не полностью, поскольку правительство бережет их на случай ужесточения кризиса [Truel, 2020].

Собственно санитарный кризис проявился в России с временным лагом: 63 случая 15 марта 2020 г. против 24 тыс. в Италии. Затем темпы прироста заболевших стали нарастать, но заявленное число умерших намного меньше, чем в США и основных странах ЕС: втрое меньше, чем в ФРГ, вдвое меньше, чем во Франции в абсолютных цифрах. Правда, автор связывает это с неясностью и разным толкованием того, что означает «умер от COVID-19» [Truel, 2020].

Прямое влияние кризиса сразу ощутило население: были закрыты многие предприятия, особенно торговые. Санитарный кризис спровоцировал в России второй (после нефтяного) «экономический шок», особенно чувствительный для малых и средних предприятий (МСП) и занятых на них². В России и в прошлом

¹ Объем Фонда национального благосостояния // Минфин России. Официальный сайт. – 2020. – 11.09. – Режим доступа: https://m.minfin.gov.ru/tu/document/?id_38=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 14.09.2020).

² 3,5 млн банкротств и 8 млн дополнительных безработных вследствие установления так называемого режима самоизоляции. – См. подробнее: [En Russie..., 2020].

никогда не было эффективной поддержки МСП государством, но именно они, считает Трюэль, наименее пострадали от режима самоизоляции. Меры господдержки коснулись в основном крупных предприятий и стратегических отраслей – нефтяной отрасли, авиа-, автомобилестроения (в форме гарантий ссуд, кредитов). В остальном помочь государства оказалась слабой. В апреле оно компенсировало простой в работе в размере 12 тыс. руб. (150 евро) на работника. При этом свыше половины домашних хозяйств в России не имеют сбережений. В результате коронакризиса и самоизоляции 7–8 млн человек остались без работы или заняты частично [Truel, 2020].

Двойной экономический и санитарный кризис, по мнению Ж.-Л. Трюэля, имеет ряд последствий. Для общества это связано не столько с пандемией как таковой, сколько с тем, как на кризис отреагировало государство, и с обеднением части населения. Влияние кризиса COVID-19 усугубилось ранее проведенной непопулярной пенсионной реформой, что может создать кумулятивный эффект недовольства населения состоянием экономики. Все это в совокупности может привести к «разрушению и без того хрупкой экономической и социальной ткани» [Truel, 2020]. Эксперты из Société générale все же полагают, что, несмотря на пандемию COVID-19, норма безработицы в РФ в предстоящие годы останется стабильной: 4,9% в 2020 и 4,8% в 2021 г. [Risque pays..., 2020].

В свою очередь эксперты МВФ прогнозируют падение ВВП России в 2020 г. с середины апреля 2020 г. до −5,5% из-за COVID-19 и возможный прирост ВВП в +3,5% в 2021 г. при условии восстановления мировой экономики после пандемии [Risque pays..., 2020].

Эксперты COFACE полагают, что росту экономики могут содействовать инвестиции в рамках реализации намеченных в 2018 г. 13 национальных проектов (величиной в 21% ВВП). Направленные на дорожное строительство, образование, здравоохранение, они должны увеличить потенциал роста экономики и снизить уровень бедности (по приводимым данным, за чертой бедности живет 14% населения). Французские эксперты, однако, не ожидают слишком большого эффекта от реализации нацпроектов, поскольку те являются продолжением ранее начатых, а «эффект мультиплексора от государственных расходов слабый». Несмотря на принимаемые меры по поощрению диверсификации экономики, частные инвестиции остаются вялыми, поскольку сталкиваются с санкциями, включающими ограничения доступа к международному

финансированию, в то время как российские кредиты остаются дорогими. Экспорт нефти ограничен сделкой ОПЕК+, а другой сырьевой экспорт (руд, леса, основной и промежуточной промышленной продукции, транспортного оборудования) – снижением спроса на мировых рынках. В то же время импорт, предполагают в COFACE, будет расти быстрее вместе с внутренним спросом, даже при стимулировании импортозамещения. В целом, несмотря на усилия, прилагаемые после введения санкций, замещение импорта продукцией отечественных производителей имеет свои пределы, за исключением, пожалуй, пищевой промышленности [Risque pays..., 2020].

В 2020 г. российские экономические показатели «перешли в красную зону», пишет Б. Кенель, но, в отличие от Европы, план восстановления экономики после пандемии и падения нефтяных цен пока не разработан. Неутешительные цифры по экономике рискуют обернуться «опасными социальными последствиями». По требованию президента правительство объявило программу стабилизации в 5 млрд руб. (примерно 65 млн евро), но подробности ее реализации не раскрыты. Государство не желает расходовать свои резервы, однако «экономические и социальные реалии, – предупреждает Б. Кенель, – могут быстро заставить его изменить мнение» [Quénelle, 2020 a].

Заключение

В отличие от большинства европейских стран, где влияние государства усиливается в отраслях, испытывающих трудности прежде всего в периоды кризисов, в России государство на протяжении 2000-х годов укрепляло свои позиции в благополучных высокорентабельных рентных отраслях. В 2020 г. с началом коронакризиса центральные власти уступили ряд полномочий в экономической сфере регионам. Парадокс «сильного государства» в России состоит в том, что с началом пандемии проявился недостаток поддержки экономики государством, его участия в преодолении последствий коронакризиса для населения и хозяйственных акторов, наиболее пострадавших от так называемого режима самоизоляции. Это особенно наглядно просматривается в сравнении с развитыми странами Европы.

Вместе с тем, как подчеркивает российский глава государства, «стабильность, безопасность, благополучие и достойную

жизнь людей мы можем обеспечить только через развитие¹. При условии «борьбы с коррупцией, терроризмом, организованной преступностью, финансовыми спекуляциями, снижением производства сырья, неравенством доходов и заботой об окружающей среде Россия останется мощной державой», способной противостоять современным вызовам [Brunat, Fontanel, 2018, p. 319]. Четвертый мандат В. Путина призван обеспечить подъем российской экономики.

Список литературы

1. Barluet A. L'économie russe durablement à la peine // Le Figaro. – Paris, 2020. – 19.05. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/l-economie-russe-durablement-a-la-peine-20200519> (дата обращения: 18.08.2020).
2. Belhaj M. Poutine: L'économie russe est sous forte pression en raison du Covid-19 // AA (Analysis and Applications). – Singapore, 2020. – 14.04. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/fr/%C3%A9conomie/poutine-l%C3%A9conomie-russe-est-sous-forte-pression-en-raison-du-covid-19-/1804759> (дата обращения: 18.08.2020).
3. Bohineust A. Coronavirus: l'économie russe se contractera jusqu'à 6% // Le Figaro. – Paris, 2020. – 24.04. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/coronavirus-l-economie-russe-se-contractera-jusqu-a-6-20200424> (дата обращения: 18.08.2020).
4. Bret C. Poutine IV peut-il devenir le grand réformateur de l'économie russe? / Diploweb.com: la revue géopolitique. – Paris (Vincennes), 2019. – 9 p. – Mode of access: <https://www.diploweb.com/Poutine-IV-peut-il-devenir-le-grand-reformateur-de-l-economie-russe.html> (дата обращения: 18.08.2020).
5. Brunat E. L'économie russe: modernisation, crise et géo-économie // Annuaire français des relations internationales (AFRI). – Paris, 2010. – Vol. XI. – P. 157–184.
6. Brunat E., Fontanel J. Une nouvelle course aux armements // Annuaire français des relations internationales (AFRI). – Paris, 2018. – Vol. XIX. – P. 313–324.
7. En Russie, petites et moyennes entreprises ferment à tour de bras // Courrier international. – Paris, 2020. – 08.04. – Mode of access: <https://www.courrierinternational.com/article/economie-en-russie-petites-et-moyennes-entreprises-ferment-tour-de-bras> (дата обращения: 18.08.2020).
8. Godement F., Vasselier A. La Chine à nos portes. Une stratégie pour l'Europe. – Paris: Odile Jacob, 2018. – 240 p.
9. Hood L. Économie russe: quand un poids lourd du régime tire la sonnette d'alarme // The Conversation. – 2019. – 30.10. – Mode of access: <https://theconversation.com/>

¹ Путин В.В. Обращение к гражданам России // Президент России. Официальный сайт. – 2020. – 30.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63584> (дата обращения: 28.08.2020).

- economie-russe-quand-un-poids-lourd-du-regime-tire-la-sonnette-dalarme-125770 (дата обращения: 18.08.2020).
10. Le commerce extérieur de la Russie en 2018 // Ministère de l'économie des finances et de la reance. – 2019. – 4 p. – Mode of access: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/PagesInternationales/Pages/b7557377-bbbb-4456-ad59-da113fec7747/files/64ccdfc2-4413-458b-af92-8082e1ee1837> (дата обращения: 18.08.2020).
 11. Le montant faramineux des investissements que prévoit Poutine pour doper la Russie // Le Capital. – 2020. – 22.01. – Mode of access: <https://www.capital.fr/economie-politique/le-montant-faramineux-des-investissements-que-prevoit-poutine-pour-doper-la-russie-1360288> (дата обращения: 18.08.2020).
 12. Quénelle B. Russie: la croissance reste toujours aussi morose // Les Echos. – Paris, 2020 a. – 03.02. – Mode of access: <https://www.lesechos.fr/monde/europe/russie-la-croissance-reste-toujours-aussi-morose-1168602> (дата обращения: 18.08.2020).
 13. Quénelle B. Russie: Vladimir Poutine hésitant face à la crise économique // La Croix. – Paris, 2020 b. – 09.06. – Mode of access: <https://www.la-croix.com/Economie/Monde/Russie-Vladimir-Poutine-hesitant-face-crise-economique-2020-06-09-1201098280> (дата обращения: 18.08.2020).
 14. Risque pays de la Russie: économie // Societe generale. Import export solutions. – Paris, 2020. – Mode of access: <https://import-export.societegenerale.fr/fr/fiche-pays/russie/risque-pays-economie> (дата обращения: 18.08.2020).
 15. Russie. Principaux indicateurs économiques / COFACE. – Paris, 2020. – Mode of access: <https://www.coface.com/fr/etudes-economiques-et-risque-pays/russie> (дата обращения: 18.08.2020).
 16. Truel J.-L. La Russie entre COVID-19 et crise économique // Fondation Jean Jaures. – Paris, 2020. – 27.05. – Mode of access: <https://jean-jaures.org/nos-productions/la-russie-entre-covid-19-et-crise-economique> (дата обращения: 18.08.2020).
 17. Vercueil J. Économie politique de la Russie. 1918–2018. – Paris: Seuil, 2019. – 356 p.
 18. Vercueil J. L'économie russe et les sanctions. Une évaluation des conséquences du conflit ukrainien. Report N 9 / Note de l'Observatoire franco-russe. – Paris-Moscou, 2014. – 24 p.
 19. Vercueil J. Russie: la «stratégie 2020» en question. Une analyse du substrat productif et financier de la politique industrielle // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – Paris, 2013. – Vol. 44, N 1. – P. 169–194.
 20. Vercueil J., Chamontin L. La Russie: réalités et perspectives économiques // Diploweb.com: la revue géopolitique. – Paris (Vincennes), 2019. – 19.02. – 7 p. – Mode of access: <https://www.diploweb.com/La-Russie-realites-et-perspectives-economiques.html> (дата обращения: 18.08.2020).
 21. Vladimir Poutine menace-t-il l'économie de la Russie de stagnation? // Le Capital. – 2020. – 02.07. – Mode of access: <https://www.capital.fr/entreprises-marches/vladimir-poutine-menace-t-il-leconomie-de-la-russie-de-stagnation-1374311> (дата обращения: 18.08.2020).

УДК 33:004.65

И.И. Родионов, В.А. Цветкова*
БАЗЫ ДАННЫХ
ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Рассмотрены и систематизированы базы данных, представляющие интерес для экономистов-исследователей. Показаны основные базы данных по каждому из выделенных направлений. Отмечено, что в последние годы полнотекстовые базы данных существенно подорожали, но появились базы данных для студентов и аспирантов, доступные в библиотеках вузов, а также открытый доступ к значительному количеству онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: базы данных; экономика; научная информация; специализированная информация; коммерческая информация.

**I.I. Rodionov, V.A. Tsvetkova
Databases for research economists**

Abstract. Databases that are intended for use by research economists are reviewed and systematized. The main databases for each of the selected

* **Родионов Иван Иванович**, д-р экон. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Rodionov Ivan, DSn (Econ. Sci.), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Цветкова Валентина Алексеевна, д-р тех. наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), главный научный сотрудник Библиотеки по естественным наукам РАН (БЕН РАН).

Tsvetkova Valentina, DSn (Tech. Sci.), professor, chief researcher of the Department of economics, Institute of Scientific information for Social Sciences Russian Academy of Sciences; Library for Natural Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

areas are shown. It is noted that in recent years the prices of full-text databases have significantly increased, but there are databases for students and post-graduates available in university libraries, as well as open access to a significant number of online resources.

Keywords: databases; economics; scientific information; specialized information; commercial information.

Введение

Развитие любой области науки в значительной степени обусловлено состоянием ее информационной базы, доступностью информационных ресурсов для исследователей, оперативностью их формирования и удобством доступа. Научно-технологическое развитие России невозможно без учета мировых тенденций в информационной сфере. Наука интернациональна по своей сути, поэтому процессы глобализации и информационного обмена присущи ей в полной мере. Новые возможности, обусловленные быстрым развитием компьютерных технологий, стали катализатором ускорения информационного обмена. Стремительно разрастающееся пространство электронных информационных ресурсов является базисом этого процесса.

В настоящее время информационные ресурсы представлены двумя основными группами: 1) традиционные печатные: научные журналы, сборники трудов, монографии и т.д.; 2) электронные ресурсы, в том числе на носителях (сегодня в основном это компакт-диски (CD) и флешки) и доступные в online-режиме. Последние, в свою очередь, можно разделить на: базы данных; базы данных, интегрированные в систему обработки и анализа; блоги специалистов.

Мировой рынок электронных ресурсов сформировался к середине 1990-х годов. За последние 25 лет рынок претерпел определенные изменения, связанные, прежде всего, с развитием Интернета, появлением информационных служб с глобальным охватом (таких, как Google), а также научных социальных сетей и сообществ.

В настоящей работе акцент сделан на электронные ресурсы – библиографические, реферативные и полнотекстовые базы данных (БД) публикаций в открытых источниках, доступных для широкого пользователя, а также БД специальной информации (биржевой и финансовой, статистической и т.д.) доступной без ограничений и глобально. Мы попытаемся посмотреть, что произошло на

рынке электронных ресурсов для экономистов-исследователей за последние годы.

Тематическое направление «экономика» – достаточно широкое и ориентировано на многие направления деятельности: от глобальной и страновой макроэкономической статистики и операций бирж и финансовых институтов вплоть до написания курсовых и дипломных работ студентов не экономических специальностей. Основное внимание уделяется именно БД для исследователей, а не для аналитиков, работающих в бизнесе или на правительство. Не рассматриваются также большинство оперативных источников информации. Хотя и они могут использоваться в исследовательской деятельности, но значимы больше для бизнеса.

Вспомогательные базы данных для экономистов-исследователей

Рынок электронных ресурсов по направлению «экономика» включает [Родионов, Гиляревский, Цветкова, 2016]:

- БД биржевой и финансовой, деловой и коммерческой информации;
- БД экономической и демографической статистики;
- БД новостей, юридической и общественно-политической информации;
- БД научно-технической, специальной (например, медицинской или патентной) информации.

Сегодня все эти тематические направления поддерживаются различными информационными службами и, благодаря Интернету, доступны глобально для разных категорий пользователей.

Базы данных биржевой и финансовой информации. Представляется, что основными в этом секторе информационного рынка выступают БД американских компаний Thompson-Reuters¹ и Bloomberg. Thompson-Reuters предоставляет доступ к биржевой и финансовой информации (БД Datastream и EICON), а в рамках Thomson

¹ Thompson-Reuters – медиакомпания, образованная в результате приобретения медиакорпорацией Thomson в апреле 2008 г. информационного агентства Рейтер. Thomson Financial была подразделением Thomson Corporation. После объединения Thomson с Reuters, Thomson Financial была объединена с бизнесом Reuters, чтобы сформировать подразделение рынков общей компании. С 2018 г., после закрытия сделки стратегического партнерства между Thomson-Reuters и фондами прямых инвестиций, находящимися под управлением Blackstone, подразделение Financial & Risk стало называться Refinitiv.

Financial размещает новости бизнеса, экономики, спорта и общества [Макроэкономический анализ Datastream, 2020; EICON..., 2020].

Bloomberg – ведущий поставщик информации для профессиональных участников финансовых рынков. Помимо своего основного продукта Bloomberg Terminal, эта компания предоставляет деловые новости в составе баз Bloomberg BusinessWeek и Bloomberg Markets.

В качестве источников биржевой и финансовой информации и деловых новостей необходимо отметить также издания компании Dow Jones & Company (американская издательская фирма, принадлежащая News Corporation) – The Wall Street Journal, Barron's, Market Watch, Mansion Global, Financial News и Private Equity News. Но они в большей степени ориентированы на практиков финансового рынка.

Экономисты-исследователи используют все эти БД в качестве источника первичной и предварительно обработанной финансовой информации, прежде всего, для проведения исследований в области корпоративных финансов.

Базы данных экономической и социально-статистической информации представлены ресурсами международных организаций, таких как ООН, Всемирный Банк (World Bank), Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) и т.д., а также национальных статистических ведомств (в случае России – это Федеральная служба государственной статистики – Росстат).

Экономисты-исследователи используют эти БД в качестве источника первичной и обработанной статистической информации.

Базы данных коммерческой информации. Коммерческая информация требуется, прежде всего, бизнесу для идентификации и оценки настоящих и потенциальных партнеров. Информация данного рода предоставляется, прежде всего, службами компаний Dun & Bradstreet¹ и Dow Jones & Company (обе – США).

Подобную отечественную информацию публикует рейтинговое агентство «Эксперт РА» и медиахолдинг «Эксперт». На обзорах товарных рынков специализируется издание БИКИ – «Бюллетень иностранной коммерческой информации» Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, издающийся с 1948 г., а также ряд других российских компаний.

¹ Компания, специализирующаяся на сборе, каталогизации и анализе информации о субъектах бизнеса, составлении кредитных рейтингов. Ведет крупнейший в мире реестр сведений о частных компаниях.

Экономисты-исследователи используют эти БД в ограниченной степени, но она необходима экономистам-практикам и бизнесу.

Новости, деловые новости и общественно-политическая информация. Базы новостей и общественно-политической информации стали первыми полнотекстовыми БД на рынке информационных услуг и продуктов. В настоящее время основными источниками подобной информации являются медиакомпании, публикующие биржевую и финансовую информацию, а также новости, включая деловые. В основном они поставляются ведущими газетами (ныне медиакомпаниями): New York Times (NYT)¹, Financial Times (FT)², Gardian³ и т.д.

Кроме того, в конце XX в. появились такие ресурсы, как БД компаний LexisNexis⁴ или интернет-порталы, подобные News-Page.com⁵.

¹ Американская ежедневная газета, издающаяся в Нью-Йорке с 1851 г. Третья по тиражу в стране после USA Today и The Wall Street Journal и 40-я в мире. Веб-сайт NYT считается одним из самых популярных новостных сайтов с посещаемостью 30 млн человек в месяц.

² Основана в 1888 г. братьями Шеридан. В настоящее время является международной деловой газетой, издается на английском языке в 24 городах мира общим тиражом более 300 тыс. экземпляров. Специализируется на публикации и анализе новостей из мира финансов и бизнеса. Головной офис находится в Лондоне. С 1957 по 2015 г. газета принадлежала британскому медиабизнесу Pearson PLC. В 2015 г. японская медиакорпорация «Нихон кэйдзай симбун» («Никкэй») приобрела 100% акций медиагруппы FT Group, включая газету Financial Times.

³ Ежедневная леволиберальная газета в Великобритании. Основана в 1821 г. под названием The Manchester Guardian. В 1959 г. сменила свое название на нынешнее. Публикует новости, в том числе новости бизнеса.

⁴ Американская компания, работающая в сфере информационных услуг (предоставление онлайн-доступа к многоотраслевым БД). Была основана в 1977 г. Д. Уилсоном (1925–2006). С 1994 г. принадлежит медиагруппе Reed Elsevier. Основные ресурсы – база правовой информации Lexis.com, база новостной и бизнес-информации Nexis.com. Считается крупнейшей в мире онлайн-библиотекой юридической, архивной и деловой информации. Центральный офис находится в Дейтоне.

⁵ Интернет- портал альтернативной прессы, самостоятельно организует страницы ссылок на сотни журналов, независимых издательств и книжных магазинов, литературных журналов, газет и обзорных источников, писательских конференций и т.д.

В России наиболее авторитетными источниками информации данного вида служат издания «Коммерсантъ»¹, «Ведомости»², РБК (от «РосБизнесКонсалтинг»)³.

Экономисты-исследователи начинают все более активно использовать эти БД для получения более полной информации о коммерческих сделках и сделках капитального характера (M&A – слияния и поглощения), а также для определения личностных характеристик менеджеров и членов советов директоров (на основе контентного анализа их высказываний) для проведения исследований в области корпоративных финансов.

Юридическая информация. Как и в случае деловых новостей, экономисты-исследователи все активнее используют эти БД, однако последние имеют четко выраженную привязку к определенному государству.

Официальная информация юридического характера в России публикуется в «Российской газете»⁴. Большой массив юридической информации находится также в БД таких частных компаний, как «КонсультантПлюс»⁵, «Гарант»⁶, «Кодекс»⁷.

Базы данных научной и технической информации (НТИ) и специальной информации. Это один из наиболее развитых секторов

¹ Общественно-политическая газета с усиленным деловым блоком. Выпускается издательским домом «Коммерсантъ» с 1989 г. с периодичностью шесть раз в неделю – с понедельника по субботу.

² Ежедневная деловая газета, выходит с 1999 г. Представляет информацию об экономических, финансовых, корпоративных и политических событиях, анализ и прогнозы развития ситуации.

³ Российский медиахолдинг, включающий одноименный телеканал, информационное агентство, газету и журнал. Проводит отраслевые конференции, бизнес-регаты и премии. Является крупнейшим из негосударственных медиахолдингов России.

⁴ Официальный печатный орган Правительства РФ, учреждена в 1990 г.

⁵ Отечественная информационная компания, созданная в 1992 г. Является разработчиком одноименной справочной правовой системы. Первоначальные работы осуществлялись ПНО «Вычислительная математика и информатика».

⁶ Отечественная информационная компания, созданная в 1990 г. выпускниками факультета ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова. Является разработчиком одноименной компьютерной справочной правовой системы и комплекса информационно-правового обеспечения.

⁷ Консорциум – объединение разработчиков, основанное в 1991 г. Основными продуктами являются электронные профессиональные справочные системы Кодекс и Техэксперт, а также решения в области электронного документооборота.

информационного рынка, на котором представлены все отрасли науки и техники. Однако они также очень привязаны к отдельным государствам.

Среди таких БД следует отметить информационные ресурсы Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). В России подобной информацией владеет Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент).

Экономисты-исследователи все чаще обращаются к таким БД для лучшего понимания инновационных процессов.

Базы данных по технологии экономической и финансовой работы: учету и отчетности, бюджетированию, финансовому планированию, аудиту, контроллингу и т.п. Информационные источники по данному направлению используются, как правило, в качестве справочных материалов и содержат в основном оперативные данные (на конкретную дату). Аналитическими материалами они располагают в ограниченном объеме.

В России наиболее полно подобная информация представлена в БД частных компаний «КонсультантПлюс», «Гарант» и «Кодекс».

Основные базы данных по тематическому направлению «экономика»

Среди БД, содержащих библиографическую и реферативную информацию, а также полные тексты публикаций по тематическому направлению «экономика», ведущей является коллекция ABI/Inform компании ProQuest¹ [ProQuest, 2020]. Этот мультидисциплинарный англоязычный ресурс содержит информацию по следующим разделам: технические науки, естественные науки, социальные науки (в том числе экономика), гуманитарные науки, медицина. ABI/INFORM Collection доступна в России по прямой подписке. Коллекция состоит из ABI/INFORM Global, ABI/INFORM Trade & Industry – торговля и промышленность, ABI/INFORM Dateline – новости.

ABI/Inform включает тысячи полнотекстовых журналов, диссертаций, рабочих статей, ключевых деловых и экономических периодических изданий (таких, как «The Economist» и т.д.), отчеты

¹ Базирующаяся в Анн-Арборе (штат Мичиган) глобальная компания по информационному контенту и технологиям, основанная в 1938 г. как университетские микрофильмы Ю.Б. Пауэром.

по странам и отраслям, а также основные источники новостей (такие, как «The Wall Street Journal»). Его международный охват дает исследователям полное представление о компаниях и тенденциях развития бизнеса во всем мире.

Еще одним интересным продуктом компании является ProQuest Dissertations & Theses (PQDT) – обширная коллекция диссертаций и дипломных работ по гуманитарным и социальным наукам.

На платформе ProQuest также размещен ряд других мировых БД, из которых можно отметить следующие [ProQuest, 2020]:

- Accounting, Tax & Banking Collection – содержит основные публикации по финансовым услугам, включая бухгалтерский учет, налоги, банковское дело и отраслевые тенденции;

- Advanced Technologies & Aerospace Database – содержит результаты исследований в области передовых технологий, в том числе аэронавтики, астронавтики, компьютерных и информационных технологий, а также твердых материалов;

- AGRICOLA – библиографическая БД, состоящая из ссылок на журнальные статьи, монографии, научные труды, диссертации, патенты, переводы, аудиовизуальные материалы, компьютерные программы и технические отчеты, относящиеся ко всем аспектам сельского хозяйства;

- Business Market Research Collection – содержит исследования компаний, обзоры отраслей и глобальных рынков из трех источников: профили компаний Гувера¹ (информация о мировых публичных и непубличных компаниях, включая местоположение, сводные финансовые показатели, конкурентов, должностных лиц и многое другое), OxResearch² и серии так называемых «мгновенных снимков» (обзорные маркетинговые исследования по более чем 40 отраслям промышленности и 40 странам);

- ProQuest Dialog – специализируется на профессиональном контенте и рабочих процессах для фармацевтических, инженерных и патентных исследований;

¹ Компания Hoover's, ведущая один из наиболее полных всемирных каталогов юридических лиц (более 80 млн организаций), была поглощена в 2003 г. компанией Dun & Bradstreet. Однако Hoover's было сохранено как самостоятельное подразделение – данные между каталогами D&B и Hoover's ежемесячно синхронизируются.

² Краткие статьи преподавателей Оксфорда, посвященные значительным экономическим и политическим событиям.

– Inspec – содержит более 16 млн записей и является одной из наиболее полных реферативных и индексируемых БД для предметных и междисциплинарных исследований в области техники, физики и информатики;

– J.P. Morgan Research – наиболее высоко оцененные аналитические отчеты, доступные в любом месте с 7-дневным эмбарго, которые позволяют проводить надежные и быстрые исследования компаний;

– Materials Science & Engineering Database – междисциплинарный ресурс полнотекстового контента и экспертного индексирования глобальной литературы в области материаловедения и инженерии.

Большой объем информации по тематической области «экономика» содержится в крупнейших мультидисциплинарных БД. Среди них особый интерес представляют семейства баз данных EBSCO, Web of Science Core Collection и Scopus. Эти БД, помимо предоставления информации, используются для оценки научной деятельности (т.е. содержат заранее отобранные и ценные публикации). Среди российских БД наиболее представительными в данной научной области являются коллекция eLibrary – Научной электронной библиотеки, «Экономика и демография» (ИНИОН РАН) и «Экономика промышленности» (ВИНИТИ РАН).

Американская компания *EBSCO Publishing* (основана в 1944 г.) – крупнейший агрегатор научных ресурсов основных издательств мира, ведущий мировой поставщик научных баз данных, электронных книг, журналов, в том числе изданий по экономике, бизнесу, менеджменту, социологии, политологии, информатике (более 14 тыс. журналов), а также бизнес-аналитики, отчетов по рынкам и компаниям. БД EBSCO охватывают более 200 технических, медицинских и других научных направлений. На платформе EBSCO предоставляется доступ, в том числе к следующим БД, представляющим интерес для специалистов в сфере экономики: Academic Search Ultimate, Business Source Ultimate, Academic Search Premier, Regional Business News, OpenDissertations, EconLit, Business Source Complete [Соколов, 2011; Научно-исследовательские базы данных, 2020].

БД EBSCO доступны в России по подписке – многие крупнейшие отечественные вузы и библиотеки имеют доступ к ней.

*Web of Science*¹ (от англ. «Сеть науки», WoS; с 2014 г. введено новое название Web of Science Core Collection – WoS CC) – поисковая англоязычная интернет-платформа, объединяющая реферативные БД публикаций в научных журналах, конференциях и патентов. БД WoS CC охватывает материалы по естественным, техническим, общественным, гуманитарным наукам и искусству. Платформа обладает встроенными возможностями поиска, анализа и управления библиографической информацией. Непосредственно в состав WoS CC входят следующие БД, представляющие интерес для экономистов-исследователей [Web of Science..., 2020]:

- Science Citation Index Expanded (SCIE) – архив с 1990 г.;
- Social Sciences Citation Index (SSCI) – архив с 1990 г.;
- Arts & Humanities Citation Index (AHCI) – архив с 1975 г.;
- Conference Proceeding Citation Index (CPCI) – архив с 1990 г.;
- Book Citation Index (BkCI) – архив с 2005 г.;
- Index Chemicus (IC/CCR) – архив с 1840 г.;
- Emerging Sources Citation Index (ESCI) – архив с 2015 г.

В настоящее время в БД WoS CC насчитывается около 21 тыс. журналов из разных стран, из них около 200 – российских [Ценность научометрических баз..., 2020; Москаleva, Писляков, 2017].

Особо следует отметить БД ESCI, поскольку благодаря ее появлению существенно расширилось присутствие в WoS CC отечественных журналов, в том числе по экономической тематике. В настоящее время в этой БД насчитывается около 6 тыс. журналов из разных стран, из них около 90 – российских. В их числе девять журналов по тематическому направлению Economics & Business. Для журналов, включенных в ESCI, не рассчитывается импакт-фактор, однако решение о дальнейшей судьбе журналов принимается на основании анализа цитируемости опубликованных в них статей [Москалева, Писляков, 2017].

¹ Разработана в 1957 г. американским Институтом научной информации (Institute of Scientific Information – ISI), занимавшимся вопросами составления библиографических баз данных научных публикаций, их индексированием и определением научометрических показателей. Первый указатель появился в 1964 г., который и считается официальной датой создания. В 1992 г. ISI был поглощен компанией Thomson Scientific & Healthcare с образованием объединенной компании Thomson ISI (с 2006 г. – Thomson-Reuters). В 1997 г. был запущен бренд Web of Science [Маркусова, 2014]. В 2016 г. управление WoS было передано новой независимой компании – Clarivate Analytics.

На платформе размещена не только коллекция БД WoS СС, но и ряд других информационных БД, в числе которых следует отметить [Web of Science..., 2020]:

– MEDLINE (ведущая библиографическая БД Национальной медицинской библиотеки США (NLM), охватывающая темы биомедицины и естественных наук, жизненно важные для практиков, педагогов и исследователей) – архив с 1950 г.;

– SciELO Citation Index (региональный латиноамериканский индекс цитирования на платформе Web of Science) – архив с 2002 г.;

– Derwent Innovations Index (самая полная база данных патентной информации в мире, объединяющая Derwent World Patents Index и Derwent Patents Citation Index)¹ – архив с 1963 г.;

– Data Citation Index (включает записи источников, связанные с данными исследования, что позволяет переходить от записей общего уровня к записям по специфическим темам) – архив с 1900 г.;

– CAB Abstracts (базы данных некоммерческой организации, специализирующейся на научных публикациях, исследованиях и коммуникациях) – архив с 1910 г.;

– FSTA (важнейший источник информации о научных исследованиях, имеющих отношение к питанию, продуктам и напиткам; содержит публикации из журналов, книг, патентов, отчетов, диссертаций) – архив с 1969 г.;

– Russian Science Citation Index (RSCI – база данных авторитетных российских журналов на платформе Web of Science) – архив с 2005 г.

Сформированный на платформе Web of Science банк данных является: а) полitemатическим информационным ресурсом с широкими возможностями для поиска; б) аналитической системой, позволяющей следить за публикационной активностью как отдельных ученых, так и стран, строить карты науки, вести расчеты различных библиометрических показателей. БД WOS СС доступны в России по прямой подписке или доступ предоставляемся на условиях национальной подписки.

Коллекция Scopus², созданная в 2004 г., в настоящее время является второй в мире мультидисциплинарной библиографи-

¹ Всемирный указатель патентов Derwent (Derwent World Patent Index) является мировым лидером в обеспечении патентной информацией, которая поступает от почти 50 патентных служб различных стран.

² Разработчиком и владельцем является издательская корпорация Elsevier (Нидерланды).

ческой и реферативной англоязычной БД научных публикаций и цитирования. В ней индексируется более 24 тыс. названий по техническим, медицинским и гуманитарным наукам от 5000 научных издательств, включая более 500 российских журналов. БД Scopus доступны в России по прямой подписке или доступ предоставляется на условиях национальной подписки [Scopus..., 2020].

В 1999 г. в России была создана *Научная электронная библиотека eLibrary* – по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований для обеспечения российским ученым электронного доступа к ведущим иностранным научным изданиям. В 2005 г. компания начала специальный проект по построению Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В настоящее время РИНЦ – это национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая по состоянию на 30.06.2020 около 34,3 млн проиндексированных публикаций. Ежедневно в систему добавляется около 4 тыс. новых публикаций и около 458 млн пристатейных ссылок. В РИНЦ используется Государственный рубрикатор научной и технической информации (ГРНТИ) [О проекте, 2020].

РИНЦ имеет соглашения с компаниями Clarivate Analytics и Elsevier, позволяющие делать запросы непосредственно в БД WoS CC и Scopus и получать оттуда текущие значения показателей цитирования публикаций. Таким образом, в интерфейсе РИНЦ можно увидеть одновременно число цитирований публикации в РИНЦ, WoS CC и Scopus. Эта возможность доступна для всех зарегистрированных в РИНЦ авторов [О проекте, 2020].

В 2010 г. была достигнута договоренность с компанией Elsevier об импорте сведений о публикациях российских авторов и ссылающихся на них работах из Scopus с целью их совместного анализа при оценке публикационной активности и цитируемости российских ученых и научных организаций. Это позволяет учитывать публикации российских ученых в зарубежных журналах [О проекте, 2020].

В 2015 г. из всех журналов, индексируемых в РИНЦ, была выделена коллекция лучших журналов, которая по соглашению с компанией-владельцем была размещена на платформе WoS CC в виде отдельной БД Russian Science Citation Index (RSCI). Это позволило значительно расширить представительство российских научных журналов в международном информационном пространстве. Одновременно в РИНЦ было выделено ядро лучших публикаций, позволяющее делать оценки эффективности научных

исследований на основании наиболее качественного сегмента научных работ российских ученых [О проекте, 2020].

Среди других русскоязычных БД, представляющих интерес для экономистов-исследователей, нужно отметить БД Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) «Экономика и Демография». Созданная в 1991 г., она (по состоянию на 30.01.2020) содержит около 421,9 тыс. библиографических записей книг и научных статей из журналов и сборников на 140 языках по следующим темам: демографические процессы; экономическая теория; экономическая и социальная статистика; экономико-математические методы и модели; общественно-экономическая структура; отраслевая структура; экономики стран; финансы; экономика труда. Записи содержат ключевые слова, классификационные коды рубрикатора ИНИОН РАН по социальным и гуманитарным наукам, аннотации, а также снабжены шифром хранения и ссылками (при наличии) на полные тексты источников из Научной электронной библиотеки eLibrary [Библиографические базы данных, 2020].

Другой подобной БД является реферативная, ежемесячно пополняемая БД «Экономика промышленности» Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ РАН). Созданная в 1981 г., она содержит библиографию, ключевые слова и краткие рефераты первоисточников по следующим темам: Экономика отраслей промышленности (топливно-энергетического, металлургического, машиностроительного, химического комплексов; лесного хозяйства; легкой промышленности), Экономика агропромышленного комплекса; Экономика транспорта, связи и коммуникаций; Экономика строительства; Экономика непроизводственной сферы; Методы управления экономикой; Мировая экономика; Экономика стран мира [База данных, 2020].

В последние годы развитие получили такие электронные ресурсы, как блоги ведущих экономистов, содержащие пояснения популярных методик и концепций. Примером может служить блог Дамодарана, созданный А. Дамодараном (профессор индийского происхождения Школы бизнеса Леонарда Н. Стерна Нью-Йоркского университета) по вопросам оценки бизнеса и активов [Damodaran online..., 2020]. Появились также многочисленные блоги международных групп экономистов (часто вовлеченных в совместные исследовательские проекты).

Не менее интересны и системы, в которых данные организованы в формы, позволяющие проводить многоаспектный анализ и

визуализацию. Например, созданный в 2013 г. в Гарвардской школе управления им. Кеннеди «Атлас сложности экономики» [What is the Atlas..., 2020]. Развитие технологий машинного обучения (computer learning – CL) и искусственного интеллекта (artificial intelligence – AI) позволяет рассчитывать на появление подобного рода систем в отношении библиографической информации.

Новым стал и выход на информационный рынок в первом десятилетии XXI в. крупнейших поисковых систем (таких, как Google и др.), ориентирующихся на студентов и молодых ученых. Предлагаемый ими бесплатный доступ, по-видимому, строится в расчете на то, что в будущем, в силу привычки, они могут стать полноценными коммерческими пользователями (т.е. по сути это копирование маркетингового подхода компании Apple 1980-х годов).

Например, *Google Scholar* – многофункциональная поисковая система по полным текстам научных публикаций, созданная корпорацией Google в 2004 г. Русскоязычная версия названа Google Академия (<https://scholar.google.ru/>). Включает данные большинства рецензируемых научных журналов, монографий, трудов конференций. Система является полitemатической и полилингвистической (источники на английском, немецком, испанском, французском и др. языках). Она не содержит профилей организаций, поэтому подсчет количества публикаций возможен только по профилям авторов. В качестве рекламного слогана Google Scholar выбрана фраза: «Стоя на плечах гигантов» (лат. «*nanos gigantum humerris insidentes*»; англ. «*standing on the shoulders of giant*»), которая выражает преемственность в познании [Васильева, 2012].

Заключение

Анализ рынка электронных ресурсов для экономистов-исследователей показывает, что за последнее десятилетие на нем мало что изменилось.

Крупные информационные центры сохранили позиции на рынке, произошло несколько важных M&A- сделок, что привело к росту его концентрации. Информационные центры стали позиционировать себя в качестве медиакомпаний. Номенклатура их БД существенно не изменилась, а сами БД были дополнены полнотекстовыми новостями и данными, рассчитанными на основе первичной финансовой отчетности. Кроме того:

– сформировалось несколько глобальных БД, в которых интегрирована биржевая, финансовая, деловая, коммерческая, новостная и статистическая информация – Thompson-Reuters и Bloomberg;

– полнотекстовые БД статей существенно подорожали и доступны только крупным вузам и библиотекам;

– появились доступные БД для студентов и аспирантов (Google, КиберЛенинка и т.д.);

– появились ресурсы с открытыми текстами, но их мало, и пока они охватывают лишь незначительное количество источников.

Небольшие специализированные информационные службы, наводнившие рынок в середине 1990-х годов, работающие на некоммерческой основе, но пытавшиеся стать коммерческими, – либо «умерли», либо (в небольшом числе) выжили и стали медиа-компаниями.

С развитием социальных сетей на рынке появились «звездные» блоги, а также блоги совместных проектов заинтересованных групп экономистов-исследователей. Получают распространение новые технические системы, в которых данные организованы в формы, позволяющие проводить многоаспектный анализ и визуализацию.

Список литературы

1. База данных ВИНИТИ РАН / ВИНИТИ РАН. – Режим доступа: <http://www.viniti.ru/products/viniti-database> (дата обращения: 16.07.2020).
2. Библиографические базы данных ИНИОН РАН / ИНИОН РАН. – Режим доступа: <http://inion.ru/ru/resources/bazy-dannykh-inion-ran/> (дата обращения: 16.07.2020).
3. Васильева В.М. Методическое руководство по использованию поисковой системы Google Scholar / Центр информационно-библиотечного обеспечения учебно-научной деятельности НИЯУ МИФИ. – Москва, 2012. – 24 с. – Режим доступа: http://www.spa.msu.ru/uploads/files/nautchnaja_dejatelnost/GoogleScholar.pdf (дата обращения: 12.11.2020).
4. Макроэкономический анализ Datastream / Refinitiv. Решения. Datastream. – Режим доступа: <https://www.refinitiv.ru/ru/products/datastream-macroeconomic-analysis> (дата обращения: 17.06.2020).
5. Маркусова В.А. К 50-летию Science Citation Index: История и развитие наукометрии / Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологий / М.А. Акоев, В.А. Маркусова, О.В. Москаleva, В.В. Писляков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 14–48.

6. Москалева О.В., Писляков В.В. Российские журналы в Emerging Sources Citation Index / Научное издание международного уровня – 2017: Мировая практика подготовки и продвижения публикации: Материалы VI Международ. науч.-практ. конф., Москва, 18–21 апреля 2017 г. – Москва, 2017. – С. 78–81.
7. Научно-исследовательские базы данных / EBSCO. – Режим доступа: <https://www.ebsco.com/e/ru-ru/products-and-services/research-databases> (дата обращения: 07.08.2020).
8. О проекте / eLibrary. – Режим доступа: https://elibrary.ru/elibrary_about.asp (дата обращения: 10.07.2020).
9. Родионов И.И., Гиляревский Р.С., Цветкова В.А. Информационная деятельность как инфраструктура национальной экономики. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 224 с.
10. Соколов А. База данных Academic Search Complete / Электронный научный архив УрФУ. – Екатеринбург, 2011. – 73 с. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4579/1/sokolov_ASC%20and%20others_21.11.12.pdf (дата обращения: 04.08.2020).
11. Ценность научометрических баз данных: от поиска информации – к глубокой аналитике / Адамс Дж., Пенделберг Д., Шомшор М. / Институт научной информации Web of Science Group. – 2020. – Режим доступа: https://discover.clarivate.com/isi_value_of_bibliometric_databases_ru?utm_campaign=EM_1_ISI_GRR7_JCR_release_SAR_Russia_2020&utm_medium=email&utm_source=Eloqua (дата обращения: 18.07.2020).
12. Damodaran online: Home page for Aswath Damodaran / NYU Stern. – Mode of access: <http://pages.stern.nyu.edu/~adamodar/> (дата обращения: 04.08.2020).
13. EICON – финансовая аналитика и платформа для трейдинга / Refinitiv. – Режим доступа: <https://www.refinitiv.ru/ru/products/eikon-trading-software> (дата обращения: 23.06.2020).
14. ProQuest. About / ProQuest. – Mode of access: https://about.proquest.com/products-services/abi_inform_complete.html (дата обращения: 10.07.2020).
15. Scopus. Data: Curated. Connected. Complete / Elsevier. – Mode of access: https://www.elsevier.com/solutions/scopus?dgcid=RN_AGCM_Sourced_300005030 (дата обращения: 12.11.2020).
16. Web of Science Core Collection / Clarivate. – Mode of access: <https://clarivate.com/webofsciencegroup/solutions/web-of-science-core-collection/> (дата обращения: 20.07.2020).
17. What is the Atlas of Economic Complexity? / Harvard. – Mode of access: <https://atlas.cid.harvard.edu/what-is-the-atlas> (дата обращения: 04.08.2020)

УДК 327(470)(075)

О.Н. Пряжникова*

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ ФИНСКОГО ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(Обзор)**

Аннотация. В обзоре представлены результаты исследований российско-китайских отношений, проведенных экспертами Финского института международных отношений и затрагивающих такие аспекты сотрудничества двух стран, как экономические связи, безопасность, региональные интересы.

Ключевые слова: Финский институт международных отношений; экономические связи; сотрудничество в сфере безопасности; региональные интересы; Китай; Россия; Средняя Азия; Ближний Восток; Арктика.

**O.N. Pryazhnikova
Russia-China relations: assessments of experts
of the Finnish Institute of International Affairs
(Review)**

Abstract. The review presents the results of studies of Russia-China relations conducted by experts of the Finnish Institute of International Affairs, with regard to such aspects of relations between the two countries as economic ties, security cooperation and regional interests.

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Pryazhnikova Olga, researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: Finnish Institute of International Affairs; economic cooperation; security cooperation; export of energy products; regional interests; China; Russia; Central Asia; Middle East; Arctic.

Введение

Финский институт международных отношений (Finnish Institute of International Affairs – FIIA) был учрежден парламентом Финляндии в июне 2006 г. Он представляет собой автономную организацию, ведущую исследовательскую деятельность, под управлением совета из девяти членов, а также при поддержке консультативного и ученого совета¹. FIIA является исследовательским институтом, который видит свою миссию в изучении международных отношений, актуальных международных проблем и направлений внешней политики ЕС. Институт реализует свои цели, проводя исследования, организуя внутренние и международные семинары и публикуя отчеты о результатах исследований.

Особый интерес для экспертов FIIA представляют отношения между Россией и Китаем. Китай в настоящее время является одним из главных торговых партнеров России. После введения в 2014 г. санкционного режима в отношении России, который не позволяет странам Запада финансировать некоторые отечественные проекты в области энергетики, инфраструктуры и транспорта, Китай все активнее «входит» в эти сектора российской экономики. Оба государства стремятся к созданию многополярного мироустройства. Совпадение интересов Пекина и Москвы позволяет им участвовать в региональных институтах и группах, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС.

Результаты анализа российско-китайских отношений специалистами FIIA представлены в информационных публикациях (briefing papers) и ряде соответствующих докладов, выпущенных институтом, которые рассматриваются в настоящем обзоре.

Экономические связи

В докладе FIIA «Отношения Китая и России: Текущее состояние, альтернативные варианты будущего и последствия для

¹ Finnish Institute of International Affairs. – Mode of access: <https://www.fii.fi/en/introduction> (дата обращения: 02.07.2020).

Запада» (2011) обсуждались особенности развития экономических связей Китая и России. В течение первого десятилетия XXI в. стоимость российского экспорта в Китай выросла в 4 раза: с 5 млрд долл. в начале 2000-х годов до 20 млрд долл. к 2010 г. Такое увеличение экспорта было обусловлено ростом китайской экономики и соответственно увеличением спроса на энергоресурсы, с одной стороны, и повышением мировых цен на энергоносители и увеличением добычи нефти в России – с другой. При этом в процентном отношении доля Китая в экспорте России выросла за этот период чуть более чем на 6%. Отмечается, что российский импорт из Китая также быстро увеличивался: его доля выросла с 3% в начале десятилетия до 17% в 2010 г. В результате Китай стал самым важным торговым партнером России [Russia-China..., 2011, р. 38–59].

Несмотря на заявления российских официальных лиц о стремлении диверсифицировать экспорт и увеличить в нем долю высокотехнологичных товаров, в действительности в этот период структура экспорта двинулась в обратном направлении. Если в середине 1990-х годов на нефть и сырье приходилось примерно 10% российского экспорта в Китай, то к началу 2000-х годов – 30%, а в 2010 г. – уже 70%. Изменения в структуре российского импорта из Китая выразились в росте доли технологически сложных товаров и сокращении доли продовольственных товаров. Наблюдалось сокращение импорта текстиля и увеличение импорта машин и оборудования (компьютеров, телефонов, бытовой техники, транспортных средств). Китай, в отличие от России, смог расширить ассортимент своей экспортной продукции и начал экспортировать всё большие объемы высокотехнологичных товаров. Кроме того, Китай, увеличивая масштабы инвестиций, стал крупным игроком на российском рынке. Роль России в китайской экономике, за исключением экспорта энергоносителей и некоторых видов сырья (главным образом, круглый лес), остается незначительной [Russia-China..., 2011, р. 45].

В первом десятилетии XXI в. политические отношения между двумя странами были лучше, чем когда-либо ранее. Однако увеличение масштабов взаимной торговли было обусловлено именно феноменальным экономическим ростом Китая и необходимостью для него новых поставщиков энергии и сырья. При этом финские эксперты не видят перспектив углубления экономической интеграции двух стран. Основным препятствием для более широкого экономического сотрудничества между Россией и Китаем назы-

вают проводимую обеими странами протекционистскую политику [Russia-China..., 2011, p. 59].

Анализ особенностей развития экономических связей Китая и России был продолжен в докладе ФИА «Российско-китайские и российско-американские отношения: Текущая ситуация и будущие тенденции» (2018). В нем подчеркивается, что Китай по-прежнему остается крупнейшим торговым партнером России, хотя в стоимостном выражении взаимный товарооборот двух стран значительно уступает соответствующим показателям сотрудничества с их западными партнерами. Объем взаимной торговли России и Китая достиг в 2017 г. 84 млрд долл. Между тем товарооборот России и ЕС составил в том же году 267 млрд долл., а товарооборот Китая с ЕС и Китая с США соответственно – 665 и 634 млрд долл. Значительная часть российского экспорта, как и прежде, представляет собой энергоресурсы, в первую очередь нефть. С точки зрения Китая, импорт энергоресурсов из России отвечает помимо прочего стратегическим интересам, так как большая часть поставок осуществляется по наземным трубопроводам без транзита через третьи страны, что обеспечивает высокую степень их безопасности [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 29].

Если в первую декаду XXI в. российский экспорт в Китай составлял 5–6% совокупного экспорта, то во второй декаде этот показатель увеличился до 11% за счет роста поставок нефти. Китай также укрепил свои позиции на российском рынке и поставляет 21% товаров, импортируемых в Россию. В то же время доля российских товаров в китайском экспорте товаров на протяжении последнего десятилетия держалась на уровне около 2% [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 30].

Исследователи отмечают относительно малые объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) китайских компаний в России и практически отсутствие российских корпоративных инвестиций в китайскую экономику. Начиная с 2000 г. доля китайских ПИИ в Россию остается на уровне 1% от всех ПИИ, приходящих на российский рынок, или ниже. В 2014–2015 гг., когда инвестиции из других стран резко сократились в связи с санctionями, доля китайских ПИИ достигла 10% совокупных ПИИ в 2015 г. Однако уже в 2017 г. доля Китая в объеме ПИИ, размещаемых в России, вернулась на уровень менее 1%. Большая часть (64%) китайских ПИИ в 2006–2017 гг. была вложена в российский энергетический сектор, а 11% – в производство металлов. В последнее время растет

интерес китайских инвесторов к российскому сектору онлайн-торговли [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018].

Россия и Китай неоднократно пытались увеличить взаимные инвестиции, в том числе путем создания Российско-китайского инвестиционного фонда. Однако политических установок недостаточно, чтобы убедить китайские банки и корпорации инвестировать в экономику России. Препятствиями роста китайских ПИИ в России служит относительно небольшой размер отечественного рынка и беспокойство инвесторов по поводу западных санкций.

Сотрудничество в сфере безопасности

В прошедшее десятилетие, по мнению финских специалистов, совместные военные учения, наряду с торговлей вооружением, стали основными составляющими сотрудничества стран в сфере безопасности. Торговля оружием в последние годы оценивается как достигшая своего пика. А сотрудничество в рамках совместных учений становится все более разнообразным и затрагивает новые сферы [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, р. 33].

На китайские закупки вооружения в период 1999–2006 гг. приходилось 34–60% совокупного экспорта оружия из России. Пик поставок российского оружия Китаю пришелся на 2005 г., когда их стоимость составила 3,1 млрд долл. Впоследствии продажи резко упали, сократившись до 0,6 млрд долл. в 2016 г. [Sinkkonen, 2018]. Причин тому несколько. Во-первых, Китай стал более ограничен в ресурсах в связи с замедлением темпов экономического роста. Во-вторых, он расширил инвестиции в свою армию и оборонную промышленность, что сократило потребности в закупках из России. В-третьих, Россия стала опасаться заимствования китайской стороной своих передовых технологий и прекратила продажи содержащей их продукции. Однако после подписания соглашения о защите авторских прав начиная с 2015 г. Россия постепенно стала вновь продавать Китаю свои новейшие военные технологии.

Эксперты подчеркивают намерения Китая достичь как можно быстрее «самодостаточности» в сфере производства военной техники. Таким образом, перспективы сохранения современного объема продаж вооружения весьма ограничены. Однако Китай и Россия могут найти «нетрадиционные» сферы кооперации, связанные с обеспечением безопасности, сотрудничество в которых принесет пользу обеим сторонам в будущем. Прежде всего, это

сфера интернет-цензуры, которая видится одним из ключевых приоритетов внутренней политики правительства Китая, и России. Китайский опыт создания и функционирования межсетевого экрана (firewall)¹ может быть востребован в России, которая, по мнению финских экспертов, предпринимает шаги к уменьшению свободы в российском киберпространстве [Sinkkonen, 2018, р. 6].

Специалисты FIA расценивают российско-китайские совместные учения, которые впервые состоялись более десяти лет назад, как попытку сигнализировать Западу о потенциале более тесного сотрудничества Китая и России в сфере военной безопасности в будущем [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, р. 37]. В настоящий момент компоненты этих маневров включают наземные учения «Мирная миссия», военно-морские учения «Морское взаимодействие», учения с использованием компьютерной симуляции по защите от атак баллистических ракет «Воздушно-космическая безопасность» и войсковые учения с целью обеспечения внутренней безопасности. В последних участвуют силы внутренней безопасности обеих стран: Российская национальная гвардия (Росгвардия) и Китайская народная вооруженная полиция.

Качественным изменением военного сотрудничества России и Китая в перспективе может стать решение создать полноценный союзнический альянс [Kaczmarek, Katz, Tiilikainen, 2018, р. 40]. Препятствием углубления союзнических отношений служит усиливающийся разрыв между двумя странами по их весу на международной арене. Усиливающаяся асимметричность баланса сил в данном союзе в обозримом будущем поставит перед Россией выбор, играть ли ей в альянсе подчиненную роль или нет. Вместе с тем на данном этапе противостояние России и Китая в широком смысле странам Запада формирует у них совпадающие интересы [Sinkkonen, 2018, р. 8]. В сложившейся ситуации эксперты FIA выделяют два направления развития российско-китайской кооперации, которые могли бы изменить модель сотрудничества: переход к масштабным продажам китайской военной техники вооруженным силам России и начало совместного производства военной техники.

¹ Межсетевой экран – программный или программно-аппаратный элемент компьютерной сети, осуществляющий контроль и фильтрацию проходящего через него сетевого трафика в соответствии с заданными правилами.

Реализация региональных интересов

После распада СССР Китай начал расширять свое влияние в *Средней Азии*, а в конце 2000-х годов стал крупнейшим торговым партнером стран региона, ключевым источником коммерческих займов и финансовой помощи, а также крупным инвестором в инфраструктуру среднеазиатских государств. Участвуя в развитии сектора энергетики региона, Китай построил сети газо- и нефтепроводов и подписал ряд долгосрочных контрактов на поставки энергоресурсов, что лишило Россию монополии на транзит среднеазиатского газа. Наладив поставки газа для собственных нужд, Китай опередил Россию, выйдя на первое место среди импортеров по закупкам местного газа.

Вместе с тем Россия продолжает занимать лидирующее положение в регионе в сфере обеспечения безопасности. А именно: в Средней Азии присутствуют российские войска; страны региона и Россия входят в формальный союз – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); налажено двустороннее сотрудничество между вооруженными силами России и среднеазиатских государств; Россия осуществляет поставки военной техники в регион [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 41].

С одной стороны, Россия пытается восстановить и поддерживать исторические связи на постсоветском пространстве. Одним из результатов этой деятельности является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), чья сложная правовая база представляет собой, по мнению финских специалистов, защитную стену, отделяющую страны – члены ЕАЭС от других. С другой стороны, Россия выдвигает и более широкие идеи сотрудничества, выходящие за рамки постсоветского пространства, а именно проект Большой Евразии. Идея предполагает сотрудничество с ЕС, а также включение в кооперацию основных игроков азиатского региона: Китая, Индии и стран АСЕАН [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018].

Китай определяет свое видение регионального сотрудничества в функциональных, а не пространственных терминах. По мнению финских исследователей, это отражает его цель – преодолеть существующие и будущие региональные соглашения, а также предотвратить создание другими государствами закрытых политико-экономических блоков. Основу такого сотрудничества призвано составить развитие взаимной торговли и инвестиции со стороны Китая в инфраструктурные проекты, способствующие поддержа-

нию открытости экономик других стран для китайских товаров и капитала. Материальной реализацией этой концепции стала инициатива «Один пояс – один путь». Отличительной особенностью китайского проекта эксперты называют его гибкость и отсутствие строгой географической привязки, что предполагает открытость и низкие входные барьеры для партнеров.

Регионализм Москвы и Пекина преследует разные цели и исключает конкуренцию между двумя государствами. Проект Китая «Один пояс – один путь», даже если он изначально задумывался как ответ на инициативу ЕАЭС, не представляет собой открытого вызова для России. Китайское видение отражает экономические приоритеты, тогда как для России ключевым остается политическое влияние [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 44].

Компоненты инициативы «Один пояс – один путь», которые реализуются в настоящее время и имеют отношение к российско-китайским отношениям, включают: строительство железнодорожного сообщения между Китаем и ЕС по территории Казахстана, России и Белоруссии (т.е. по территории стран – членов ЕАЭС) и инвестиции в транспортную систему, инфраструктуру и проекты в сфере энергетики, финансируемые Фондом Шелкового пути и / или Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. По оценкам экспертов FIIA эти процессы создают стимулы для России расширять сотрудничество с Китаем в среднеазиатском регионе [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018].

Роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в российско-китайских отношениях противоречива. С одной стороны, Россия и Китай изначально явно имели разные взгляды на то, как она должна развиваться. Москва видела организацию как geopolитический блок в противовес союзам стран Запада. При этом российская сторона пыталась использовать ШОС как средство контроля над деятельностью Китая в Средней Азии, в том числе над контактами Китая со среднеазиатскими государствами в нефтегазовом секторе. Китай, в свою очередь, рассматривал ШОС как регионально ориентированную форму сотрудничества в экономическом измерении, включающую развитие зоны свободной торговли. С другой стороны, в рамках ШОС удалось создать платформу для диалога по проблемам стран Средней Азии. В результате страны региона нашли способ обеспечить сбалансированные отношения с Россией и, опираясь на поддержку Китая, сопротивляться некоторым навязываемым им политическим шагам

(имеется в виду их отказ признать независимость Абхазии и Южной Осетии) [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 47].

Государства Средней Азии пытаются поддерживать баланс между Китаем и Россией. Они приветствуют китайское экономическое присутствие, но используют политические связи с Москвой как своего рода страховку сохранения независимости от Пекина. В краткосрочной перспективе, по мнению финских экспертов, можно ожидать заключения соглашения между ЕАЭС и Китаем, что благоприятно скажется на развитии региональной торговли. В долгосрочной перспективе китайские инициативы, в частности «Один пояс – один путь», могут «поглотить» ЕАЭС, возглавляемый Россией. В результате российский интеграционный проект может стать частью более широкой модели китайского межрегионального сотрудничества [Kaczmarski M. Russian-Chinese..., 2018].

Другим фактором, влияющим на российско-китайские отношения, может стать реализация интересов России и Китая в *Арктике*. Специалисты ФПА указывают, что Москва определяет свою арктическую политику с точки зрения защиты суверенитета, национальных интересов и национальной безопасности. Китай, оправдывая свое растущее присутствие в регионе, рассматривает Арктику с позиции ее перехода под глобальное управление и присвоения статуса всеобщего достояния. Стремление России получить больший контроль над регионом входит в противоречие с амбициями Китая сделать Арктику «открытой». В 2015 г. Россия повторно подала в ООН заявку на расширение границ своего континентального шельфа в Северном Ледовитом океане на 1,2 млн кв. км. В 2017 г. Китай объявил о развитии проекта Полярного Шелкового пути в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Эти действия не обязательно приведут к обострению конкуренции в регионе, но могут способствовать росту напряженности в двусторонних отношениях [Kaczmarski, Katz, Tiilikainen, 2018, p. 49].

Ближний Восток и Северная Африка (Middle East and North Africa – MENA) в последние несколько лет заняли особое место во внешней политике России и Китая. Российское военное участие в сирийском конфликте, начатое в 2015 г., привело к тому, что Москва стала ведущим игроком в сирийской гражданской войне, и укрепило позиции России как глобального игрока. Вместе с тем Китай превратился в крупного экономического партнера для региона MENA и расширил здесь свое политическое присутствие. Разыгрывая свои лучшие «карты», военные и экономические соответственно, Россия и Китай представляют серьезный вызов доми-

нированию стран Запада в регионе. Хотя Пекин не готов активно поддерживать геополитическое маневрирование России ни военной поддержкой, ни экономической, в частности, не принимая никакого участия в восстановлении Сирии [Siddi, Kaczmarski, 2019].

Эксперты FIIA подчеркивают, что Россия и Китай на текущий момент смогли достичь согласованности своих целей и позиций в регионе MENA и получили положительную реакцию большинства стран, которые, в целом, приветствуют китайские инвестиции и дипломатическое участие России в решении проблем региона [Siddi, Kaczmarski, 2019, p. 8].

Участие в системе глобального управления

Россия и Китай участвуют в процессах и органах глобального управления (ГУ)¹ с разной степенью интенсивности, что объясняется их разными материальными возможностями, степенью интеграции в мировую экономику и особенностями оценки правительствами двух стран важности поддержания связей с внешним миром. Точками соприкосновения политики России и Китая в сфере ГУ называют: убежденность правящих элит обоих государств в их особой роли в мире в качестве великих держав; членство в ключевых международных институтах, дающих право голоса на основных мировых форумах; схожие взгляды на большинство аспектов международной политики; почти идентичная риторика, утверждающая верховенство ООН и международного права [Kaczmarski M. China..., 2018].

Россия и Китай сыграли ключевую роль в создании группы БРИКС, что, по мнению специалистов FIIA, отражает их стремления создать альтернативную глобальную институциональную среду. В рамках БРИКС учрежден Новый банк развития и резервный фонд, проводятся регулярные встречи на уровне министров финансов, руководителей центральных банков, министров торговли, министров науки, технологий и инноваций, а также пред-

¹ Глобальное управление (ГУ) – так называемая система сложных взаимодействий и взаимозависимости между различными государственными и негосударственными акторами. ГУ охватывает вопросы разрешения конфликтов, нераспространения ядерного оружия, международного развития и т.д. Система создана в основном западными странами на основе соответствующих ценностей, таких как индивидуальные права человека, и определенных правил, регулирующих международный порядок.

ставителей торговых ассоциаций и деловых кругов стран-членов [Kaczmarski M. China..., 2018].

Помимо сотрудничества с Россией в БРИКС, Китай развивает свои собственные институты, призванные помочь Пекину влиять на формирование ГУ. Самым успешным на сегодняшний день стало создание в 2015 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Более 50 государств, включая Россию, присоединились к банку в качестве членов-учредителей. Китай также установил форматы для регионального сотрудничества: «16+1», в рамках которого развивает отношения с государствами Центральной и Восточной Европы, и Форум китайско-африканского сотрудничества (Forum on China-Africa Cooperation – FOCAC). Попытки строительства альтернативных институтов ГУ Москвой за пределами постсоветского пространства остаются незначительными. Число участников Евразийского банка развития, учрежденного Россией более десяти лет назад, по-прежнему ограничено членами Евразийского экономического союза [Kaczmarski M. China..., 2018, р. 6].

Пекин располагает достаточными экономическими ресурсами для активного формирования практик ГУ, в то время как России в большинстве случаев нечего предложить кроме политической поддержки тех или иных инициатив. При этом время от времени предпринимаемые Россией действия по расширению своего влияния на мировой арене провоцируют нестабильность и могут косвенно навредить Китаю в долгосрочной перспективе, став ключевым препятствием для более глубокого стратегического российско-китайского сотрудничества. Например, конфликт с Украиной фактически перекрыл один из возможных маршрутов для китайской инициативы «Один пояс – один путь» [Kaczmarski M. China..., 2018, р. 6].

Заключение

За последнее десятилетие российско-китайские отношения развивались асимметрично. Это обусловлено растущим в пользу Китая разрывом материальных возможностей государств – объемами ВВП, торгового оборота, инвестиций, военных бюджетов. Поэтому Россия нуждается в поддержке Китая в большей степени, чем Китай в поддержке со стороны России [Kaczmarski M. The decreasing..., 2018, р. 1].

Вместе с тем, подчеркивают эксперты FIIA, изменение политики Запада по отношению к Китаю потенциально может уменьшить асимметрию российско-китайских отношений. В 2017 г. в Стратегии национальной безопасности США Китай был назван «стратегическим конкурентом» наравне с Россией. В докладе¹ по итогам 54-й Мюнхенской конференции по безопасности 2018 г.², в которой участвовали более 30 глав государств и более 100 министров из различных стран мира, заявляется, что Китай и Россия не хотят встраиваться в Западный порядок и привержены собственному видению, определяющему их действия на мировой арене и влияние на международную политику. Китай, как и Россия, больше не рассматривается западными державами как ответственная сторона в международных отношениях [Kaczmarski M. The decreasing..., 2018, p. 2]. Ситуация развивается так, что Китай, все больше «отдаляющийся» от Запада, может сблизиться с Россией, что сделает более весомой роль Москвы в отношениях с Пекином.

Список литературы

1. Kaczmarski M. China and Russia in global governance: Long-term obstacles to cooperation / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 7 p. (FIIA briefing paper N 244).
2. Kaczmarski M. Russian-Chinese relations in Eurasia: Harmonization or subordination? / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 7 p. (FIIA briefing paper N 238).
3. Kaczmarski M. The decreasing asymmetry in Russia-China relations: the consequences of the western policy shift towards China / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 2 p. (FIIA comment N 6).
4. Kaczmarski M., Katz M.N., Tiilikainen T. The Sino-Russian and Us-Russian relationships: Current developments and future trends / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 123 p. (FIIA report N 57).

¹ Munich security report 2018: To the brink – and back? / Munich security conference. – 2018. – 87 p. – Mode of access: https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/MunichSecurityReport2018.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

² Munich Security Conference 2018 / Munich security conference. – 2018. – Mode of access: <https://securityconference.org/en/msc-2018/> (дата обращения: 03.08.2020).

5. Russia-China relations: Current state, alternative futures, and implications for the West / Ed. by A. Moshes, M. Nojonen / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2011. – 121 p. (FIIA report N 30).
6. Siddi M., Kaczmarski M. Russia and China in the Middle East: Playing their best cards / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2019. – 8 p. (FIIA briefing paper N 275).
7. Sinkkonen E. China-Russia security cooperation: Geopolitical signalling with limits / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2018. – 8 p. (FIIA briefing paper N 231).

ПРОБЛЕМЫ СТРАН И РЕГИОНОВ

УДК 341.217:341.232

Н.А. Коровникова, М.А. Положихина*

БРИКС: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА (Обзор)

Аннотация. Социально-экономическое развитие стран БРИКС во многом зависит от масштабов и эффективности использования минерально-сырьевых ресурсов. Соответственно, модернизация добывающей промышленности особенно актуальна для хозяйства этих стран. В современных условиях большое значение приобретает партнерство стран БРИКС и их способность объединяться для совместной экономической деятельности.

Ключевые слова: БРИКС; добывающая промышленность; золотодобывающая промышленность; направления сотрудничества; перспективы экономического взаимодействия.

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Положихина Мария Анатольевна, канд. географ. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Polozhikhina Maria, PhD (Geograp. Sci.), leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

N.A. Korovnikova, M.A. Polozhikhina
BRICS: features and prospects of cooperation
(Review)

Abstract. The socio-economic development of the BRICS countries largely depends on the scale and efficiency of the use of mineral resources. Accordingly, the modernization of the extractive industry is particularly relevant for the economies of these countries. In modern conditions the partnership of the BRICS countries and their ability to unite for joint economic activities are of great importance.

Keywords: BRICS; extractive industry; gold mining industry; areas of cooperation; prospects for economic cooperation.

Введение

В современном глобальном контексте мегапроект БРИКС¹ представляется одним из наиболее перспективных и мощных геополитических альянсов. По данным на 2017 г., страны-участницы (в совокупности) занимали 29,6% территории всего земного шара, а их население составляло 40,9% численности населения мира [BRICS Joint Statistical Publication..., 2018].

К числу основных общих особенностей стран БРИКС эксперты относят «почти завершенную» индустриализацию, раннюю постиндустриализацию, «ловушку среднего уровня развития», социальное неравенство [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 312]. В то же время для стран БРИКС характерны существенные различия в уровне и моделях экономического развития. ВВП (по ППС) на душу населения стран – участниц БРИКС в 2017 г. различались в 3,9 раза. Значения данного показателя в Китае, Бразилии и ЮАР были 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. долл./человека соответственно, тогда как в России – 27,8 тыс. долл./человека, а в Индии – всего 7,2 тыс. долл./человека [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 3].

Подобные расхождения объясняются дисбалансами в социально-экономической сфере стран БРИКС, формирование которой в исторической ретроспективе происходило под влиянием разных социально-политических факторов. Примерами может служить стимулирование личного потребления в сельских регионах Бразилии;

¹На сегодняшний день в состав БРИКС входят следующие государства: Россия, Бразилия, Индия, Китай и ЮАР.

особое внимание к развитию портовых городов и территорий в Индии; приоритет (вплоть до начала 2000-х годов) развития прибрежных регионов в Китае; низкий уровень поддержки районов с малой долей белого населения в ЮАР (особенно в период апартеида) и т.п. [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 5].

Несмотря на существующие различия, БРИКС для стран – членов данной интеграционной группы является инструментом поддержания геоэкономических позиций и реализации определенных политических амбиций в международном пространстве.

Добывающая промышленность стран БРИКС

С начала XXI в. добыча основных сырьевых ресурсов во всем мире значительно возросла. За 2000–2017 гг. мировая добыча нефти увеличилась на 20%, угля – на 42%, природного газа – на 50%, золота – на 25%, а железной руды – более чем в 3 раза [Растяникова, 2019, с. 31].

Добывающая промышленность играет важную роль в хозяйстве стран БРИКС. Современный ускоренный рост их экономик, хотя и в разной степени, базируется именно на этих отраслях. Продукция добывающей отрасли в России, Бразилии и ЮАР является главным источником финансовых поступлений от внешней торговли. В Китае и Индии растущий спрос на продукцию добывающей промышленности стимулируется быстрыми темпами развития собственного производства в обрабатывающем секторе.

В начале 2000-х годов рост выпуска продукции добывающей отрасли наблюдался практически во всех странах БРИКС – хотя и с различной степенью интенсивности. С конца 2000-х годов между странами стала происходить значительная дифференциация. ВВП (в сопоставимых ценах), созданный в добывающей промышленности, в период 2000–2017 гг. значительно вырос в Китае (в четыре с половиной раза) и в Индии (в два раза). Но тем не менее в настоящее время добывающая отрасль этих стран не может обеспечить национальную промышленность достаточным объемом ресурсов, поэтому требуются все большие объемы их экспорта. В России с середины 2000-х годов тенденций к увеличению доли добывающей промышленности в ВВП не наблюдалось. В Бразилии и ЮАР экономический кризис и падение цен на ресурсы в 2014 г. повлекло за собой сокращение производства в добывающей промышленности [Растяникова, 2019, с. 31].

Большую роль в добывающих отраслях стран БРИКС играет государство. Так, во всех странах альянса добыча нефти и газа сконцентрирована в руках государственных монополий. Степени монополизации в угледобывающей и железорудной промышленности существенно меньше. В России и Китае действуют фрагментарные предприятия, а в Бразилии, ЮАР и Индии производство монополизировано крупными компаниями, часто с государственным участием. В Индии и угледобывающая промышленность полностью находится под контролем одной государственной корпорации [Растяникова, 2019, с. 64–68].

Железорудное производство. Из стран БРИКС наибольшими доказанными запасами железной руды обладает Россия (25 млрд т), за ней следует Китай и Бразилия (по 23,0 млрд т). В Индии разведано всего 8,1 млрд т железной руды; в ЮАР – 1,5 млрд т. При этом доля стран БРИКС в общемировом объеме добычи возросла с 59% в 2000 г. до 63% в 2017 г. «Взрывной» рост добычи железной руды в мире «подпитывался» увеличивающимся спросом со стороны обрабатывающей промышленности Китая. В настоящее время спрос Китая на железную руду практически определяет динамику ее мировых цен. Основные поставки железной руды в Китай осуществляются из Австралии, Бразилии, Индии, ЮАР и Канады. В последние годы увеличивается импорт ресурса из России [Растяникова, 2019, с. 56–59].

Китай является мировым лидером не только по импорту железной руды, но по ее производству. За период 2000–2016 гг. добыча железной руды в этой стране увеличилась с 224 до 1280 млн т, т.е. почти в шесть раз. Бразилия в 2016 г. занимала третье место в мире по данному показателю (424 млн т), Индия – четвертое (192 млн т), Россия – пятое (101 млн т), ЮАР – седьмое место (66,5 млн т). Причем за 2000–2016 гг. объем добычи железной руды в Индии увеличился более чем в 2 раза, а годовой прирост достигал в среднем 5,2%. В ЮАР ежегодный прирост добычи составлял 3,8%. При этом добыча железной руды дает 20% стоимости продукции всей добывающей промышленности этой страны. В России прирост добычи руды в указанный период составил всего 0,9% [Растяникова, 2019, с. 56–59, 79].

Бразилия, Россия, Индия, ЮАР выступают в качестве экспортёров железной руды. Самым крупным из них является Бразилия, чья доля на мировом рынке железной руды составляет 32%. На экспорт идет 84% от национального производства этого продукта [Растяникова, 2019, с. 56–59].

Возможности для модернизации и инновационного развития железорудной промышленности существуют во всех странах БРИКС. Однако в каждой стране имеются свои особенности. Например, в Индии это направление ограничено государственной монополией и избыточной дешевой рабочей силой, наличие которой подпитывает нелегальную добычу сырья. Рост продаж южноафриканской руды во многом зависит от железнодорожного сообщения. Логистические компании – важное звено железорудного кластера в ЮАР. Государственная политика Бразилии в железорудной отрасли состоит в создании фондов для финансирования инноваций, научных центров и кластеров, а также включении добычи железной руды в международные цепочки создания стоимости. Китай нацелен на получение железорудного сырья из разных стран и источников (включая переработку лома), привлечение иностранных инвестиций в национальное производство и геологоразведку. В России производство железной руды остается среди ведущих отраслей добывающей промышленности и одной из важнейших статей экспорта. Существуют возможности увеличить объем экспорта этого продукта в Китай, что выгодно обеим сторонам. В 2017 г. из 20,5 млн т железной руды, отправленной Россией на экспорт, только 19,5% было поставлено в Китай [Растяникова, 2019, с. 154, 158–159, 163, 168].

Золотодобывающая промышленность как отрасль занимает особое место. Основные функции золота – международные расчеты, резервы Центральных банков, частная тезаврация¹ (в том числе ювелирные украшения), инвестиции, промышленное потребление (электронная, космическая и др.). Например, в 2015 г. из мирового объема добываемого и обработанного золота 13% составляли резервы Центральных банков, 57% ювелирные изделия, 22% инвестиционные слитки и 8% использовалось в промышленности [Растяникова, 2019, с. 169].

Наибольшими разведенными запасами золота (по данным на 2017 г.) располагали США – 8134 т, Россия – 1891 т и Китай – 1841 т. В 2016 г. ведущими странами – экспортерами золота были Швейцария, Гонконг, ОАЭ, США и Великобритания – на них приходилось около 60% мирового экспорта. Главными импортерами золота были Швейцария, Китай, Великобритания, ОАЭ, Индия.

¹ То есть изъятие драгоценных металлов, монет и банкнот из обращения с целью накопления.

На Китай приходилось 19%, а на Индию – 7% всего мирового импорта [Растяникова, 2019, с. 169–170, 172].

Доля стран БРИКС в мировом объеме добываемого золота весьма существенна и в 2016 г. составляла 31%. Китай, занимавший в 2017 г. первое место по объему добычи золота, в 2,5 раза увеличил масштабы его производства с начала 2000-х годов (с 177 т). ЮАР, державшая первенство до середины 2000-х годов, наоборот продемонстрировала наиболее заметное среди всех стран снижение – в три раза (с 431 т) – и спустилась на седьмое место. Ее доля в мировом объеме добычи в 2000–2017 гг. (после выработки наиболее крупных и богатых месторождений) сократилась с 15 до 4%. В России добыча золота в 2000–2017 гг. увеличилась почти в два раза (со 142 т) – прежде всего, благодаря принятым государством мер по стимулированию геологоразведки новых месторождений. В результате страна вышла на третье место в мире (8% объемов мировой добычи). В Бразилии наблюдалась слабая положительная динамика производства (девятое место в мировом рейтинге производителей); в Индии добыча золота незначительна с тенденцией к уменьшению (см. табл.). При этом, по грубым оценкам, объем нелегально добываемого золота в России составляет 10% от общего оборота. В ЮАР нелегальные старатели работают не только на заброшенных месторождениях, но и занимаются хищением золота с промышленных предприятий [Растяникова, 2019, с. 61–62, 171–172, 176, 181].

Таблица
**Добыча, импорт и экспорт золотоносной руды
(по содержанию металла) странами БРИКС в 2016 г.***

№ пп	Страны	Добыча, т	Экспорт, т	Импорт, т
1	Бразилия	80,0	78,3	–
2	Россия	253,2	22,4 / 56,6 – в 2017 г.	–
3	Индия	1,6	–	950,0
4	Китай	453,5	–	н/д
5	ЮАР	142,1	135,0	–
6	Мир всего	3200,0		

* Составлено по данным [Растяникова, 2019, с. 80].

В России более 22% всей добычи золота приходится на Красноярский край, где монополия на разработки принадлежит ПАО «Полюс» (ранее «Полюс Золото»). В Амурской области (на ее

долю приходится свыше 15% всей добычи в стране) разработку месторождений ведет в основном ОАО «Покровский рудник». В Чукотском АО (11% национальной добычи) действует канадская компания «Kinross Gold Corp.». Добывающие компании «Полиметалл» и «Русдрагмет» (6% и 5% добычи соответственно) ведут разработки в основном в Магаданской области и Хабаровском крае. 100% индийского производства золота приходится на компанию *Hutti Gold Mines Co.* В *Kumae* 30% национальной добычи осуществляет Chine National Gold Group Corp. (CNGGC), 20% – *Zijin Mining Group Ltd.*, 15% – *Eldorado Gold Corp.* (бывшая *Sino Gold Mining*). Крупнейшая компания *IOAP*, *AngliGold Ashanti*, добывает 40% национального ресурса. Кроме нее действует *Gold Fields Ltd.* (22% добычи) и *Harmony Gold Mining Co. Ltd.* (20%). В Бразилии основной компанией, добывающей 32% объема золота страны, является *Vale S.A.* Второе, третье и четвертое место занимают *AngloGold Ashanti Mineração Ltd* (25%), *Yamana Gold Inc.* (23%) и *Rio Paracatu Mineração S.A.* (13%) соответственно [Растянникова, 2019, с. 68–69].

Из стран БРИКС экспортерами золота на мировом рынке выступают Бразилия, Россия и ЮАР. В 2000 г. бразильский экспорт составлял 41,5 т, потом несколько сократился, но к 2016 г. вырос почти в 2 раза. За период 2000–2017 гг. экспорт золота ЮАР сократился в три раза (с 404 т). В России золото не является ведущим экспортным товаром и объемы его экспорта сильно колеблются по годам (см. табл.) [Растянникова, 2019, с. 62–63].

Индия является активным импортером золота – в 2000–2017 гг. она вдвое повысила объем внешних закупок металла (с 471 т). Страна занимает первое место в мире по потреблению золота (955 т в 2017 г.) и пытается выйти на мировой рынок как производитель ювелирных изделий. Китай также импортирует золото. Но официальная статистика по данному показателю сильно занижена, так как не учитывает масштабы серого импорта. Согласно данным Всемирного совета по золоту, в 2017 г. Китай занимал первое место в мире не только по производству, но и по потреблению золота. Импорт золота главным образом осуществляется в целях создания золотовалютных резервов. По оценкам, импорт золота в Китай через Гонконг в 2013 г. составил примерно 1158 т, а в 2017 г. – 628 т [Растянникова, 2019, с. 63–64, 176, 181].

Существенный рост производства золота с начала XXI в. в Китае, России и Бразилии был связан со стимулированием разведки новых месторождений и внедрением технологий более

эффективного извлечения металла из золотосодержащей породы, в том числе из отработанных «хвостов»¹. Но уровень освоения новых технологий и, соответственно, производительность труда в этой отрасли в странах БРИКС остаются на достаточно низком уровне. Наибольшая производительность труда при извлечении золотосодержащей руды в 2016 г. была в США – до 14 т руды в расчете на человека на час затрат труда. В России этот показатель равнялся 1,8 т/человек/час, в Китае – менее 1 т/человек/час, в Бразилии – 8,2 т/человек/час, в ЮАР – 1,9 т/человек/час. Государственная монополия и отсутствие стимулирующей роли экспорта привели к тому, что техническое оснащение и производительность труда в золотодобывающей отрасли России одни из самых низких в мире, несмотря на разработанные новые технологии [Растянникова, 2019, с. 174–175].

В Китае существование мелких и мельчайших предприятий тормозит процесс создания эффективной золотодобычи, поэтому на повестке дня стоит консолидация отрасли. В Индии попытки ограничить монополию государства в разведке и разработке новых золотых месторождений пока не дают результатов. При этом в стране разведано всего 7–9% минеральных ресурсов, в то время как в других странах этот показатель намного выше. В Бразилии, где по сравнению с другими странами БРИКС производительность труда относительно высокая, добыча золота ограничена малыми объемами разведенных запасов [Растянникова, 2019, с. 182, 184].

Примечательным событием является начало сотрудничества КНР с Россией в области золотодобычи. В 2018 г. российским правительством было одобрено соглашение о совместной разработке Ключевского золоторудного месторождения в Забайкальском крае с китайской компанией CNGGC. Причем Китаю разрешено приобрести 60% рудника, несмотря на то, что в добывающей промышленности России существует ограничение для участия иностранных компаний, равное 25% [Растянникова, 2019, с. 179]. Китай является также одним из лидеров в производстве оборудования для добычи золота: практически во всем мире закупаются произведенные в Китае драги и мини-драги, а 35% российских обогатительных фабрик работают на китайском оборудовании [Растянникова, 2019, с. 180].

¹ Хвосты (в горном деле) – отходы обогащения полезных ископаемых, состоящие в основном из пустой породы, имеющие минимальное содержание полезного компонента.

Модернизация добывающей промышленности. Повышение производительности труда и увеличение конкурентоспособности – это имманентные цели модернизации во всех странах БРИКС, но в Китае и Индии подход к процессу более широкий. Здесь важной задачей выступает консолидация отрасли, закрытие мелких нерентабельных предприятий, базирующихся на ручном – нередко детском – труде и реализующих продукт по заниженным ценам, а также увеличение безопасности трудовой деятельности и улучшение экологической обстановки в районах добычи ресурсов [Растяникова, 2019, с. 212–213].

Модернизация в духе четвертой промышленной революции и внедрение инновационных технологий в добывающую промышленность для стран БРИКС имеет особое значение, поскольку добыча полезных ископаемых еще долго будет определять возможности их индустриального развития. Ключевыми формами этих процессов стали следующие направления:

- использование гигантских машин и механизмов с высокой производительностью для выполнения тяжелых и опасных работ на горнодобывающих предприятиях;
- применение информационно-компьютерных технологий для максимальной автоматизации, позволяющей сократить до минимума количество работников в опасных зонах;
- разработка принципиально новых методов первичной переработки, обогащения и очистки добытых ресурсов;
- получение энергии из новых источников минеральных ресурсов (сланцевый газ и нефть, горючий лед);
- совершенствование технологий добычи энергетических ресурсов;
- внедрение цифровых технологий в геологоразведку [Растяникова, 2019, с. 210].

Модернизация добывающей промышленности стран БРИКС должна привести к повышению производительности труда и эффективности производства; увеличению конкурентоспособности стран на мировом рынке; обеспечению безопасности труда в наиболее травматичной сфере экономики; улучшению экологической обстановки, в том числе к сокращению выбросов CO₂ [Растяникова, 2019, с. 211, 215].

Растяникова Е.В. отмечает, что четвертая промышленная революция ведет не только к положительным последствиям для стран БРИКС. В ближайшем будущем могут проявиться новые формы зависимости этих стран от инновационных технологий,

разработанных в Европе, США и Японии [Растянникова, 2019, с. 215–216]. В современных условиях большое значение приобретает партнерство стран БРИКС и их способность объединяться для совместной экономической деятельности.

Возможные направления сотрудничества

В рамках альянса уже сформировались общие интересы, прежде всего, в области реформирования международной валютно-финансовой системы, а также в поддержке развития важнейших экономических направлений (промышленности, сельского хозяйства, торговли, инвестиционной сферы и др.). При этом Россия обладает достаточным потенциалом для укрепления интеграционных связей с партнерами по БРИКС¹ [Хейфец, 2019, с. 64].

По оценкам специалистов, одним из возможных направлений дальнейшей интеграции в рамках БРИКС может стать *инвестиционное сотрудничество*. На страны БРИКС приходится существенная часть глобальных трансграничных инвестиционных потоков. Например, в 2017 г. их доля в накопленных мировых входящих прямых иностранных инвестициях (ПИИ) составила 10,3%, а в накопленных исходящих ПИИ – 8,6%. В этом плане особенно выделяется Китай, доля которого в 2017 г. составила 46% всех накопленных входящих ПИИ стран БРИКС и 56% исходящих ПИИ [Хейфец, 2019, с. 67–69].

На современном этапе глобализации важную роль в развитии конкурентоспособности и интеграции государств – участников БРИКС играют вопросы *взаимодействия в сфере энергетики* для обеспечения энергетической, национальной и «союзной» безопасности. На протяжении длительного времени существования объединения энергетическое сотрудничество реализовывалось преимущественно в рамках уже сформированных двусторонних торгово-инвестиционных связей. Наиболее эффективные примеры такого взаимодействия – энергетический диалог «Россия – Китай», а также российско-индийский совместный проект по строительству АЭС «Куданкулам» [Рязанова, 2019, с. 117]. В практическом контексте ключевую роль в активизации многосторонней энерге-

¹Например, в 2015 г. на саммите БРИКС в Уфе (РФ) всеми партнерами была одобрена разработанная российской стороной «Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2020 года» [Страны БРИКС: классификация..., 2018, с. 64–65].

тической интеграции стран БРИКС начинает играть Новый банк развития БРИКС (НБР) как наиболее перспективный инвестиционный инструмент в данной сфере [Рязанова, 2019, с. 120]. Очевидно, что важнейшее влияние на интеграцию энергетического сектора БРИКС может оказать именно Россия, что обусловлено ее позицией мощной энергетической державы и ведущего экспортёра топливных ресурсов на мировой рынок.

Сотрудничество в сфере ИКТ¹ и развития цифровой экономики. О важности этого направления взаимодействия для стран БРИКС свидетельствует сравнительно высокий уровень принятия и исполнения обязательств участниками альянса по вопросам цифрового развития. Всего с 2011 г. страны БРИКС приняли 38 обязательств в сфере ИКТ, а уровень их исполнения в среднем составляет 94% [Игнатов, 2020, с. 53].

Развитие цифровой экономики – актуальный вопрос для каждой из стран – членов БРИКС в отдельности и для института в целом. В связи с тем, что эти страны находятся на разном уровне развития цифровой экономики, роль БРИКС заключается в содействии принятию коллективных решений стратегического характера и обмену наилучшими практиками. В настоящий момент БРИКС не располагает специализированным механизмом для постоянного обмена релевантной информацией по направлениям развития цифровой экономики. Учреждение подобного механизма на базе существующих форматов взаимодействия (встречи министров ИКТ, Рабочей группы БРИКС по сотрудничеству в сфере ИКТ) позволит расширить масштаб экспертной работы в интересах решения текущих проблем цифрового развития, в частности проблемы адаптации систем экономических показателей к потребностям измерения и учета вклада цифровых отраслей в хозяйство страны. Страны БРИКС могут также разработать общие стандарты производства цифровых товаров и услуг. Эта инициатива может стать первой в своем роде и тем самым определить характер развития данного направления в долгосрочной перспективе. Разработка и введение единого цифрового стандарта БРИКС одновременно будет способствовать укреплению торгово-инвестиционных связей стран-партнеров.

Третьим перспективным направлением сотрудничества является совместное продвижение интересов стран БРИКС в сфере

¹ ИКТ – информационно-коммуникационные технологии (Information and communication technologies).

международной цифровой безопасности и в вопросах управления Интернетом, укрепления систем противодействия киберпреступности. Китай уже представил свое видение международной системы поддержания кибербезопасности и управления Интернетом. Россия на правах председателя БРИКС, а также председателя Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2020 г., может обеспечить конверсию инициативы китайских партнеров, выдвинутой на платформе ШОС, в общую позицию стран БРИКС и тем самым обеспечить преимущество в продвижении данного вопроса на платформе ООН [Игнатов, 2020, с. 54].

Проблемы и перспективы развития БРИКС

Специалисты выделяют три уровня экономического сотрудничества в рамках БРИКС: 1) макроуровень – уровень межгосударственных договоренностей; 2) мезоуровень межрегионального межгосударственного социально-экономического сотрудничества; 3) микроуровень, на котором обеспечиваются благоприятные условия для эффективной деятельности частных лиц стран – членов БРИКС (инвесторов, предпринимателей и др.) [Селиванова Д., 2020]. Для дальнейшего перспективного функционирования БРИКС необходимо своевременное согласование и адаптация всех вышеперечисленных уровней сотрудничества.

По мнению экспертов, имеют место следующие *проблемные аспекты* дальнейшей интеграции стран БРИКС:

а) «различий между странами БРИКС значительно больше, чем совпадений» [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 309]: учитывая существующие расхождения по уровню экономического развития, качеству социальных институтов и политических структур этих стран, необходимо проводить сравнения не только между членами альянса, но также сопоставлять их с другими международными акторами¹;

¹Например, использовать результаты различных проектов многомерного статистического анализа, в том числе: Индекс человеческого развития ПРООН, проект «Полития» («Polity») Т. Гурра, проекты Хельсинкского университета под руководством Т. Ванханена, совместный проект консалтинговой компании «А.Т. Кеагнью» и журнала «Foreign Policy», «Индекс глобализации», Индекс трансформации Бертельсмана, Индекс мировой конкурентоспособности (Всемирный экономический форум), российский проект «Атлас 2.0» (А.Ю. Мельвиль и др.) [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 309].

б) ограниченные возможности повышения статуса и укрепления позиций стран – членов БРИКС в рамках современного либерального («американоцентричного») миропорядка (без его тотального демонтажа);

в) управление «уязвимостью»¹ и оценка стрессоустойчивости политico-экономических систем БРИКС с учетом широкого диапазона проявлений «уязвимости» (от природно-климатических условий до степени национальной сплоченности) и динамики преимуществ и уязвимостей других мировых акторов;

г) социальные девиации, различные по своей природе, но значимые для стран БРИКС. Например, в 2017 г. уровень счастья в государствах – членах альянса оставался довольно низким, незначительно выше средних показателей по миру он был только в Бразилии и России [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., с. 309–312, 314–315];

д) ключевую роль в развитии экономического взаимодействия продолжают играть двусторонние связи, формат многостороннего сотрудничества оценивается в БРИКС по-разному;

е) во многих документах БРИКС содержатся общие поступаты, которые уже использовались в других двусторонних и многосторонних соглашениях, трансрегиональных мегапроектах стран альянса [Хейфец, 2019, с. 65], что девальвирует специфику интеграционного объединения;

ж) взаимные инвестиции на данный момент не играют заметной роли, а применяются офшорные и спарринг-офшорные схемы инвестирования на территории некоторых стран БРИКС [Хейфец, 2019, с. 69].

К факторам, препятствующим эффективному сотрудничеству в стратегически важной для государств БРИКС энергетической области, специалисты относят: неравную позицию стран-участниц в мировой энергетической системе; внутригрупповую конкуренцию; устоявшиеся связи с третьими странами (например, Бразилия – США, Россия – страны Европы); альтернативные интеграционные процессы (например, диалоговый форум ИБЮА, включающий Индию, Бразилию и ЮАР) [Рязанова, 2019, с. 118–119].

Для дальнейшей интеграции и конструктивного функционирования БРИКС важны не совместные политические декларации и

¹ Недостаточная способность системы противостоять внешнему воздействию, направленному на ее ослабление или уничтожение [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 311].

проекты, а социально-экономические и социокультурные действия, которые уже в среднесрочной перспективе могли бы позволить альянсу оказывать влияние на мировую экономику для достижения целей глобального устойчивого развития [Страны БРИКС: государственная состоятельность..., 2019, с. 313]. В качестве примера может служить распространение бразильской модели экономического сотрудничества (прежде всего, в области инвестиций) на взаимодействие между всеми странами БРИКС. Модель включает следующие элементы: прозрачность регулирования и доступ к нормативно-правовым актам; общие принципы рассмотрения и оценки иностранных инвестиционных проектов (стабильность, предсказуемость, эффективность и др.); работа в режиме «одного окна»; организация координационных центров для содействия по различным вопросам (например, налогов и сборов, дифференцированного режима для наименее развитых стран); техническое содействие в реализации потенциальных договоренностей и т.п. [Хейфец, 2019, с. 71].

На сегодняшний день в рамках БРИКС уже созданы важные институты: Новый банк развития (НБР) БРИКС, Пул условных валютных резервов, инфраструктурное партнерство БРИКС, а также Биржевой альянс, поддерживающий кросс-листинг акций более 7 тыс. компаний стран БРИКС. На стадии создания находится гарантийный фонд суверенных облигаций объемом 10 млрд долл., Банк международных расчетов (БМР) БРИКС и др. Всего в рамках БРИКС уже функционирует более 50 форматов сотрудничества, в том числе рабочие группы по международной информационной безопасности, здравоохранению, сельскому хозяйству, науке и технике, включая отдельные форумы научных экспертов и предпринимателей [Хейфец, 2019, с. 66, 72–73].

Заключение

Развитие интеграционных процессов в рамках БРИКС позволяет всем странам-участникам укрепить положение в современном геоэкономическом пространстве, взаимодополняя свои конкурентные преимущества.

На протяжении длительного времени БРИКС рассматривалось как сочетание определенных «ролей» в мировом хозяйстве: Бразилии – в сельскохозяйственной отрасли, России – в топливно-энергетической и минерально-сырьевой сфере, Индии – как поставщика «дешевого интеллекта», Китая – как генератора много-

численных трудовых резервов, ЮАР – как источника запасов природных ресурсов [Селиванова, 2020]. Однако в настоящее время эти позиции следуют пересмотреть. Россия превратилась в одного из крупнейших экспортеров зерна. Китай и Индия выступают как основные потребители энергоресурсов и т.д. Более того, «весь мир волнует вопрос, смогут ли два гиганта БРИКС, Китай и Индия, снизить темпы прироста потребления первичных энергетических ресурсов за счет применения альтернативной энергетики или нетрадиционного использования угля» [Растяяникова, 2019, с. 54]. Ведь именно рост потребления энергоресурсов (и других видов сырья) этими странами во многом определяет динамику и масштабы мирового спроса, а также уровень цен.

В современной структуре хозяйственных комплексов стран БРИКС происходят определенные, подчас очень значительные изменения. Особенно заметными они станут после завершения пандемии коронавируса, когда определятся новые балансы спроса и предложения. В настоящее время трудно строить прогнозы, какими они будут в итоге. Но очевиден рост энергопотребления (прежде всего, за счет увеличения потребления электроэнергии от электростанций) при возможном снижении потребления топлива транспортом (бензина и авиационного керосина). Одновременно растет разнообразный интерес частных и государственных структур к золоту; ускоряются процессы цифровизации.

Эти недавно появившиеся социально-экономические тенденции открывают новые возможности для сотрудничества в рамках БРИКС. Но только реализация конкретных проектов может обеспечить интеграцию в различных областях и превратить данный альянс в экономическое мегапартнерство нового типа.

Список литературы

1. Игнатов А.А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 31–62.
2. Раствяникова Е.В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность / отв. ред. А.В. Акимов; Институт восковедения РАН. – Москва, 2019. – 236 с.
3. Рязанова М.О. Факторы многостороннего энергетического сотрудничества стран БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 116–126.

4. Селиванова Д. БРИКС: взаимовыгодное сотрудничество на всех уровнях // Информационный портал БРИКС. – 2020. – 08.04. – Режим доступа: <http://infobrics.org/post/30686/> (дата обращения: 18.04.2020).
5. Страны БРИКС: государственная состоятельность, уязвимость, статус глобальных игроков (из материалов дискуссии Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН) // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 308–319.
6. Страны БРИКС: классификация регионов // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2018 – № 34. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/17357.pdf> (дата обращения: 21.04.2020).
7. Хейфец Б.А. БРИКС: повестка для России на саммите-2020 в Челябинске // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 63–74.
8. BRICS Joint Statistical Publication 2018. Statistics South Africa / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – 2019. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/12879> (дата обращения: 17.04.2020).

УДК 338.48

С.Н. Смирнов*

**РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТУРИЗМА
(Обзор)**

Аннотация. Анализируются статистические данные о туризме и результативности использования его инфраструктуры (отелей) в странах ЕС и России в период, предшествовавший пандемии COVID-19. Рассматриваются особенности современного круизного туризма. Отмечается необходимость перехода к устойчивому развитию туризма и комплексного взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова: туризм; статистические показатели; страны ЕС; Россия; круизный туризм.

S.N. Smirnov

**Development and economic results of tourism infrastructure use
(Review)**

Abstract. Statistical data on tourism and the effectiveness its infrastructure (hotels) use in the EU countries and Russia in the period before the

* **Смирнов Сергей Николаевич**, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Smirnov Sergey, DSn (Econ. Sci.), leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

COVID-19 pandemic are analyzed. The features of modern cruise tourism are considered. It is noted that there is a need in transition to sustainable tourism development and in comprehensive interaction of all stakeholders.

Keyword: tourism; statistical indicators; EU countries; Russia; cruise tourism.

Введение

В начале третьего тысячелетия туризм стал одним из драйверов развития мировой экономики. В некоторых странах, в том числе в ряде экономически развитых европейских стран – членов ЕС, которые являются признанными центрами международного туризма (Испания, Италия, Франция), увеличилась доля вклада туристической индустрии в ВВП.

В ЕС проводится экономическая политика, направленная на содействие развитию туризма. В частности, из Фонда сплочения¹, Европейского социального фонда² и др. осуществляются инвестиции в инфраструктуру туризма, поддерживаются малые и средние предприятия в туристическом бизнесе.

Ситуация в России соответствует мировым трендам развития туризма. С начала 1990-х годов страна была открыта для посещений иностранными гражданами, равно как и российским гражданам стали доступны поездки в зарубежные страны. В 1996 г. был принят Федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [Федеральный закон..., 1996]. Впоследствии в него неоднократно вносились изменения, направленные как на уточнение понятийного аппарата, так и на законодательное закрепление положительных практик регулирования внутреннего и выездного туризма. В ст. 1 закона определено понятие «туризм», которое в действующей редакции документа выглядит следующим образом: «туризм – временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства [...] с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от ис-

¹ Из средств фонда поддерживаются страны ЕС, в которых душевой валовой национальный доход меньше 90% среднего в ЕС.

² Создан для смягчения социальных последствий структурной перестройки в странах – членах ЕС.

точников в стране (месте) временного пребывания» [Федеральный закон..., 1996]. В этом определении в соответствии с общемировым пониманием туризма учтены две принципиальные его характеристики. Во-первых, выезд за пределы места постоянного проживания. Во-вторых, неполучение дохода в месте посещения. Однако при этом отсутствует важный количественный критерий – минимальное расстояния до места посещения от постоянного места жительства. Поэтому возникает парадоксальная ситуация, когда граждане, постоянно проживающие в российских городах и выезжающие для отдыха на свои пригородные дачи, с формальной точки зрения совершают туристские поездки.

В той же ст. 1 упомянутого Федерального закона указывается основной критерий, который отличает туриста от экскурсанта. И тот, и другой посещают страну (место) временного пребывания. Но если экскурсант находится в месте временного пребывания менее 24 часов, то турист – от 24 часов до 6 месяцев подряд или (в том случае, если продолжительность пребывания менее суток) осуществляет ночевку [Федеральный закон..., 1996].

Оценка уровня развития туризма и его инфраструктуры

В настоящее время существуют значительные межстрановые различия в уровнях развития туризма. Количественно эти различия в странах ЕС, в том числе в динамике за период 2007–2016 гг., были оценены на основе следующих показателей [Żegleń, Stec, Berwińska-Małajowicz, 2019, p. 121, 126–136].

1. Число мест для размещения туристов в расчете на 1000 постоянных жителей (индекс Беретже-Деферта): выросло в среднем с 59,3 до 67,8. Увеличение индекса было зафиксировано в 21 из 28 стран ЕС (наибольшее – в Хорватии, Греции и Словении), в то время как в семи произошло его снижение (наиболее значительное – в Люксембурге, на Кипре и во Франции). В межстрановом разрезе индекс варьировал от менее 20 в Румынии до почти 240 в Хорватии.

2. Число туристов, остановившихся в средствах размещения¹, в расчете на 1 кв. км территории (индекс Деферта): увеличилось с

¹ Под средством размещения понимается «имущественный комплекс, включающий в себя здание или часть здания, помещения, оборудование и иное имущество и используемый для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц» [Федеральный закон..., 1996].

248,9 до 295,6. Абсолютным лидером стала интенсивно посещаемая туристами небольшая по площади Мальта, в которой индекс вырос с 4146,7 до 4893,8. В следующем за ней Люксембурге в 2016 г. индекс составил менее 450.

3. Число туристов, остановившихся в средствах размещения, в расчете на 1000 постоянных жителей (индекс Шнайдера¹): возросло с 1024,27 до 1120,35. Рост индекса произошел в 22 странах, а снижение – в шести (на Кипре, в Люксембурге, Греции, Чехии, Бельгии и Финляндии). В межстрановом разрезе индекс в 2016 г. варьировал от менее 200 в Румынии до более 3300 в Хорватии.

4. Количество ночевок туристов в расчете на 100 постоянных жителей (индекс Чарвата): увеличилось с 528,47 до 648,58. Выросло в 25 странах, а сократилось только в трех (на Кипре, в Ирландии и Люксембурге). В 2016 г. индекс варьировал от 130 в Румынии до немногим более 2000 на Мальте.

5. Число мест для размещения туристов в расчете 1 кв. км территории: возросло с 12 до 13,1. На первом месте в 2016 г. ожидали находилась Мальта со значением этого индекса около 140. Следовавшие далее Нидерланды уступали ей более чем в 4 раза. Самым низким (от 0,6 до 1,3) индекс оказался в Латвии, Финляндии, Литве, Эстонии и Румынии.

6. Среднее число мест в коллективном средстве размещения: увеличилось незначительно – с 92,93 до 97,55. Причем в 9 странах (прежде всего, в Латвии, Словении и Великобритании) оно сократилось. В 2016 г. наиболее крупные КСР (в среднем более 200 мест) находились на Мальте, а самые мелкие – в Люксембурге (менее 50).

7. Отношение доходов, полученных от обслуживания въездных туристов в данной стране к расходам выездных туристов – граждан данной страны в других странах²: увеличилось с 1,83 до 2,01. Больше единицы это отношение в 2016 г. оказалось в 18 странах (в том числе в Хорватии оно превысило 11, в Греции – более пяти, на Мальте – около четырех и т.д.). Меньше единицы – в остальных 10 странах ЕС (в том числе в Германии, Бельгии, Финляндии, Швеции, Дании, Нидерландах и Великобритании).

¹ Индекс, одноименный с индексом популярности П. Шнайдера.

² Въездной туризм определяется как туристские посещения граждан других стран данного государства, а выездной туризм – как туристские посещения граждан данной страны других государств.

8. Доля занятых в туризме и общественном питании в общей численности занятых в экономике: в целом увеличилась с 4,29 до 5,25%. В 2007 г. она варьировала от 1,65% в Румынии до 8,07% на Мальте, а в 2016 г. – от 2,1% в Румынии до 8,4% в Греции.

Интегральное сравнение стран ЕС было проведено по формуле общей меры расстояния (ОМС – предложена профессором Экономического университета во Вроцлаве М. Валесяком), которая предполагает расчет по совокупности использованных показателей отклонения конкретного объекта от идеального, принятого за образец. Чем меньше значение этого отклонения, тем лучше положение данного объекта (в данном случае конкретной страны ЕС), тем ближе она к идеальному состоянию (значение показателя изменяется в интервале от 0 до 1)¹.

Ранжирование стран ЕС по ОМС в 2016 г. привело к следующим результатам (чем выше место, занимаемое страной, тем лучше состояние национальной инфраструктуры туризма и тем эффективнее она используется) [Żegleń, Stec, Berwińska-Małajowicz, 2019, p. 143].

1. Мальта (2007 г. – 1); 2. Хорватия (3); 3. Кипр (2); 4. Испания (5); 5. Греция (6); 6. Австрия (4); 7. Португалия (10); 8. Нидерланды (11); 9. Италия (9); 10. Ирландия (7); 11. Словения (12); 12. Болгария (20); 13. Великобритания (17); 14. Германия (19); 15. Люксембург (8); 16. Эстония (15); 17. Франция (14); 18. Венгрия (23); 19. Бельгия (22); 20. Чехия (16); 21. Дания (13); 22. Словакия (18); 23. Польша (26); 24. Латвия (24); 25. Швеция (21); 26. Литва (27); 27. Финляндия (26); 28. Румыния (28).

В России также ведется государственное статистическое наблюдение за развитием туризма, результаты которого публикуются на общедоступных сайтах Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС)².

Согласно представленным на этих ресурсах данным, в последние два десятилетия инфраструктура туризма в стране активно

¹ Подробно алгоритм расчета ОМС приводится в работе Walesiak M. Przegląd formuł normalizacji wartości zmiennych oraz ich właściwości w statystycznej analizie wielowymiarowej / Statistic and Econometrics Committee, Polish Academy of Sciences // Przegląd statystyczny. – 2014. – N 61 (4). – S. 363–372.

² Создана в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.05.2010 № 367 и содержит официальную статистическую информацию, формируемую субъектами официального статистического учета в рамках Федерального плана статистических работ.

развивается. Количество коллективных средств размещения (КСР) с 8,6 тыс. в 2002 г. увеличилось до 12,6 тыс. в 2010 г., 20,1 тыс. в 2015 г. и 28,1 тыс. в 2018 г.¹ Количество мест в них составило в эти годы соответственно 1097,4; 1263,2; 1762,6 и 2414,5 тыс.² Общая численность граждан России, размещенных в КСР, составила в 2019 г. 60,4 млн человек³, увеличившись по сравнению с 2013 г. на 27,9 млн⁴, а иностранных граждан – 10,1 млн человек, с приростом по сравнению с 2013 г. на 5,7 млн⁵. Доходы КСР от предоставляемых услуг (без НДС и аналогичных платежей) составили в 2018 г. 584,1 млрд руб.⁶

Развитие круизного туризма

Для последних десятилетий характерно быстрое развитие морского круизного туризма, потребителями услуг которого являются граждане не только стран ЕС, но и всего мира. Этот вид туризма зародился еще в первой половине XIX в.⁷ Однако лишь к его

¹ Количество коллективных средств размещения / ЕМИСС. Государственная статистика. Показатели. – 2019. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31579> (дата обращения: 03.07.2020).

² Количество мест в коллективных средствах размещения / ЕМИСС. Государственная статистика. Показатели. – 2019. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31583> (дата обращения: 03.07.2020).

³ Количество лиц, размещенных в КСР, не идентично количеству туристов по двум причинам. Во-первых, статистика КСР деперсонализирована в том смысле, что она фактически отражает не количество размещенных лиц, а количество размещений. Один и тот же постоялец может в течение года останавливаться в КСР неоднократно. Во-вторых, часть постояльцев не являются туристами, приехав для работы.

⁴ Численность граждан России, размещенных в коллективных средствах размещения / ЕМИСС. Государственная статистика. Показатели. – 2019. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/44040> (дата обращения: 03.07.2020).

⁵ Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения / ЕМИСС. Государственная статистика. Показатели. – 2019. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/44042> (дата обращения: 03.07.2020).

⁶ Доходы коллективных средств размещения / ЕМИСС. Государственная статистика. Показатели. – 2019. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/31003> (дата обращения: 03.07.2020).

⁷ В 1818 г. судоходная компания «Black Ball Line» организовала первый трансокеанский пассажирский маршрут между Великобританией и США, выполнившийся на парусных судах. С появлением пароходов трансокеанические рейсы перестали зависеть от погоды, и в 1838 г. британский пароход «Сириус» пересек

середине некоторые пассажиры совершили морские круизы в целях получения новых опыта и впечатлений, а не для простого перемещения между начальными и конечными точками поездки¹.

В начале XX в. практически все крупные судоходные компании мира стали организовывать круизные рейсы, включая кругосветные. При этом требования к оборудованию и комфорту круизных судов повышались. Так, немецкая судоходная компания «Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft» (HAPAG) привлекала для отделки судов архитектора отелей «Риц» в Лондоне и Париже [Pecsvary, 2019, р. 187–189].

Развитие круизного туризма было прервано Второй мировой войной. Становление современного круизного туризма началось в 1960-е годы, когда традиционное судоходство проиграло конкурентную борьбу гражданской авиации. Первое специализированное круизное судно «Океаник» было построено для итальянской пассажирской судоходной компании «Home Lines» в 1965 г. Были также основаны круизные компании «Royal Caribbean Line» (Норвегия, 1969 г.) и «Carnival Lines» (США, 1972 г.) [Pecsvary, 2019, р. 190].

Особенно быстро развивался рынок круизного туризма в Северной Америке. Спрос пассажиров на круизные рейсы, составивший в 1983 г. 1755 тыс. человек, в 1990 г. возрос до почти 3,5 млн, в 2000 г. – до 6,5 млн, в 2010 г. – до 10,8 млн и в 2011 г. – до 11,3 млн человек [Pecsvary, 2019, р. 192].

Рынок круизного туризма в европейских странах в 1970–1980-е годы развивался медленно, поскольку круизы в этот период были доступны в основном пожилым обеспеченным людям. Отдых на европейских морских курортах обходился туристу дешевле отдыха в круизной поездке. Однако в середине 1990-х годов темпы роста рынка круизного туризма в Европе возросли. На него вышли крупные туристические операторы – круизные компании США и Канады, а также вновь созданные европейские круизные

Атлантический океан из порта Корк (Ирландия) в Нью-Йорк за 18 дней, имея на борту 18 пассажиров.

¹ Например, в 1844 г. туристскую поездку на судах британской компании «P&O» совершил У. Теккерей, описавший ее в книге «Заметки о путешествии из Корнхилла в Большой Каир». В 1867 г. был организован шестимесячный круиз из Нью-Йорка, во время которого путешественники посетили Египет, Грецию и Святую землю, а участник поездки М. Твен описал его в книге «Простаки за границей, или Путь новых паломников».

компании, например, «Mediterranean Shipping Company Cruises» [Pecsvary, 2019, р. 193].

В 2018 г. число пассажиров круизных рейсов в мире составило 28,5 млн человек. Основными рынками круизов являются Северная Америка (49,9% всего потока круизных туристов), Европа (25,1%) и Азия (20%). Средний возраст круизного туриста составляет 47 лет, а средняя продолжительность круиза – 7 дней. Международная ассоциация круизных линий (CLIA), созданная в 1975 г., подчеркивает, что, хотя круизный туризм занимает в настоящее время 2% мирового рынка туризма, он является важным для многих категорий туристов [Pecsvary, 2019, р. 194].

Только в 2015 г. судоходные компании мира разместили заказы на постройку 25 круизных судов, 17 из которых предназначены для совершения трансокеанических рейсов [Pecsvary, 2019, р. 193].

Крупнейшей круизной компанией мира является «Carnival Corporation&plc», на круизных судах которой в 2018 г. были перевезены 12,2 млн туристов (47,4% их общего количества), а доход составил 18,3 млрд долл. (39,4% всех доходов от круизного туризма). Численность работников компании составляет 120 тыс. человек, она эксплуатирует более 100 круизных судов. Последующие места занимают «Royal Caribbean Cruises Ltd» (5,9 млн, или 23% пассажиров и 9,3 млрд долл., или 20,2% доходов), «Norwegian Cruise Line Holdings» (2,4 млн, или 9,5% пассажиров и 5,8 млрд долл., или 12,6% доходов). В собственности каждой из этих компаний находятся по 26 круизных судов [Pecsvary, 2019, р. 196].

Морскими портами с наибольшим числом круизных туристов (млн человек) в круизном сезоне 2016/2017 гг. были: Майами (США; 4,98); Канаверал (США; 4,24); Эверглейдс (США; 3,82); Ко-сумель (Мексика; 3,63); Нассау (Багамские острова; 3,52); Шанхай (КНР; 2,84); Барселона (Испания; 2,71); Аут Айлендс (Багамские острова; 2,54), Чивитавеккья (Италия; 2,2) и порты Балеарских островов (Испания; 2,11). Расходы туристов, которые, прибывая на круизных судах, посещают достопримечательности в окрестностях портов, значимы для экономик прибрежных районов. Так, в круизном сезоне 2014/2015 гг. 23,6 млн круизных туристов, а также 4,5 млн членов экипажей круизных судов в портах пребывания оставили соответственно 2,45 млрд и 302 млн долл., что позволило создать 75 тыс. рабочих мест с фондом заработной платы 976,5 тыс. долл [Pecsvary, 2019, р. 199–200].

Однако в морском круизном, а также в прибрежном туризме существует ряд нерешенных проблем. К ним относятся: 1) рост нагрузки на морские ресурсы и ресурсы прибрежных территорий; 2) нарушение естественных природных процессов созданной инфраструктурой туризма; 3) загрязнение прибрежных территорий (в результате несогласованного развития отраслей экономики), что снижает их привлекательность для туристов; 4) нехватка квалифицированных кадров для обслуживания туристов, особенно в малом бизнесе; 5) неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры (в частности, ограничения по водоизмещению швартующихся круизных судов); 6) недостаточность кредитных ресурсов и отсутствие государственной поддержки развития прибрежных территорий и круизного туризма; 7) отсутствие единой информационной базы о прибрежных территориях; 8) нехватка должного внимания в стратегиях развития круизного и прибрежного туризма к слаборазвитым в экономическом отношении районам – малым островам и архипелагам; 9) моноспециализация многих прибрежных территорий на туризме, что имеет негативные последствия в контексте сезонных колебаний; 10) отсутствие адекватного учета долгосрочных тенденций климатических изменений при разработке стратегий развития приморских территорий; 11) несправедливое распределение доходов от круизного и морского туризма, когда в депривированном положении оказываются местные сообщества; 12) неудовлетворительное качество управления использованием ресурсов прибрежных территорий [Dwyer, Alison, 2019, р. 218–225].

В условиях увеличения в последние годы численности круизных туристов эти виды туризма должны адекватным образом регулироваться.

Заключение

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость перехода к устойчивому развитию круизного туризма и туризма на прибрежных территориях. Это возможно только при условии комплексного взаимодействия всех заинтересованных сторон – органов государственного управления, муниципалитетов и частных инвесторов. Несмотря на определенные сдвиги в налаживании сотрудничества в данной области, в полной мере проблема до сих пор не решена [Dwyer, Alison, 2019, р. 238].

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 1996. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 02.07.2020).
2. Dwyer L., Alison G. Obalni i pomorski turizam: o ozbilnjim problemima // Acta Turistica. – 2019. – Vol. 31, N 2. – P. 213–242. – Mode of access: https://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=337356 (дата обращения: 12.11.2020).
3. Pecsvary I. Industrija kružnih putovanja – nagli uspon, gospodarski značaji profit // Acta Turistica. – 2019. – Vol. 5, N 2. – P. 185–205. – Mode of access: https://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=337346 (дата обращения: 02.07.2020).
4. Žegleń P., Stec M., Berwińska-Małajowicz A. Razvoj funkcije turizma u zemljama EU: mjerenje i statistička evaluacija // Acta Turistica. – 2019. – Vol. 31, N 2. – P. 116–151. – Mode of access: https://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=337350 (дата обращения: 02.07. 2020).

УДК 338.2:341.217(4)

О.Н. Пряжникова*

**ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЕС:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
(Обзор)**

Аннотация. Представлен обзор особенностей развития экономики совместного потребления в странах ЕС. Рассматриваются определения и элементы экономики совместного потребления, а также сектора экономики, в которых активно растет объем совместного потребления. Анализируются факторы, тормозящие рост экономики совместного потребления в ЕС.

Ключевые слова: экономика совместного потребления; цифровые платформы; ЕС; регулирование экономической деятельности; культурные барьеры.

O.N. Pryazhnikova

**The sharing economy in the EU: key problems of development
(Review)**

Abstract. The review highlights development trends of the sharing (collaborative) economy in EU member-states. The definitions and key elements of the sharing economy concept are reviewed, as well as the sectors of the economy showing massive growth of collaborative consumption. The factors inhibiting the expansion of the sharing economy within the EU are analyzed.

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Pryazhnikova Olga, researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: sharing economy; digital platforms; EU; regulation of economic activity; cultural barriers.

Введение

Практики экономики совместного потребления¹ (ЭСП) быстрыми темпами проникают в различные секторы жизнедеятельности. ЭСП создает новые возможности как для потребителей, так и для предпринимателей. Бизнес-модели ЭСП предлагают новые альтернативы трудуоустройства, более гибкие условия труда и новые источники дохода для участников экономической деятельности. Они также имеют значительный потенциал для повышения конкурентоспособности экономики в целом.

Настоящий обзор посвящен особенностям развития ЭСП в странах ЕС, которые могут представлять интерес для отечественных специалистов.

Особенности экономики совместного потребления

ЭСП предполагает децентрализованную или пиинговую (P2P)² систему взаимоотношений, включающую потребление, производство, финансовую деятельность и получение / оказание услуг. Специфика ЭСП заключается в том, что поставщики товара или услуги могут делиться своей собственностью или навыками, а потребители могут пользоваться собственностью, которой они не владеют. В рамках ЭСП предоставляется доступ к недостаточно используемым ресурсам, таким как пространство (жилые или иные площади, не используемые собственником), деньги, товары (бытовая техника, спортивное оборудование, продукты питания и т.д.), навыки и услуги (транспортные услуги, услуги по ведению домашнего хозяйства и т.д.), а также создаются условия для их эффективной циркуляции. Этому способствуют посредники в виде онлайн-магазинов, социальных сетей и онлайн-сервисов. ЭСП включает возможность обмена товарами как за плату, так и без нее

¹ В иностранной литературе термину «экономика совместного потребления» соответствуют термины «sharing economy» или «collaborative economy».

² Пиринговая (P2P – from peer to peer – от равного к равному) экономика – это система экономической самоорганизации участников горизонтальных сетей, обеспечивающая производство, обмен, распределение и потребление материальных и нематериальных продуктов без использования централизованных, иерархических моделей управления.

[Rinne, 2017; Stanoevska-Slabeva, Lenz-Kesekamp, Suter, 2017, p. 10; Codagnone, Biagi, Abadie, 2016, p. 12].

Для потребителей ЭСП обеспечивает выгоды благодаря расширению диапазона доступных услуг, увеличению предложения товаров и, как следствие, снижению цен. Кроме того, совместное использование активов способствует более эффективному потреблению ресурсов. Потребителям, прибегающим к моделям ЭСП, часто более комфортно заключать сделки по пользованию товарами и услугами, так как этот процесс включает в себя более глубокое социальное взаимодействие, чем традиционные методы обмена. Так, путешественники получают возможность напрямую общаться с хозяевами жилья, где они останавливаются.

Благодаря цифровизации расширяется использование в экономической деятельности интернет-платформ, которые выполняют функции медиаторов между частными пользователями. Последние, обладая правом предлагать свои ресурсы и пользоваться ресурсами других участников сделок, переносят обмен в сетевое пространство, что выводит ЭСП на новый уровень.

Специалисты выделяют ряд основных характеристик платформ ЭСП. Это цифровые платформы, облегчающие обмен и / или совместное потребление между участниками. Удобство использования платформ обусловлено растущим числом цифровых устройств, которые упрощают процессы сопоставления спроса и предложения в определенном секторе рынка. Таким образом, платформы действуют как посредники между равноправными поставщиками и равноправными потребителями товаров и услуг. Этим они позволяют существенно сократить операционные издержки, а также преодолеть географические и ситуационные ограничения обмена услугами. В результате платформы ЭСП становятся доступной и удобной альтернативой традиционным способам пользования услугами. Помимо предоставления базовых рыночных услуг (например, услуг по подбору партнеров по сделке), платформы могут оказывать дополнительные услуги, такие как страхование или услуга по проведению платежей. Важно подчеркнуть, что платформы ЭСП, действующие на рынке ЕС, являются зарегистрированными юридическими лицами и классифицируются Европейской комиссией как продавцы (traders) [Stanoevska-Slabeva, Lenz-Kesekamp, Suter, 2017, p. 14].

Выделяют пять ключевых секторов ЭСП, функционирующих с использованием цифровых платформ [Valant, 2016, p. 3–4; European..., 2016, p. 8; Barbezieux, Herody, 2016, p. 10–11]: 1) услуги

размещения для путешествующих (peer-to-peer accommodation): домохозяйства предоставляют потребителям неиспользуемое пространство в своем доме или сдают его в аренду; 2) услуги транспортировки (peer-to-peer transportation): участники осуществляют совместно поездку, совместно используют транспортное средство или парковку; 3) услуги по ведению домашнего хозяйства, оказываемые по требованию (on-demand household services): участники получают доступ к услугам фрилансеров, таким как доставка еды и другим услугам, помогающим решать задачи ведения домашнего хозяйства; 4) профессиональные услуги по требованию (on-demand professional services): торговые площадки, позволяющие предприятиям получать услуги фрилансеров, например, в сфере администрирования, консультирования и бухгалтерского учета; 5) совместное финансирование: физические и юридические лица инвестируют в совместные инициативы и кредитуют друг друга напрямую посредством краудфандинга¹ и / или взаимного кредитования².

Стремительный рост объемов ЭСП наблюдается в ЕС начиная с 2013 г. В 2015 г. оборот по операциям совместного потребления оценивался в 28 млрд евро [Vaughan, Daverio, 2019, р. 3].

В Великобритании доходы от ЭСП в 2014 г. оценивались примерно в 500 млн фунтов, а к 2025 г. могут, по прогнозам специалистов PwC, достичь 9 млрд фунтов [Vaughan, Hawksworth, 2014]. Согласно исследованию французского правительства, во Франции в 2016 г. оборот ЭСП превышал 2,5 млрд долл., а в проектах ЭСП участвовало 15 тыс. предприятий (включая самозанятых), что обеспечивало занятость на 13 тыс. постоянных рабочих мест. Это составило примерно 0,1% французского ВВП, в создании которого было задействовано 0,5% французских компаний и 0,05% рабочей силы Франции [Barbezieux, Herody, 2016, р. 12].

По прогнозам специалистов, потенциал ежегодного роста ЭСП в странах Европы превышает 25%, а в некоторых секторах может достичь к 2025 г. 63% [Goudin, 2016, р. 8]. В исследовании Европейского парламента, проведенном в 2016 г., потенциальный объем дополнительного дохода от использования в рамках ЭСП

¹ Краудфандинг – способ привлечения средств для финансирования того или иного проекта с помощью онлайн-платформ. Деньги можно взять в обмен на долю будущей прибыли или получить безвозмездно.

² Взаимное кредитование могут осуществлять частные лица через цифровые платформы, где напрямую без посредников встречаются кредиторы и заемщики.

рабочей силы, жилья и автомобилей и других ресурсов, оценивается в размере от 160 до 572 млрд евро [A European agenda..., 2016, p. 2].

По данным исследовательской службы Евробарометра, в 2016 г. 52% европейцев были осведомлены о платформах ЭСП. В 2018 г. доля участников ЭСП в Европе выросла до 23% (против 17% в 2016 г.) [The use..., 2018, p. 4]. Наиболее активно прибегают к услугам данных платформ представители возрастной группы от 25 до 39 лет (27%), а также самозанятые (26%) и служащие (25%). 74% поставщиков услуг в рамках ЭСП зарабатывают за год на операциях совместного потребления 1000 евро и меньше, а соответствующий медианный доход составляет 300 евро [Valant, 2016, p. 4–5].

Согласно данным Евростата, использование в рамках ЭСП услуг, связанных с предоставлением жилья, наиболее популярно в Люксембурге: 46% его населения приобретали услугу по размещению во время путешествий у других частных лиц онлайн. В совместном использовании транспортных средств лидируют жители Эстонии и Ирландии: 29% и 26% из них соответственно прибегали к данным услугам [Bolassa, 2020].

В условиях растущей популярности ЭСП регулирующие органы стран ЕС сталкиваются с новыми вызовами, так как возникающие инновационные экономические практики опережают формирование механизмов их регулирования. Внутри ЕС подходы к регулированию ЭСП значительно варьируются по странам, что затрудняет их согласование и сравнение.

Неоднородность регулирования цифровых экономических операций ограничивает конкуренцию и тормозит рост рынка платформ ЭСП. Возникает проблема правовой неопределенности, в частности, в отношении доступа к данным о пользователях, их сделках и дальнейшему использованию этих данных. Это приводит к тому, что какое-то количество потенциальных пользователей будет воздерживаться от использования цифровых платформ. В связи с этим для участников ЭСП юрисдикция на уровне ЕС является более предпочтительной по сравнению с национальной, так как позволяет избежать правовых разнотечений и противоречий [Engels, Demary, 2016, p. 25].

Вместе с тем на уровне ЕС уже действует ряд регулирующих актов, которые могут и должны применяться к ЭСП. Регламентации, затрагивающие совместное использование экономических платформ для оказания и получения цифровых услуг, включают в

себя: Директиву об электронной торговле (E-Commerce Directive 2000/31/EC)¹, Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation 2016/679)², Стратегию единого цифрового рынка (Digital Single Market Strategy)³, Директиву об услугах (Services Directive 2006/123/EC)⁴, Директиву о правах потребителей (Directive on Consumer Rights 2011/83/EC)⁵, Директиву об организации рабочего времени (Working Time Directive 2003/88/EC)⁶ и др. [Goudin, 2016, p. 24–25; A European agenda..., 2016].

Кроме того, чтобы избежать фрагментированного подхода к регулированию ЭСП и неопределенности в отношении правил, применяемых к новым моделям взаимоотношений поставщиков услуг и потребителей, а также минимизировать факторы, подавляющие развитие инноваций и создание рабочих мест в области ЭСП, Европейская Комиссия сформулировала ряд рекомендаций. Были проанализированы и представлены лучшие практики, применяемые в этой сфере: регулирующие выход на рынок, режимы ответственности, защиту пользователей цифровых платформ, само занятость и занятость в ЭСП, налогообложение. Странам-членам было предложено пересмотреть действующее законодательство с учетом данных рекомендаций. Вместе с тем отмечается, что отсутствуют регламентации для случаев краудфандинга и услуг, предоставляемых образовательными платформами, что сохраняет не-

¹ EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0031> (дата обращения: 17.07.2020).

² Общий регламент защиты персональных данных ЕС // GDPR TEXT. Текст GDPR на русском с пояснениями и ссылками. – 2018. – Режим доступа: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 17.07.2020).

³ EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52015DC0192> (дата обращения: 17.07.2020).

⁴ EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:376:0036:0068:EN:PDF> (дата обращения: 17.07.2020).

⁵ EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0083> (дата обращения: 17.07.2020).

⁶ European Agency for Safety and Health at Work. Legislation. – Mode of access: <https://osha.europa.eu/en/legislation/directives/directive-2003-88-ec> (дата обращения: 17.07.2020).

которую неопределенность в регулировании данных сфер ЭСП [Valant, 2016, p. 3].

Еще одна проблема, с которой сталкиваются платформы ЭСП, когда они стремятся расширить свою деятельность, связана с существованием культурных барьеров внутри ЕС. Это, прежде всего, наличие 24 официальных языков стран-членов. Кроме того, для ЭСП важен такой элемент социальной жизни, как доверие. Европейцы, по мнению экспертов, более настороженно, например, по сравнению с американцами относятся к онлайн-активности и гораздо менее охотно используют кредитные карты для онлайн-оплаты, что тормозит увеличение онлайн-транзакций. Вышеупомянутые препятствия роста платформ ЭСП сдерживают скорость развития бизнеса, так как снижают сетевой эффект¹ и возможности экономии масштаба. Если расширение операций той или иной платформы замедляется или прекращается, потенциальные пользователи могут воспринимать это как признак слабости или даже неэффективности данного бизнеса. Возникающее в результате искаженное восприятие может привести предприятие ЭСП к потере пользователей.

Вероятно, что именно культурные различия обусловливают степень популярности услуг ЭСП в разных странах ЕС. Так, например, жители Латвии, Франции и Ирландии являются самыми активными пользователями услуг ЭСП, тогда как на Мальте, Кипре, в Чехии, Финляндии и Португалии менее всего склонны к участию в экономических операциях совместного потребления [Munkoe, 2017, p. 41].

Оценивая влияние ЭСП на рынок труда ЕС, исследователи указывают на то, что лишь небольшая часть населения занята на рабочих местах, связанных с функционированием онлайн-платформ ЭСП. Следует отметить, что существуют трудности с определением размера занятости в ЭСП, поскольку ее участники не являются наемными работниками, а платформы не несут юридических обязательств, предписывающих им сообщать о количестве своих работников. Установить, кто является наемным работником, а кто нет, становится все сложнее. Цифровая экономика трансформирует рынки труда, и границы между самозанятыми и наемными работниками становятся все более размыты. Кроме

¹ Сетевой эффект – эффект в экономике и бизнесе, который пользователь (товара или услуги) оказывает на ценность данного продукта для других пользователей.

того, не существует стандартного определения, согласно которому можно с уверенностью сказать, в какой ситуации участника ЭСП можно квалифицировать в качестве работника. При этом важно отметить, что правовые нормы на уровне ЕС и национальное трудовое законодательство стран-членов одинаково применимы ко всем работникам, в том числе и к занятым в ЭСП [Groen, Maselli, 2016].

По некоторым оценкам, в ЕС участниками / или занятыми в ЭСП являются до 900 тыс. человек [Groen, Maselli, 2016, р. 19]. Опросы, проведенные в Великобритании, показывают, что около 8% взрослого населения, по крайней мере, один раз получили доход от участия в ЭСП. Очевидно, что доля населения, использующая онлайн-платформы для получения дохода, очень мала. Всего в Великобритании 5% занятых в ЭСП сообщают о получении всех своих доходов именно от деятельности в сфере ЭСП; 24% – более половины и 48% – менее половины своего дохода [Groen, Maselli, 2016, р. 17]. Очевидно, что в ближайшее время маловероятен большой рост занятых в ЭСП, поскольку подавляющее большинство участников операций с использованием цифровых платформ ЭСП используют их только для получения дополнительного дохода.

Заключение

В условиях развития цифровизации ожидается, что число платформ ЭСП в ЕС будет расти, и они расширят свои операции. Это неизбежно будет влиять на изменение положения работников и условий труда в будущем. Как подчеркивалось выше, важной характеристикой европейских рынков труда и трудового законодательства являются значительные расхождения по данному вопросу в странах – членах ЕС. В странах ЕС существуют разные модели регулирования: гибкая ангlosаксонская модель; восточноевропейская модель; скандинавская, в которой государство оказывает минимальное влияние на ситуацию на рынке рабочей силы; южноевропейская модель, где государство играет активную роль в регулировании рынка труда. Это затрудняет реализацию стратегии формирования универсальной правовой среды, необходимой для развития онлайн-платформ ЭСП. В этой связи мониторинг и контроль ключевых аспектов рынка труда в области ЭСП и их влияния на традиционный рынок рабочей силы может помочь выявлять негативные факторы на ранней стадии и адекватно реагировать на

них в рамках политики в сфере занятости как на уровне европейских государств, так и на наднациональном уровне.

ЭСП демонстрирует быстрый рост операций в Европе, предлагаю новые возможности расширения предложения товаров и услуг. Потенциал ЭСП способствует снижению цен для потребителей и позволяет большому кругу участников предлагать и оказывать свои услуги как периодически, так и на постоянной основе. В свою очередь, это стимулирует создание новых рабочих мест. В то же время культурные особенности и различия стран ЕС тормозят рост клиентской базы европейских цифровых платформ ЭСП [European agenda..., 2016, p. 6].

Стремительное развитие ЭСП в Европе ставит вопросы о возможности применения к операциям совместного потребления и используемым в рамках ЭСП цифровым платформам действующего законодательства, в частности, в отношении прав потребителей и работников, защиты данных и т.д. В ответ на возникающие вызовы регулирующие структуры ЕС разрабатывают рекомендации о применении к ЭСП существующих правовых норм, а также вводят новые правила.

Следует отметить, что неопределенность статистического отражения объемов занятости в ЭСП ЕС обуславливает невозможность адекватного прогнозирования прямых или косвенных последствий развития ЭСП для экономики в целом. Таким образом, перед ЕС стоит задача определить релевантные источники данных и унифицировать их обработку. Это обеспечит надежную основу для развития ЭСП путем формирования адекватных моделей регулирования и политических мер в тех отраслях, где наблюдается существенный рост операций совместного потребления.

Список литературы

1. A European agenda for the collaborative economy: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions / European Commission. – Brussels, 2016. – 16 p.
2. Barbezieux P., Herody C. Rapport au Premier Ministre sur l'économie collaborative. – Paris, 2016. – 93 p. – Mode of access: <http://temis.documentation.developpement-durable.gouv.fr/docs/Temis/0083/Temis-0083740/22370.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).

3. Bolassa S. The growth of sharing economy in Europe in 2019 // Rent or share. Sharing economy. – 2020. – 01.05. – Mode of access: <https://www.rentorshare.net/the-growth-of-sharing-economy-in-europe-in-2019/> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Codagnone C., Biagi F., Abadie F. The Passions and the Interests: Unpacking the ‘Sharing Economy’/Institute for Prospective Technological Studies. – Seville, 2016. – 156 p.
5. Engels B., Demary V. Collaborative business models and efficiency: Potential efficiency gains in the European Union / European parliament, the council / European economic and social committee and the committee of the regions. – Brussels, 2016. – 50 p. (Impulse paper, N 7). – Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d6906ba0-b541-11e7-837e-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 17.07.2020).
6. European agenda for the collaborative economy – supporting analysis / European Commission. – Brussels, 2016. – 50 p. (Commission staff working document, N 184 final). – Mode of access: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16881/attachments/3/translations> (дата обращения: 17.07.2020).
7. Goudin P. The cost of non-Europe in the sharing economy: Economic, social and legal challenges and opportunities / European parliamentary research service / European Parliament. – 2016. – Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/558777/EPRS_STU\(2016\)558777_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/558777/EPRS_STU(2016)558777_EN.pdf) (дата обращения: 17.07.2020).
8. Groen W.P. De, Maselli I. The impact of the collaborative economy on the labour market / CEPS. – Brussels, 2016. – 32 p. – Mode of access: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2016/06/SR138CollaborativeEconomy_0.pdf (дата обращения: 12.11.2020).
9. Munkøe M.M. Regulating the European sharing economy: State of play and challenges // Intereconomics. – 2017. – N 1. – P. 38–44.
10. Rinne A. What exactly is the sharing economy? / World Economic Forum. – 2017. – 13.12. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2017/12/when-is-sharing-not-really-sharing/> (дата обращения: 17.07.2020).
11. Stanoevska-Slabeva K., Lenz-Kesekamp V., Suter V. Platforms and the sharing economy. Report from the EU H2020 research project Ps2 Share: Participation, privacy and power in the sharing economy. – 2017. – 92 p. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/322845971_Platforms_and_the_Sharing_Economy_An_Analysis_EU_H2020_Research_Project_Ps2Share_Participation_Privacy_and_Power_in_the_Sharing_Economy_2017/link/5af7260daca2720af9cc57be/download (дата обращения: 17.07.2020).
12. The use of collaborative platforms: Report / Eurobarometer / European commission. – 2018. – 118 p. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/survey/getsurveydetail/instruments/flash/surveky/2184> (дата обращения: 17.07.2020).
13. Valant J. A European agenda for the collaborative economy / European parliamentary research service. – 2016. – 12 p. – Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/558777/EPRS_STU\(2016\)558777_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/558777/EPRS_STU(2016)558777_EN.pdf)

- [europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EP/PRS_BRI\(2016\)593510](https://op.europa.eu/eur-lex/en/document.html?reference=EP/PRS_BRI(2016)593510) (дата обращения: 17.07.2020).
14. Vaughan R., Daverio R. Assessing the size and presence of the collaborative economy in Europe / PwC UK. – 2019. – 31 p. – Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2acb7619-b544-11e7-837e-01aa75ed71a1> (дата обращения: 17.07.2020).
 15. Vaughan R., Hawksworth J. The sharing economy: how will it disrupt your business? Megatrends: the collisions / PwC. – 2014. – 10 p. – Mode of access: https://pwc.blogs.com/files/sharing-economy-final_0814.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.4

С.Н. Смирнов*

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ (Обзор)

Аннотация. Пандемия COVID-2019, обусловившая тяжелый экономический кризис практически во всех странах, потребовала серьезных государственных мер поддержки экономики и населения. Многие из них ориентированы на малый и средний бизнес, в наибольшей степени пострадавший от снижения платежеспособного спроса. Эти меры реализуются в настоящее время, но по мере восстановления экономики государственная поддержка предпринимательства вернется к проверенным многолетней практикой схемам. Такие схемы рассмотрены на примере России, Германии, Польши и Хорватии.

Ключевые слова: предпринимательство; государственная поддержка; средние, малые и микропредприятия; инновации; семейный бизнес; туризм; занятость беженцев; Россия; Германия; Польша; Хорватия.

* Смирнов Сергей Николаевич, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Smirnov Sergey, DSn (Econ. Sci.), leading researcher of the Department of Economics at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

S.N. Smirnov
Modern entrepreneurship: problems and solutions
(Review)

Abstract. The COVID-2019 pandemic, which caused a severe economic crisis in almost all countries, requires serious government measures to support the economy and the population. Many of them are focused on small and medium-sized businesses, which are most affected by the decline in effective demand. These measures are currently being implemented, but as the economy recovers, state support for entrepreneurship will return to the proven business support schemes that have been used for many years. Such schemes are considered on the example of the Russian Federation, Germany, Poland and Croatia.

Keywords: entrepreneurship; state support; medium, small and micro-enterprises; innovation; family business; tourism; refugee employment; Russia; Germany; Poland; Croatia.

Введение

Предпринимательство в рыночной экономике всегда является зоной высоких экономических рисков. Неблагоприятная макроэкономическая конъюнктура, снижение платежеспособного спроса конечного потребителя – населения, ужесточение налогового законодательства непосредственно влияют на возможности предпринимателей поддерживать и сохранять созданные ими хозяйствующие субъекты. Все это может происходить как в экономически развитых странах, так и в странах с транзитивной экономикой. Поиск путей укрепления экономической стабильности предпринимательства, особенно в условиях глобализации, трансграниччен по своей природе. Положительный опыт одних стран, как правило, берется на вооружение и другими. Проблемы форс-мажорного характера (например, пандемия коронавируса COVID-19 в 2020 г.), ослабляющие межстрановые экономические отношения, особенно в сфере туризма, негативно сказываются на предпринимательской деятельности, но не изменяют долгосрочные тенденции их развития.

В настоящем обзоре рассмотрены механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства в европейских странах и России.

Предпринимательство в условиях пандемии: вызовы 2020 г.

В кризисных условиях особенно важными становятся действия государства по поддержке предпринимательства. Так, уже 17.03.2020 Правительством РФ был утвержден «План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» [План первоочередных..., 2020].

В разделе «Поддержка отраслей экономики, оказавшихся в зоне риска» были предусмотрены меры и для тех отраслей, основу которых составляют малые и микропредприятия¹ (например, туризма и культуры).

Туристская деятельность, которая, наряду, с гостиничным бизнесом, общественным питанием, авиаперевозками понесла наибольшие относительные убытки, связанные с пандемией коронавируса, стала одной из приоритетных в контексте получения государственной поддержки. В числе предусматривавшихся мер – освобождение туроператоров в сфере выездного туризма от уплаты взносов в резервный фонд Ассоциации «Турпомощь» в 2020 г. и установление порядка компенсации убытков туроператоров, связанных с невозвратными тарифами по авиаперевозкам².

В «План...» был включен специальный раздел, предусматривавший реализацию экономических мер по поддержке собственно малого и среднего предпринимательства (МСП), которое оказалось в наибольшей степени подверженным последствиям сжатия потребительского рынка. Для предприятий МСП было предусмотрено: введение с марта 2020 г. отсрочки на 3 месяца по уплате страховых взносов (для микропредприятий); расширение программы субсидирования доступа к заемным средствам; предоставление кредитным организациям возможности временного

¹ Критерии отнесения предприятий в Российской Федерации к малым и микропредприятиям установлены в [Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ..., 2007].

² Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, был первоначально установлен Постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 № 434. В дальнейшем в него неоднократно вносились изменения постановлениями Правительства РФ, в том числе: от 10.04.2020 № 479, от 18.04.2020 № 540, от 12.05.2020 № 657, от 26.05.2020 № 745 [Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434..., 2020].

неухудшения оценки качества обслуживания долга вне зависимости от оценки финансового положения заемщика; субсидирование кредитным организациям части процентов по кредитам при переносе срока уплаты процентов без начисления штрафных санкций; временная отсрочка или мораторий на уплату арендных платежей арендаторами государственного или муниципального имущества; увеличение капитализации региональных микрофинансовых организаций в целях охвата льготными микрозаймами; увеличение капитализации региональных гарантийных организаций в целях расширения возможностей получения льготных кредитов в случае отсутствия залогового обеспечения; снижение требований к обеспечению контрактов при осуществлении государственных закупок у субъектов МСП; неприменение штрафных санкций в случае нарушений обязательств исполнителем из-за последствий распространения коронавирусной инфекции [План первоочередных..., 2020].

Уже 01.04.2020 был принят Федеральный закон № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии со вновь введенным в п. 1 ст. 427 подп. 17, к субъектам МСП, начиная с 2021 г., будут применять пониженные тарифы страховых взносов (на обязательное пенсионное страхование – 10%, на обязательное медицинское страхование – 5%). Кроме того, они освобождены от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ..., 2020].

Были также введены меры по поддержке самозанятых. Важными, в частности, являются изменения, в соответствии с которыми самозанятым сумма налога, подлежащего уплате с 1 июля по 31 декабря 2020 г., была уменьшена на сумму неиспользованного налогового вычета (максимально 10 тыс. руб.), увеличенного на 12 130 руб., т.е. на 1 МРОТ [Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ..., 2020]. Количественная оценка масштабов поддержки самозанятых была дана Председателем Правительства РФ М. Мишустином, заявившим, что «на поддержку самозанятых в условиях пандемии коронавируса было направлено более полутора миллиардов рублей», а «всем самозанятым был предоставлен дополнительный налоговый капитал». Кроме того, «они получили обратно уплаченный ими налог за прошлый год» [Мишустин рассказал..., 2020].

Аналогичные или похожие меры по поддержке предпринимательства были приняты во всех странах, пострадавших от пандемии, уже на ранних стадиях ее распространения.

Например, **Великобритания** объявила о программе поддержки экономики, в состав которой вошли, в частности, такие мероприятия, как снижение налогов для ритейлеров и представителей индустрии гостеприимства; поддержка малого бизнеса, включая помочь в выплате пособий и больничных тем, кто оказался в самоизоляции; налоговые каникулы на один год для представителей микробизнеса в индустрии развлечений. Дополнительно малому бизнесу были предусмотрены выплаты грантов в размере не менее 3 тыс. фунтов стерлингов. В Германии был предложен пакет мер для спасения немецких компаний на 610 млрд евро, предполагающий предоставление государственных гарантий по кредитам, компенсирующим сокращение денежного потока в авиаперевозках, туризме и ресторанном бизнесе. В США были введены налоговые каникулы сроком до 3 месяцев для малого и среднего бизнеса и начали действовать «коронавирусные» кредиты по низким ставкам (3,75% для малого бизнеса и 2,75% для НКО) со сроком погашения до 30 лет. В Италии правительство сообщило, что готово предоставить налоговый кредит для любой компании, выручка которой сократилась более чем на 25%. В марте в стране был разработан план помочь бизнесу и населению с объемом финансирования 25 млрд евро, предусматривающий кредитование малого и среднего бизнеса, а также непосредственную денежную помощь компаниям, наиболее пострадавшим от эпидемии, и помочьувленным работникам. Во **Франции** введены государственные гарантии до 90% по кредитам для малого и среднего бизнеса. Помощь малому и среднему бизнесу была предусмотрена в **Южной Корее**, **Японии** и других странах [Как в разных странах..., 2020]¹.

Традиционные меры поддержки предпринимательства государством: опыт Польши и России

Даже в обычных условиях для успешного развития предпринимательской деятельности необходима ее поддержка со стороны институтов государственного управления как на уровне стран в

¹ Оценка результативности этих мер является предметом самостоятельного исследования и возможна после завершения пандемии и получения необходимой для этого статистической информации.

целом, так на региональном и местном уровнях. Степень активности содействия развитию предпринимательства со стороны этих институтов заметно различается, о чем свидетельствуют, например, результаты исследования, выполненного в Польше [Godlewska, Morawska, 2020].

Информационной базой исследования являлись данные опроса 652 представителей формальных институтов страны – органов государственного управления различных уровней и сфер регулирования – о действиях по поддержке предпринимательства и обеспечению честной конкуренции, а также о взаимодействии с негосударственными структурами, который был проведен в 2017 г. Доля ответивших представителей центральных органов управления составила всего 5%, в связи с чем этот уровень был исключен из анализа. Валидными¹ из общего числа полученных опросных листов оказались 211 [Godlewska, Morawska, 2020, р. 6–7].

Развитие предпринимательства является ключевым условием экономического роста. Особую роль в его поддержке должны играть региональные и местные органы государственного управления (РМОГУ), которые располагают наиболее полной информацией о проблемах предпринимателей на подведомственной им территории. Тем не менее в результате обработки материалов исследования оказалось, что 79 из 211, или более 1/3 из них не оказывают никакой поддержки развитию предпринимательства (еще 28% РМОГУ ежегодно ограничиваются одной–двумя мерами, 22% реализуют от трех до шести мер, 2% – от семи до 10 мер и 14% – более 10 мер) [Godlewska, Morawska, 2020].

В качестве одной из причин неоказания поддержки предпринимателям респонденты – представители РМОГУ назвали недостаточность финансовых ресурсов. Однако, как показали статистические расчеты, величина долговых обязательств территории в расчете на жителя не влияет на политику РМОГУ по отношению к предпринимателям. Более того, согласно ранее проведенным исследованиям, в странах с транзитивной экономикой существует положительная обратная связь между долговыми обязательствами территорий и стимулированием предпринимательской деятельности. Модернизация экономики регионов и создание новых рабочих мест в результате развития предпринимательства приводит к росту налоговых поступлений в бюджет и снижению долговой нагрузки территории [Godlewska, Morawska, 2020].

¹ То есть соответствующими требованиям, приемлемыми.

Второй причиной отсутствия поддержки предпринимательства было названо отсутствие запроса на нее со стороны самих предпринимателей. У таких респондентов сформировалось четкое убеждение, что чем меньше вмешиваться в экономические процессы, происходящие на территории, тем будет лучше для предпринимателей, а основная задача РМОГУ – это сохранение стабильной институциональной среды. Третья причина состоит в том, что количество предприятий на подведомственной территории якобы незначительно. Однако результаты опроса показали, что именно на территориях, где число предприятий в расчете на 10 тыс. жителей трудоспособного возраста менее 600, РМОГУ наиболее активно поддерживают предпринимательство: только 20% органов государственного управления не участвуют в этом процессе. При числе предприятий от 600 до 1000, от 1001 до 1500, от 1501 до 2000 и от 2001 до 3000 соответственно 48%, 37%, 22% и 16% РМОГУ не осуществляют их поддержку. При наибольшем числе предприятий (более 3000) доля РМОГУ, которые не реализуют соответствующие меры, превысила 2/3 [Godlewska, Morawska, 2020, p. 12–13].

На основе расчетов был сделан вывод о влиянии модели управления РМОГУ на их политику по отношению к предпринимательству. Лучшие результаты были получены в тех случаях, когда РМОГУ использовали принципы «нового государственного управления»¹, а адресатами решений являлись предприниматели. Именно такие РМОГУ были в большей степени настроены на взаимодействие с предпринимателями и их поддержку. Однако почти $\frac{3}{4}$ обследованных РМОГУ в реализации своих функций следуют модели «классической бюрократии» Вебера, что сужает возможности принятия ими гибких решений по поддержке предпринимательства на подведомственной территории.

Результаты обследования показали, что доля РМОГУ, поддерживающих предпринимательство, в 13 из 16 воеводств страны больше 50% (в Великопольском, Опольском и Малопольском воеводствах она превышает 80%). Только в трех воеводствах предпринимателям оказывают поддержку не более половины РМОГУ, в том числе в Кujawsko-Pomorsком воеводстве 45,5%, а в Западно-Поморском и Лодзинском воеводствах – по 50%. Уровень под-

¹ «Новое государственное управление» (New public management, NPM) – система государственного управления, где граждане считаются клиентами, которым администрация предоставляет общественные услуги.

держки предпринимательства варьирует и по видам территорий, подведомственных РМОГУ. Доля сельских гмин¹, в которых осуществляется такая поддержка, составляет только 50%, повятов – 62%, городских гмин – 72%, городско-сельских гмин – 80% и городов, имеющих права повята, – 81% [Godlewska, Morawska, 2020, р. 14, 16].

Другие независимые переменные, как показали результаты расчетов, не оказывают влияния на уровень поддержки предпринимательства.

Россия не является исключением из общего правила, и предприниматели в ней, как и в любой другой стране с рыночной экономикой нуждаются в государственной поддержке. Дополнительные сложности связаны с тем, что развитие легального предпринимательства в России началось с конца 1980-х годов, спустя десятилетия его подпольного существования в условиях плановой экономики и общенародной собственности на средства производства. Кроме того, за прошедшие с начала рыночных реформ годы Россия пережила несколько экономических кризисов: 1998, 2008, 2014 и 2020 гг. Они сказывались как на крупных предприятиях, так и на малом бизнесе и индивидуальных предпринимателях, которые наиболее сильно зависят от изменения платежеспособного спроса.

Экономические кризисы влияют не столько на количество малых предприятий, сколько на численность занятых. Например, в 2008 г. на таких предприятиях было занято 11,4 млн человек, а в 2009 г. – 11,2 млн; в 2014 г. – 11,7 млн человек, а в 2015 г. – 11,3 млн. В 2017 г. на малых предприятиях в стране работало 12 млн человек, а в 2018 г. – 11,8 млн, или на 1,7% меньше². Возможно, подобные колебания связаны с высокими рисками малого

¹ Польша имеет трехуровневое административно-территориальное деление (16 воеводств, 380 повятов и 2479 гмин, 306 из которых являются городскими, 602 городско-сельскими и 1571 – сельскими). В стране насчитывается 913 городов, 66 из которых имеют право повята.

² Здесь и ниже данные о малом предпринимательстве и индивидуальных предпринимателях в России приводятся по публикуемому Росстатом «Российскому статистическому ежегоднику», подраздел «Малое предпринимательство» раздела «Предприятия и организации» – режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения: 03.07.2020); и статистическому сборнику «Малое и среднее предпринимательство в России», издаваемому с периодичностью раз в два года – режим доступа: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Malpred_2019.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

бизнеса, не имеющего широких перспектив в условиях неблагоприятной экономической динамики.

В еще большей степени негативные изменения экономической конъюнктуры сказываются на самозанятых. Если в 2014 г. в стране численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей составляла 2413,8 тыс. человек, а объем их выручки достигал 10,4 трлн руб., то в 2015 г. соответствующие показатели составили 2082,7 тыс. человек и 7,9 трлн руб., т.е. на 13,7% и 24% меньше. В дальнейшем ситуация стала улучшаться.

На оборот малых предприятий помимо общекономических факторов существенное влияние оказывает политика, проводимая государством. Так, в 2014 г. в России был сформирован перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, запрещенных к ввозу из государств, которые присоединились к антироссийским санкциям [Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778..., 2014]. Фактически был дан старт политике импортозамещения, в реализации которой участвуют и малые предприятия, прежде всего в сфере торговли, переработки сельскохозяйственного сырья и производства продуктов питания. В результате в 2015 г. их оборот достиг 44,1 трлн руб., увеличившись по сравнению с 2014 г. на 19,3 трлн руб., или в 1,8 раза. Однако этот рост оказался неустойчивым: уже в 2016 г. он снизился до 38,9 трлн руб. Хотя в 2017 г. он снова увеличился до 48,5 трлн руб., а в 2018 г. – до 53,3 трлн руб. Вклад повышения цен в nominalnyy rost oborota malyh predpriyatiy sostavil priблиzhitel'no 50%.

Пандемия 2020 г. стимулировала принятие в России неотложных мер по поддержке малого и среднего предпринимательства, а также индивидуальных предпринимателей. Часть этих мер будет действовать постоянно. Это означает, что необходимость поддержки предпринимательства в полной мере осознана органами государственного управления.

Инновации как результат предпринимательской деятельности

Предпосылкой развития и повышения конкурентоспособности частных производств, а также ее сохранения в долгосрочной перспективе является внедрение инноваций. Многие из них представляют собой результат деятельности самих предприятий.

Источником информации об отношении к инновационной деятельности на предприятии служат опросы. Один из них был проведен в Боснии и Герцеговине в 2018 г. Он охватил 300 менеджеров различных уровней, которые работали на 100 крупных и средних промышленных предприятиях страны, функционировавших на момент опроса не менее 3 лет. Выбор именно крупных и средних предприятий объяснялся возможностями соединения их преимуществ (финансовых ресурсов, возможностей доминирования на рынках) с достоинствами малых предприятий (креативностью, гибкостью, оперативным реагированием на изменения потребностей рынков) [Brigić, Alibegović, 2019, p. 321].

Полученные оценки распространенности отдельных направлений внутрипроизводственной инновационной деятельности различались незначительно. Наибольшее развитие на предприятиях получила деятельность по совершенствованию производственных процессов (средняя оценка составила 4,08). На последующих мес-тах находились работы по совершенствованию маркетинговых решений (4,06), исследования и разработки (4,05) и предложения по улучшению организации (4,04). Несколько иначе была оценена значимость разных направлений инновационной деятельности на предприятиях. Наивысшую оценку (4,01) получили инновации производственных процессов, затем организационные инновации (3,98) и инновации в сфере маркетинга (3,91). Наименее значимой оказалась организация производства инновационных продуктов (3,84) [Brigić, Alibegović, 2019, p. 326].

С использованием множественных регрессионных моделей была проверена гипотеза о непосредственном влиянии внутрипроизводственной деятельности на каждое из направлений инноваций. Расчеты показали, что инициативы внутри предприятия определяют 68,4% производства инновационных продуктов (коэффициент детерминации составил 0,684), 60,6% инноваций в производственных процессах (0,606), 52% организационных инноваций (0,52) и 46,1% инноваций в сфере маркетинга (0,461) [Brigić, Alibegović, 2019, p. 327–328].

Полученные коэффициенты регрессии количественно характеризуют приrostы результатов по каждому из направлений инноваций в расчете на единицу прироста каждого из направлений внутрипроизводственной деятельности. Например, при росте исследований и разработок, производство инновационных продуктов увеличивается на 17,1%, внедрение инновационных производственных процессов – на 23,9%, использование инноваций в сфере

маркетинга – на 8,5%, принятие инновационных организационных решений – на 18% [Brigić, Alibegović, 2019, p. 330].

Авторы исследования выделяют два крупных направления дальнейших исследований внутрипроизводственной деятельности. Первое состоит в обосновании количественных показателей изменения всех переменных в целях более точного измерения инновационных последствий деятельности работников на предприятии. Второе направление включает проведение компаративных исследований внутрипроизводственной деятельности в различных разрезах (отраслевой, региональный, успешные и стагнирующие предприятия, экономически развитые и развивающиеся страны). На этой основе предполагается определить общие и специфические последствия указанной деятельности, а также разработать рекомендации для предприятий, регионов и стран, являющихся аутсайдерами в инновационном процессе [Brigić, Alibegović, 2019, p. 332].

Стратегическое партнерство в предпринимательстве

Одним из способов повышения эффективности предпринимательской деятельности является создание долгосрочных (стратегических) партнерских отношений в управлении цепочками поставок (УЦП). Сам термин УЦП был введен в оборот в начале 1980-х годов и определен как система, обеспечивающая прохождение потоков сырья от производителей к конечным потребителям готовой продукции и обмена информацией между ними. УЦП подразумевает объединение различных звеньев цепочки (поставщики сырья, переработчики, потребители, дистрибуторы, оптовые и розничные торговые сети), конечный результат деятельности которых – создание продукта с потребительскими свойствами, соответствующими требованиям рынка. Долгосрочное партнерство в УЦП рассматривается предпринимателями как одно из конкурентных преимуществ, поскольку позволяет снизить затраты на производство продукции и повысить ее качество, в том числе за счет внедрения инновационных решений. УЦП в каждом конкретном случае характеризуется охватом различных звеньев производства и поставки продукции, развитием операционного менеджмента, совместным контролем, распределением прибыли и планированием [Kmetec, Rosi, Kač, 2019].

Активное развитие партнерства в УЦП началось в 1980–1990-е годы. Одним из последствий этого процесса стала интеграция деятельности предприятий по созданию конечного продукта и

снижение уровня конкуренции. Организации, входящие в стратегическое партнерство в УЦП, становятся взаимозависимыми, получая при этом возможность совместно использовать ресурсы для достижения целей как партнерства в целом, так и каждого из его участников. Подобные соглашения основываются на принятии на себя участниками УЦП взаимных обязательств и полном доверии между ними. В конечном счете долгосрочное партнерство получает синергетический эффект. Однако при переходе к партнерству в УЦП в некоторых случаях возникают проблемы, связанные с тем, что изначально требования участников могут различаться. Противоречия снимаются в результате переговоров – если удается прийти к согласию, что совместные действия ведут к снижению издержек и увеличению прибыли каждого из участников [Kmetec, Rosi, Kač, 2019, p. 99].

Преимуществами партнерства являются: расширение возможностей для внедрения технических инноваций; обеспечение доступности и безопасности поставок во всех элементах технологической цепочки (от получения сырья до продажи готовой продукции конечному потребителю); создание предпосылок для снижения базисных цен; согласованная корректировка производственной программы в соответствии с требованиями рынка. Выделяются два основных риска стратегического партнерства. Относительный риск – это вероятность того, что изначальные ожидания от партнерства могут не оправдаться. Риск деятельности партнерства заключается в том, что один или несколько его участников не смогут выполнить принятые на себя обязательства и цели всего партнерства не будут достигнуты [Kmetec, Rosi, Kač, 2019, p. 101].

Риски могут быть сведены к минимуму, если при анализе целесообразности долгосрочного партнерства в УЦП организация, заинтересованная в нем, тщательно проанализирует ресурсные, репутационные и прочие характеристики возможных стратегических партнеров (поставщиков сырья и покупателей готовой продукции), а также их место и роль в предполагаемом партнерстве.

Семейное предпринимательство

Рассматривая развитие предпринимательства, следует учитывать специфику разных его видов, например особенности семейного бизнеса. Именно он оказывается в зоне наибольшего риска в случае неблагоприятной экономической ситуации и падения доходов населения. Между тем именно семейные предприятия играют

важную роль на рынке тех или иных услуг, например туристических [Ivana, 2020].

Исследования семейного бизнеса начали проводиться еще в 1960–1970-е годы. Однако вплоть до настоящего времени консенсуса в отношении этого явления не достигнуто. Проблема заключается в том, что семейный бизнес – это широкое понятие, в котором присутствуют различные составляющие, связанные с определением самого понятия семьи как хозяйствующего субъекта, особенностями владения семейным бизнесом и передачей собственности на него (включая наследование).

В России понятие «семейные предприятия» не имеет нормативно-правового обоснования, хотя в 2019 г. Минэкономики РФ разработало предложения о признании семейным предприятием субъекта малого и среднего предпринимательства в случае соответствия одному из трех условий по итогам предыдущего календарного года, а именно:

- участники хозяйственного общества, хозяйственного товарищества, хозяйственного партнерства – члены одной семьи владеют суммарно более чем 50% долей в уставном капитале ООО либо складочном капитале хозяйственного товарищества, хозяйственного партнерства или более чем 50% голосующих акций АО, и один из членов семьи является единоличным исполнительным органом такого юридического лица либо председателем совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества или хотя бы на одного из членов семьи возложено ведение дел хозяйственного товарищества;

- не менее 50% членов производственного кооператива, потребительского кооператива, крестьянского (фермерского) хозяйства относятся к членам одной семьи;

- не менее 50% работников индивидуального предпринимателя, которые работают у него по основному месту работы, относятся к членам его семьи [О внесении изменений в Федеральный закон..., 2020].

Однако соответствующий законопроект так и не был внесен в Государственную думу. Возможно, это отчасти может быть объяснено тем, что само базовое понятие «семья» в российском законодательстве не определено. В этих условиях не работают критерии для определения семейного предприятия. Возможным решением проблемы в данном случае мог бы стать заявительный характер предпринимателя с перечислением тех лиц, которых он относит к

членам своей семьи в контексте участия в семейном предприятии. Соответствующая норма может быть установлена в законе.

Отсутствие единого определения семейного бизнеса не является препятствием для его развития. Предприниматели, опрошенные специалистами, указывают различные причины входа в гостиничный бизнес в форме семейного предприятия. Например, владельцы семейных гостиниц в сельской местности отмечали следующие мотивы: стремление следовать на практике социально-культурным ценностям, присущим семье; имеющиеся в сельской местности налоговые льготы и получение доходов, обеспечивающих сохранение привычного образа жизни после наступления пенсионного возраста; обеспечение баланса между бизнесом и семейной жизнью; благоприятные климатические условия в туристской дестинации; укрепление семейных ценностей при переезде семьи в сельскую местность и вовлечении ее в развитие аграрного туризма; улучшение качества жизни; обеспечение экономической независимости при ведении собственного бизнеса; получение необходимых средств для содержания семьи и создание собственного бизнеса [Ivana, 2020, р. 9]. Важно, что семейный бизнес, особенно успешный, способствует формированию межпоколенческих ценностей.

Одно из исследований семейного бизнеса проведено в Хорватии, где были опрошены владельцы 20 малых семейных отелей, зарегистрированные Национальной ассоциацией семейных и малых отелей страны. Опрошенные отельеры вели семейный гостиничный бизнес в шести жупаниях страны (Сплитско-Далматинской, Задарской, Пожешко-Славонской, Меджимурской, Вараждинской и Истарской)¹. Финансовая ситуация в 17 была стабильной и только в трех – неудовлетворительной. В восьми отелях были заняты не только члены семьи, но и наемные работники, не связанные с семьей, владевшей отелем, родственными отношениями. Обработка интервью проводилась с использованием методического аппарата комплексного преодоления сложностей GABEC, предназначенного для выделения смысловых предложений при обработке неформализованного текста² [Ivana, 2020, р. 11].

¹ Жупания – основная административно-территориальная единица Хорватии. Территория страны разделена на 20 жупаний, ее столица Загреб имеет статус отдельной жупании.

² Метод GABEK (нем. Ganzheitliche Bewältigung von Komplexität) разработан в Институте философии Университета Инсбрука Дж. Зелгером (J. Zelger).

Результаты показали, что наиболее значимыми мотивами входа в семейный гостиничный бизнес была заинтересованность именно в этом виде экономической деятельности (22 позитивных утверждения), предыдущий опыт ведения бизнеса (18), семейные традиции (14) и стремление иметь семейный бизнес (13). При этом понимание успеха бизнеса не всегда идентично высоким экономическим достижениям: далеко не во всех случаях основным его критерием является получение прибыли. Владельцами семейного бизнеса успех связывается прежде всего с сохранением семейных традиций (25 позитивных утверждений) и с его ведением именно самой семьей (21) [Ivana, 2020].

Роли различных источников финансирования для запуска бизнеса практически равнозначны. В 13 случаях использовались собственные финансовые ресурсы и банковские кредиты, в 12 – собственные активы (помимо финансовых). Основные проблемы, с которыми сталкивается или сталкивался в прошлом гостиничный бизнес в Хорватии, состоят в высоких тарифах Службы защиты авторских прав (СЗАП) Хорватского общества композиторов (при получении разрешения на использование того или иного музыкального произведения при организации досуга постояльцев гостиниц)¹, сложности с реализацией гостиничных услуг по рыночным ценам и недостаточные знания об особенностях рынка. В числе возможных решений проблем бизнеса чаще всего упоминались снижение НДС, отмена отчислений СЗАП и снижение операционных расходов.

При этом владельцы гостиниц не воспринимали инновации в качестве важной составляющей своей деятельности. Большинство из опрошенных связывали инновации с повышением класса гостиниц и лучшим оборудованием номеров [Ivana, 2020, p. 13–22].

Кадровое обеспечение предпринимательской деятельности: миграционная составляющая

Успешное предпринимательство невозможно без обеспечения производственных процессов кадровыми ресурсами. В последние годы в связи с изменением демографической ситуации в ряде европейских стран их предприниматели во все большей мере привлекают к работе трудовых мигрантов из других стран.

¹ Služba zaštite autorskih muzičkih prava (ZAMP) Hrvatskog društva skladatelja (HDS) (хорв.).

Так, в 2017 г., согласно данным Евростата, на территории ЕС число занятых трудовых мигрантов составило около 17,7 млн человек, причем почти 80% трудовых мигрантов проживали в пяти странах: Германии, Великобритании, Италии, Испании и Франции (соответственно 4,6; 3,5; 2,3; 2 и 1,5 млн) [Мелконян, 2019, с. 149]. Проблема мигрантов имеет общеевропейский характер, хотя, как видно, больше всего трудовых мигрантов в Германии.

Особую группу мигрантов составляют беженцы. Почти 1,5 млн мигрантов в Германии имеют официальный статус беженцев из Сирии, Эритреи, Афганистана, Сомали, Ирака, Ирана, Пакистана, Нигерии и стран Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговины, Косова и др.). 75% беженцев-мужчин в Германии уже работали в странах своего прежнего проживания и 92% из них хотят найти оплачиваемую работу именно в Германии (среди беженцев-женщин эти доли составили соответственно 33% и 79%). Беженцы трудоспособного возраста, как правило, не имеют профессионального образования и выполняют работы, не требующие высокой квалификации. Их привлечение снижает уровень зарплат неквалифицированных работников из числа коренных жителей [Saal, Volkert, 2019, р. 425–426].

Предприниматели в Германии готовы принимать на работу беженцев, поскольку имеется спрос на неквалифицированный труд. Опрос 500 менеджеров, который был проведен в 2016 г., показал, что доля компаний, нанимавших на работу беженцев, зависела от общей численности занятых на них. В компаниях, где работали не менее 200 человек, эта доля составила 24%; от 50 до 199 человек – 12%; менее 50 человек – всего 8% [Saal, Volkert, 2019].

В числе наиболее значимых факторов, которые препятствуют расширению найма на работу беженцев в Германии, опрошенные в 2017 г. представители 1030 компаний назвали: отсутствие экономических перспектив у этой группы работников; отсутствие информации о возможных предложениях государственной поддержки занятости беженцев; отсутствие у соискателя вакансии документальных подтверждений полученной в странах выезда квалификации; нехватка профессиональных знаний у соискателей; высокие бюрократические издержки, связанные с наймом на работу и использованием труда беженцев. Оказалось, что только 23% компаний принимали на работу беженцев, в то время как 77% отказывали им в найме по указанным выше причинам [Saal, Volkert, 2019, р. 428].

Несмотря на ряд трудностей при приеме беженцев на работу, уровень их занятости в Германии увеличивается. Если в декабре 2016 г. он составил 16%, то в декабре 2017 г. – 25%, а в 2018 г. – 32% (уровни безработицы среди них оказались соответственно 50%, 40% и 33%)¹. По данным центров занятости Германии, беженцев на работу с большей охотой принимают предприниматели, которые в прошлом сами были мигрантами. В этих случаях не возникают языковые и культурные барьеры в общении работодателя с наемными работниками.

Работодатели, которые в течение последних трех лет принимали на работу беженцев (т.е. 23% из опрошенных 1030 компаний), указали на положительные моменты, связанные с использованием их труда. В том числе: «мы находим им работу в различных командах с людьми из разных культур»; «беженцы демонстрируют высокий уровень целеустремленности и мотивации»; «беженцы проявляют высокий энтузиазм в обучении»; «вложения в повышение квалификации беженцев важны для нас»; «беженцы спустя небольшое время хорошо интегрируются в компанию». Однако возможности получения от беженцев знаний о новых приемах в работе практически отсутствуют [Saal, Volkert, 2019, р. 430].

Работодатели, которые в течение последних трех лет не принимали на работу беженцев (т.е. 77% из опрошенных 1030 компаний), отметили возможные направления повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Основными оказались следующие: «профессиональное занятие языком после найма на работу»; «получение беженцами полной информации от соответствующих служб об их возможностях в Германии»; «бюджетное субсидирование зарплат беженцев»; «поддержка за счет внешних ресурсов профессионального обучения после найма на работу» [Saal, Volkert, 2019, р. 432].

Расчеты, выполненные Немецким институтом экономических исследований совместно с Немецким институтом исследований занятости, показали, что уже в 2026 г. расходы бюджета Германии, связанные с пребыванием в ней беженцев, будут перекрыты получаемыми налоговыми доходами от работающих беженцев. При этом постепенно сократятся расходы бюджета на социальную поддержку детей беженцев, которые по мере достижения трудоспособного возраста тоже будут выходить на рынок труда [Saal,

¹ Без учета приехавших из стран Западных Балкан.

Volkert, 2019, p. 425–426]. В целом беженцы в Германии в большинстве своем стремятся к установлению социальных контактов с местным населением, которые усилили бы их интеграцию в общество.

Заключение

Современное предпринимательство развивается в мире по одним и тем же законам, что убедительно подтверждает его функционирование не только в обычных условиях, но и в форс-мажорных обстоятельствах, к которым, безусловно, относится пандемия COVID-2019. В обеих ситуациях предпринимательство, в результатах деятельности которого, как источника налоговых поступлений, заинтересовано государство, нуждается в создании условий для своего успешного развития.

Масштабы поддержки предпринимателей варьируются в страновом разрезе и зависят от финансовых возможностей конкретного государства. Однако общая их направленность инвариантна относительно ресурсных ограничений.

Конечно, выделяются страны, которые можно рассматривать в качестве «первопроходцев» правового решения отдельных проблем предпринимательства (например, регулирования семейных предприятий). В дальнейшем этот опыт оказывается полезным для других стран. Вместе с тем глобализация рынков приводит к одновременному возникновению той или иной проблемы в целой группе стран. Одним из таких ярких примеров является присутствие значительного количества легальных трудовых мигрантов и беженцев на рынке труда стран ЕС. Регулирование их трудоустройства затрагивает условия предпринимательской деятельности не только в европейских странах прибытия, но и в регионах, откуда они выехали.

Список литературы

1. Как в разных странах мира помогают бизнесу в ситуации с коронавирусом / Ассоциация туроператоров России. – 2020. – 17.03. – Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50887.html> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Мелконян В.А. Масштабы трудовой миграции в страны ЕС // Modern science. – 2019. – № 3. – С. 147–151.

3. Мишустин рассказал о поддержке самозанятых во время пандемии // РИА. Новости. – 2020. – 22.07. – Режим доступа: https://ria.ru/20200722/1574696929.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=http%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 22.07.2020).
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Проект Федерального закона / Блог о налогах Владимира Турова. – 2020. – Режим доступа: <https://turov.pro/wp-content/uploads/2020/02/proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federaln.pdf> (дата обращения: 03.06.2020).
5. План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции / Правительство России. Официальный сайт. – 2020. – 17.03. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/vBHd4YRxpULCaUNNTFLVpPSZbMCIA2Zq.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
6. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – № 6449. – С. 2.
7. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (с последующими изменениями) «Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» / Министерство экономического развития РФ. Документы. – 2020. – 29.06. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 03.07.2020).
8. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» / КонсультантПлюс. – 2007. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 03.07.2020).
9. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (в редакции от 08.06.2020 № 166-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “налог на профессиональный доход”» / КонсультантПлюс. – 2020. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 22.06.2020).
10. Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Гарант. – 2020. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1343139/#ixzz6lTZtZDAz> (дата обращения: 03.06.2020).
11. Brigić M., Alibegović S.Đ. Development of innovations under the impact of entrepreneurship activities in production enterprises // Ekonomski vjesnik. – 2019. – Vol. 32, N 2. – P. 321–334. – Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/231430> (дата обращения: 03.07.2020).

12. Godlewska M., Morawska S. Development of local and regional entrepreneurship – which institutions matter? Evidence from Poland // Economic research – ekonombska istraživanja. – 2020. – Vol. 33, N 1. – P. 1–19. – Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/229751> (дата обращения: 03.07.2020).
13. Ivana B. Family business in tourism characteristics – the owner's perspective // Ekonomski pregled. – 2020. – Vol. 71, N 2. – P. 3–32. – Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/234808> (дата обращения: 03.07.2020).
14. Kmetec A., Rosi B., Kač S.M. The importance of partnerships in supply chains. // J. of contemporary management issues. – 2019. – Vol. 24, N 2. – P. 95–106. – Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/229636> (дата обращения: 03.07.2020).
15. Saal M., Volkert J. Labor market integration of refugees in Germany: Employers' experiences and consequences. // Ekonomski vjesnik. – 2019. – Vol. 32, N 2. – P. 425–438. – Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/231437> (дата обращения: 03.07.2020).

УДК 330.322:502.17

С.И. Коданева*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ
«ЗЕЛЕНЫХ» ИНВЕСТИЦИЙ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА
(Обзор)**

Аннотация. Переход к «зеленой» экономике требует значительных инвестиций как на разработку новых технологий, так и в основные средства действующих предприятий для повышения экологичности производства. Для привлечения в эту область частных инвестиций государства используют различные механизмы поддержки и стимулирования. Однако непродуманные меры могут не дать ожидаемого результата или даже оказаться негативное воздействие. Правильный выбор политики стимулирования имеет решающее значение для достижения целей устойчивого развития при ограниченном государственном бюджете.

Ключевые слова: зеленая экономика; зеленые инвестиции; государственные инвестиции; частные инвестиции; государственная поддержка.

S.I. Kodaneva

**State incentives for «green» investments: the problem of choice
(Review)**

Abstract. The transition to the «green» economy requires significant investment both in the development of new technologies and in the fixed assets of existing enterprises to improve the environmental friendliness of pro-

* **Коданева Светлана Игоревна**, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Kodaneva Svetlana, PhD (Law Sci.), senior researcher of the Department of Legal Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

duction. In order to attract private investment to this sphere, states use various support and incentive mechanisms. However, ill-considered measures may not give the expected result or even have a negative impact. The right choice of incentive policies is crucial for achieving the sustainable development goals with a limited state budget.

Keywords: green investments; public investments, private investments, state support, green economy.

Введение

В последние годы все большую остроту приобретают такие явления, как глобальное потепление, постепенное уменьшение запасов природных ресурсов и повышение себестоимости их извлечения, увеличение объемов выбросов загрязняющих веществ. Это заставляет общественные организации и научное сообщество обращать более пристальное внимание на проблемы защиты окружающей среды и экологические риски устойчивого развития человеческой цивилизации.

Подписав Парижское соглашение по климату в 2015 г., 196 стран приняли на себя обязательства по постепенному переходу к безуглеродной экономике и, соответственно, по направлению на эти цели необходимых финансовых ресурсов. Очевидно, что различные государства выполняют взятые на себя обязательства по-разному и в разном объеме. Так, страны с более высоким уровнем ВВП больше инвестируют в экологические проекты, чем менее экономически развитые государства. Немаловажную роль в реализации Повестки дня в области устойчивого развития играют частные инвестиции и уровень развития финансового сектора в целом.

Преобладание государственного сектора в странах – экспортёрах углеводородов отрицательно сказывается на развитии их финансовых рынков [Public and private investment..., 2019, с. 165]. Соответственно, перед такими государствами стоят задачи не только стимулирования частных инвестиций в несырьевые услуги или производство, но и разработки альтернативной инвестиционной политики для обеспечения устойчивой диверсификации экономики.

Государственные инвестиции должны быть направлены на создание инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, аэропорты, морские порты, электростанции, энергетические сети и т.д.) и развитие социальной сферы (университеты, больницы,

дома престарелых, государственные школы и т.д.), т.е. объектов, которые необходимы для развития страны в целом. Основная цель частных инвестиций – получение прибыли от использования активов частными компаниями и физическими лицами. Эти две группы инвестиций могут стимулировать или вытеснять друг друга в зависимости от сочетания разных факторов: качества и количества человеческого капитала, географических и культурных условий, природных ресурсов и политики страны. Например, государственные инвестиции способствуют развитию человеческого капитала, что положительно сказывается на частных инвестициях, повышая производительность и общий инновационный потенциал страны. Однако несбалансированные государственные инвестиции могут вытеснять частные инвестиции и тем самым замедлять экономический рост.

В настоящей работе рассматриваются примеры успешного привлечения инвестиций в «зеленую» экономику.

Практики привлечения инвестиций в «зеленую» экономику

Исследователи из Университета им. Хамид бин Халифа (Катар) проанализировали, какой эффект оказывает *государственная политика и государственные инвестиции на привлечение частных инвестиций в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)* [Public and private investment..., 2019]. Следует отметить, что практически все эти страны разработали национальные концепции диверсификации экономики и перехода к экономике, основанной на знаниях и обеспечивающей устойчивое развитие.

Ученые изучали количественные взаимосвязи между государственными и частными инвестициями в странах ССАГПЗ. Проведенный анализ за период 1960–2015 гг. показал синхронность колебаний объема инвестиций (государственных и частных) и колебаний цен на нефть или объема ее добычи. Исследователи утверждают, что в государствах, чья экономика базируется на добыче природных ископаемых (экономика рантье) преобладают государственные инвестиции и экономическая диверсификация довольно ограничена. Это связано с тем, что национальные программы развития этих стран осуществляются исключительно за счет государственных инвестиций в крупные проекты, такие как Education City в Катаре и Masdar City в ОАЭ, а также в государст-

венные фонды. Например, Саудовская Аравия направила в 2018 г. 261 млрд долл. в государственный инвестиционный фонд и фонд национального развития. Однако государственные бюджеты (а, следовательно, и объем инвестиций) таких стран сильно зависят от спроса на углеводороды. Поэтому правительства должны проводить макроэкономическую политику одновременного укрепления финансового рынка, диверсификации экономики и развития частного бизнеса. Основным шагом к этому, по мнению авторов исследования, является увеличение доли частных инвестиций в секторах, связанных с целями устойчивого развития. Государственная политика должна быть достаточно гибкой и продуманной, чтобы стимулировать приток частных инвестиций, а не вытеснять их [Public and private investment..., 2019, с. 173].

Привлечение частных инвесторов в «зеленые» сектора – это задача достаточно сложная, причем не только для стран ССАГПЗ, но и для стран ЕС, где власти достаточно активно продвигают Повестку дня в области устойчивого развития, особенно в сфере энергетики. Политика ЕС направлена на рост сектора возобновляемой энергетики и стимулирование ее конкурентоспособности по сравнению с традиционными источниками энергии. Все государства – члены ЕС реализуют программы поддержки и стимулирования, направленные на привлечение инвесторов в данный сектор. Но далеко не всегда это дает ожидаемый результат. Например, компании вкладывают меньше средств в проекты, чем ожидает государство, либо откладывают финансирование на более поздние сроки, если они не уверены в будущем рыночном спросе.

Органам власти при разработке программ поддержки и стимулирования «зеленых» инвестиций необходимо точно просчитывать, какие меры будут наиболее эффективными. Для этого нужно учитывать динамику развития рынка, будущий спрос на продукцию, фактор неопределенности и другие факторы, влияющие на рентабельность инвестиций в «зеленые» проекты.

Исследователи из Университета Перуджи (Италия) разработали и эмпирически апробировали модель анализа инвестиционного решения в секторе возобновляемой энергетики с использованием подхода реальных опционов в условиях неопределенности. Модель учитывает компоненты, влияющие на прибыльность фирмы, такие как колебания спроса, изменение отношения потребителей к экологическим проблемам, снижение издержек за счет инноваций и снижения затрат на обучение. Полученные на ее основе выводы позволяют органам власти принимать обоснованные ре-

шения о способах и размерах финансовой поддержки «зеленых» инвестиций [Green electricity investments..., 2019].

Как показывают эмпирические данные, просто установить большой размер субсидий недостаточно, чтобы стимулировать частные компании инвестировать средства, необходимые для ввода требуемых мощностей в эксплуатацию в ожидаемый государством срок. Это происходит потому, что получатель субсидии старается проинвестировать раньше запланированного времени и в строительство меньших мощностей, просто чтобы получить государственную поддержку. Поэтому правительству необходимо определять уровень субсидий таким образом, чтобы фирма инвестировала ровно столько, сколько необходимо для цели государственной политики [Green electricity investments..., 2019].

Немаловажным фактором является также спрос на «зеленую» энергию. Если спрос будет расти достаточно быстро, фирма вложит деньги в течение требуемого промежутка времени. Если нет, правительство должно выстроить механизм субсидирования таким образом, чтобы стимулировать компанию инвестировать в нужный объем мощностей и в нужные сроки. Причем компании быстрее инвестируют в более определенной среде [Green electricity investments..., 2019].

Разработанная модель была апробирована в Италии, характеризующейся определенными особенностями в развитии сектора «зеленой» энергетики. Так, для достижения принятых в программе ЕС показателей роста производства и использования энергии, полученной из возобновляемых источников (20% к 2020 г.), в стране был реализован механизм льготных тарифов (в виде постоянной надбавки к рыночной цене) для «зеленой» генерации, разницу в которых оплачивают потребители. Готовность итальянского потребителя платить за «зеленую» энергию достаточно высока. Это связано с позитивным отношением потребителей к возобновляемой энергетике, возникшим в результате активной пропагандистской компании, которую организовали органы власти страны [Green electricity investments..., 2019].

В 2015 г. общее потребление электроэнергии в Италии составило 311 тераватт-часов, из этого доля «зеленой» энергии – 35% (109 тераватт-часов). Таким образом, Италия достигла поставленной в рамках ЕС цели уже в 2015 г., что во многом обусловлено государственной политикой в области возобновляемой энергетики [Green electricity investments..., 2019, с. 640]. Однако если учесть новые цели ЕС до 2035 г., то доля энергии, полученной из возоб-

новляемых источников, в Италии должна будет составить 51% (168,4 тераватт-часа).

Ученые промоделировали пять различных сценариев развития «зеленой» энергетики в Италии в зависимости от размера государственной поддержки (в диапазоне от 97 до 103 евро за мегаватт-час). Получается, что при субсидии в размере 97 евро заявленная цель будет достигнута к 2035 г. с вероятностью всего 8%. При максимальном размере в 103 евро эта цель вообще не будет достигнута, поскольку компании будут стремиться инвестировать быстрее, но в малую генерацию, что не позволит создать нужное количество мощностей. Таким образом, наиболее оптимальным размером субсидии является 98,8 евро [Green electricity investments..., 2019].

Оптимальная политика субсидирования, по мнению итальянских исследователей, выглядит следующим образом. Во-первых, экологическая цель определяет необходимый размер инвестиций. Исходя из этого определяется оптимальный уровень субсидирования и итоговый порог инвестиций. Могут возникнуть две ситуации. Либо инвестиционный порог достигнут вовремя и экологическая цель достигнута, либо спрос был слишком низок, чтобы фирмы начали инвестировать. В последнем случае государственные органы должны предоставить дополнительный стимул для достижения цели, например, дополнительную субсидию, которая заставит компании оперативно инвестировать в строительство новых мощностей [Green electricity investments..., 2019, с. 643].

Недостатком проведенного С. Бигерной с коллегами исследования является то, что в нем проанализирована только одна из возможных моделей государственной поддержки инвестиций в «зеленые» технологии – а именно льготный тариф. Вместе с тем финансовые инструменты стимулирования инвестиций в «зеленые» продукты могут быть более разнообразными.

Разработка инновационных «зеленых» продуктов, таких как светодиодные лампы, высокоскоростные электромобили и др., требует значительных инвестиций в НИОКР. А для высокозатратных «зеленых» продуктов, таких как литий-ионные автомобильные аккумуляторы, устройства контроля автомобильных выбросов, использование лома алюминия в электронных устройствах и др., стоимость производства варьируется в зависимости от единицы продукта. Соответственно, в первом случае поддержка должна быть оказана непосредственно производителю на возмещение части затрат на НИОКР. Во втором случае более эффективной

будет субсидия, рассчитанная, исходя из единицы произведенной продукции.

Например, государственные меры поддержки создания электромобилей реализуются в ряде стран мира. Но в одних (например, США) субсидии предоставляются на покупку электромобиля (в размере до 7,5 тыс. долл.), а в других странах автопроизводители могут получать субсидии на инвестиции в НИОКР. Правительство Китая предоставило автопроизводителям льготы в размере до 9281 долл. на каждую единицу произведенных электромобилей с аккумуляторами и 7634 долл. для автомобилей с гибридными двигателями. Правительство Индии разработало программу субсидирования «Unnat Jyoti by Affordable LEDs for All» в целях стимулирования производства солнечных фотоэлектрических элементов и модулей. В рамках этой программы финансовая поддержка в размере 1,5 млрд долл. оказывается непосредственно производителям и компенсирует до 90% стоимости светодиодных ламп, что позволяет продавать их по цене 0,154 долл. каждая вместо рыночной цены в 2,3–3,08 долл. [Comparative analysis of government..., 2019, с. 1372].

Правительство Малайзии использует налоговые льготы для производителей и субсидии для потребителей «зеленых» продуктов. Многочисленные меры поддержки потребления экологически чистых продуктов применяются в Великобритании. В результате потребители активно приобретают энергоэффективные продукты, такие как светодиодные лампы, инверторные кондиционеры и т.д. В 2016 г. потребление светодиодной продукции позволило сэкономить 469 трлн британских тепловых единиц, что эквивалентно 4,7 млрд долл. [Comparative analysis of government..., 2019, с. 1372].

В совместной работе ученых из Университета Ольборга (Дания) и индийских специалистов рассматривается, *какой вид государственной поддержки является более эффективным для стимулирования «зеленых» инвестиций* [Comparative analysis of government..., 2019].

Данные многочисленных предшествующих исследований подтверждают существенную стимулирующую роль государственной поддержки. В ряде развивающихся стран, таких как Бразилия, Китай, Индия, Малайзия и Южная Африка, отсутствие государственной поддержки и экологической культуры являются основными препятствиями для внедрения «зеленых» технологий. При этом размер субсидий имеет решающее значение для выбора про-

изводителем каналов сбыта. Повышение налогов на «грязные» технологии дает некоторый первоначальный положительный эффект. Однако затем компании приспосабливаются и предпочитают платить налог вместо инвестирования в новые технологии [Comparative analysis of government..., 2019].

Исследователи промоделировали поведение производителей и продавцов. Полученные ими результаты демонстрируют, что одни и те же меры стимулирования могут оказывать различное воздействие в зависимости от других параметров. В ситуации, когда общество проявляет заинтересованность в вопросах экологии и потребители готовы платить большую цену за «зеленый» продукт, чем за обычный, государство не должно выделять на поддержку таких продуктов значительные субсидии. Если же потребители не знают о плюсах и минусах «зеленого» продукта, то необходима государственная субсидия, стимулирующая потребителей. Органы власти должны четко понимать, что побуждает потребителей покупать «зеленую» продукцию, а производителей – инвестировать в нее [Comparative analysis of government..., 2019].

По результатам проведенного моделирования И. Нилсен и ее коллеги приходят к заключению, что стимулирование потребителей более эффективно, чем субсидии на НИОКР (хотя вторые требуют меньших бюджетных расходов). Если крупные торговые компании предпочитают поставлять потребителям современные экологичные товары, то они могут повлиять на производителей, вынуждая тех производить более «зеленые» продукты, поскольку всегда обладают более сильной переговорной позицией в отношениях со своими поставщиками. Кроме того, потребители могут быть недостаточно информированы о преимуществе «зеленых» продуктов, но при этом достаточно чувствительны к их цене. В этом случае политика государства, направленная на стимулирование потребителей и снижение для них цены таких товаров, позволяет минимизировать подобные риски для производителей [Comparative analysis of government..., 2019].

Вместе с тем в некоторых моделях субсидирование НИОКР оказывается более эффективным, например когда целью производителей является увеличение объема продаж. Кроме того, при субсидировании единицы продукции нескольких экологических классов может возникнуть ситуация, когда выгоднее окажется продавать менее экологичный продукт [Comparative analysis of government..., 2019].

Заключение

Органам власти при разработке программ стимулирования «зеленых» инвестиций необходимо тщательно анализировать динамику развития рынка, будущий спрос на продукцию, фактор неопределенности и другие условия, влияющие на рентабельность инвестиций в «зеленые» проекты и стимулирующие торговые компании продавать, а потребителей – покупать «зеленые» продукты, – а также просчитывать эффективность различных мер поддержки для достижения желаемых результатов. Результаты рассмотренных в настоящем обзоре исследований позволяют сделать вывод, что правильный выбор политики стимулирования имеет решающее значение для достижения целей устойчивого развития при ограниченном государственном бюджете.

Список литературы

1. Comparative analysis of government incentives and game structures on single and two-period green supply chain / Nielsen I.E., Majumder S., Sankar Sana Sh., Saha S. // J. of cleaner production. – 2019. – Vol. 235. – P. 1371–1398.
2. Green electricity investments: Environmental target and the optimal subsidy / Bigerna S., Wen X., Hagspiel V., Kort P.M. // European j. of operational research. – 2019. – Vol. 279. – P. 635–644.
3. Public and private investment in the hydrocarbon-based rentier economies: A case study for the GCC countries / Ari I., Akkas E., Asutay M., Koç M. // Resources policy. – 2019. – Vol. 62. – P. 165–175.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 005.336.5:004(100)

О.Н. Пряжникова*

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ: АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье анализируются современные мировые практики социального диалога для прогнозирования и развития цифровых и других технологических навыков, спрос на которые растет в связи с процессом цифровизации. Представлены общие характеристики механизмов участия заинтересованных сторон в социальном диалоге, целью которого является разработка стратегии и реализация программ развития цифровых навыков и который действует как связующее звено между государством, отраслевыми объединениями, организациями работодателей и профсоюзами.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые навыки; повышение квалификации; переобучение; социальный диалог.

O.N. Pryazhnikova

The role of social dialogue in the development of digital skills: analysis of the world practices

Abstract. The article analyzes modern world practices of social dialogue for predicting and developing digital and other technological skills, the demand for which is growing due to the digitalization process. It features

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Pryazhnikova Olga, researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

general characteristics of stakeholder engagement mechanisms within social dialogue, which aims to build and implement digital skills development programs and acts as a link between government, industry associations, employers' organizations and trade unions.

Keywords: digitalization; digital skills; upskilling; reskilling; social dialogue.

Введение

В наши дни в сфере занятости происходят значительные изменения, связанные с развитием технологий, цифровизацией, глобализацией, старением населения, ростом значения охраны окружающей среды и др. Ускорение технологических преобразований требует совершенствования процессов принятия решений, касающихся социально-экономического развития, и достижения консенсуса в обществе, в частности, по вопросам формирования стратегии адаптации к растущему спросу на новые трудовые навыки.

Изменения технологий влекут за собой одновременно создание новых, ликвидацию устаревших и трансформацию существующих рабочих мест. Прогнозируется, что к 2025 г. более половины всех текущих трудовых задач будут выполнять машины. В результате стремительной автоматизации в период 2018–2022 гг. может быть создано 133 млн новых рабочих мест вместо 75 млн, которые будут упразднены [Cann, 2018].

Эти изменения называют четвертой промышленной революцией. Они протекают по двум основным направлениям: во-первых, автоматизация – выполнение заданий машинами, работающими без участия человека; во-вторых, цифровизация – преобразование текста, изображений или звука в цифровую форму. Эти процессы требуют постоянного повышения квалификации рабочей силы.

Специалисты международной организации труда выделяют на рынке труда следующие тенденции, связанные с технологическими изменениями: 1) усиление поляризации между низко- и высококвалифицированными работами в связи с ликвидацией по причине автоматизации рабочих мест, требующих средней квалификации; 2) возникновение потребности эффективного политического и социального регулирования процесса изменений с привлечением работников, работодателей и местных сообществ; 3) распределение доходов от роста производительности, достигнутого благодаря технологическим изменениям между социальными

группами в условиях растущего неравенства [Technological..., 2016, р. 7].

В ближайшие годы в мире ожидается нехватка высококвалифицированных работников, особенно в промышленно развитых странах, и избыток низкоквалифицированных работников, главным образом в странах с низким и средним уровнем доходов населения. Стремительное изменение производственных технологий, целых секторов экономики и содержания трудовых процессов на новых рабочих местах, несомненно, повлияет на содержание востребованных трудовых навыков и, соответственно, повлечет преобразование содержания образования. Эксперты европейской Коалиции цифровых навыков и рабочих мест выделяют четыре группы населения, которые уже сейчас испытывают потребность в обновлении цифровых компетенций. Во-первых, в развитии базовых цифровых навыков нуждаются все граждане для того, чтобы быть активными в цифровом обществе. Во-вторых, повышение квалификации и обучение цифровым компетенциям необходимы рабочей силе, находящейся в поисках работы. В-третьих, в условиях ускорения НТП возрастают потребности в развитии цифровых навыков высокого уровня у специалистов в области ИКТ во всех секторах промышленности. В-четвертых, преобразование системы образования, обусловленное включением в нее изучения цифровых навыков, развитием онлайн-обучения и обучения на протяжении всей жизни, ставит повышенные требования по владению цифровыми навыками перед преподавателями и учителями [The digital skills..., 2020].

Расширение присутствия цифровых технологий в трудовой деятельности повышает спрос на новые навыки по трем направлениям: 1) навыки в области ИКТ для программирования, разработки приложений и управления сетями; 2) общие навыки использования ИКТ в профессиональных целях; 3) дополнительные навыки работы с ИКТ для выполнения специальных задач, например, обработки информации, самостоятельной концептуализации, проектирования, реализации и оценки результатов выполненной задачи и т.д. [Пряжникова, 2020, с. 86–87]. Эксперты ОЭСР подчеркивают, что в ситуации постоянной технологической трансформации сохраняется неопределенность в связи с отсутствием знаний о типе навыков, которые потребуются для работы с будущими цифровыми технологиями, что затрудняет определение того, как подготовить рабочую силу к предстоящим изменениям [Skills for..., 2016, р. 4].

Успех адаптации работников и работодателей к меняющимся условиям на рынке труда в большой степени зависит от того, насколько согласованы меры поддержки участников рынка труда, реализуемые на национальном, региональном и секторальном уровнях. Важно отметить, что успех в разработке эффективной политики в сфере развития трудовых навыков требует большего, чем координация деятельности государственных органов на разных уровнях управления. Необходимо также привлекать к принятию решений широкий круг неправительственных организаций – социальных партнеров, включая работодателей, профессиональные и отраслевые ассоциации, профсоюзы, учебные заведения.

В этой связи при формировании системной стратегии адаптации к изменениям экономики и содержания квалификационных стандартов, особое значение приобретает социальный диалог [Employment..., 2018, p. 36]. В его рамках происходит взаимодействие государственных органов и представителей частного сектора, что способствует большей согласованности мероприятий по изучению потребностей в новых навыках и по переобучению рабочей силы.

Механизмы и участники социального диалога

Социальный диалог включает в себя все виды переговоров, консультаций или процессов обмена информацией между представителями государства, работодателями и работниками по представляющим общий интерес проблемам экономической и социальной политики [Social dialogue..., 2018]. В сфере развития новых навыков социальный диалог содействует вовлечению в дискуссию всех заинтересованных сторон и достижению договоренностей по формированию мер реагирования на изменения на рынке труда.

Социальный диалог обычно осуществляется как трехсторонний процесс с участием государства, а также социальных партнеров в лице работодателей и работников. Он также может быть и двусторонним – т.е. между работодателями и работниками или профсоюзами и организациями работодателей. Поиск консенсуса посредством социального диалога может происходить на межотраслевом и отраслевом уровнях или на уровне предприятия. Какие социальные партнеры участвуют в диалоге и какую роль они играют в механизмах определения потребностей в новых навыках, зависит от конкретной страны и конкретного сектора эконо-

мики, а также от того, на каком уровне – национальном, региональном или местном – функционирует партнерство.

Четвертая промышленная революция ставит важные проблемы, решение которых можно найти посредством социального диалога на как макро-, так и микроуровне. На макроуровне стоит задача регулирования влияний технологических изменений на экономическую среду с целью предотвратить поляризацию внутри рабочей силы, а именно – углубления разрыва между группами высококвалифицированных работников. На микроуровне ключевой задачей является обеспечение возможности работников, которые могут потерять свои рабочие места в результате технологических изменений, представлять свои интересы и участвовать в процессе принятия решений, в частности, через профсоюзные организации. Данные проблемы решаются, прежде всего, путем сотрудничества государства и социальных партнеров в деле прогнозирования и развития новых навыков, преобразования образовательных программ, разработке программ переобучения и повышения квалификации, а также обучения на протяжении всей жизни.

Во многих странах мира социальные партнеры участвуют в разработке новых стандартов профессионального обучения. Вовлечение социальных партнеров в диалог (в лице работодателей и профсоюзных организаций) обусловлено тем, что трансформация программ обучения в широком смысле, включая повышение квалификации и обучение на протяжении всей жизни, необходимых в условиях цифровой экономики, представляет для них особый интерес. Для предприятий (работодателей) адекватная квалификация работников способствует повышению производительности и конкурентоспособности. Для профсоюзов важен тот факт, что обучение новым навыкам работников может снизить риск безработицы, облегчить работникам смену сферы занятости при ликвидации их рабочих мест. Таким образом, социальный диалог на уровне предприятий, как и на отраслевом или национальном уровнях, играет важную роль в снижении потенциального негативного воздействия технологических изменений на структуру занятости. Овладение новыми навыками делает возможным переход работников из секторов с сокращающимся спросом на рабочую силу в сектора, где спрос на рабочую силу растет.

Роль государства в социальном диалоге по вопросам формирования стратегии развития новых цифровых навыков наиболее значима в странах, где правительства создают специальный орган

или наделяют соответствующими полномочиями уже существующий. Этот орган выступает драйвером процессов прогнозирования квалификационных изменений и организации переподготовки работников, а также оказывает поддержку неправительственным организациям, вовлеченным в аналогичную деятельность.

Во многих странах ключевые функции прогнозирования потребностей в новых навыках осуществляются отраслевыми и региональными институтами – соответствующими *советами по развитию навыков*. Они играют важную роль в выявлении потребностей в новых навыках, а также в реализации программ развития новых навыков на практике. Такие организации представляют собой платформы, на которых можно высказать экспертное мнение о потребности в новых навыках. Как правило, советы по навыкам собирают данные о потребностях в навыках внутри той или иной отрасли, проводят анализ данных и предоставляют свои рекомендации национальным органам власти для принятия соответствующих решений в сфере образования и регулирования рынка труда. Очевидно, что советы по навыкам обладают большим потенциалом для выработки общего понимания проблематики формирования у рабочей силы новых технологических навыков у государственных и частных заинтересованных сторон, а также для привлечения социальных партнеров для участия в совместных инициативах в данной сфере.

Существуют и другие формы участия частного сектора в социальном диалоге с целью разработки политики и регламентаций, стимулирующих развитие цифровых компетенций.

Отраслевые организации и отдельные компании, как правило крупные корпорации, часто вступают в партнерские отношения с профсоюзными объединениями в рамках консультативных органов и платформ. Профсоюзы действуют на национальном, отраслевом уровнях и на уровне конкретных предприятий. Они участвуют в дебатах на темы определения стратегии в сфере занятости, проводят исследования потенциала роста новых рабочих мест в цифровой экономике и организуют обучение рабочей силы соответствующим навыкам. В качестве социальных партнеров отраслевых организаций и предприятий, они участвуют в общественных консультациях, озвучивая свое мнение по проблемам влияния цифровизации на рынок труда.

Следует отметить, что уровень членства работников в профсоюзах разнится по странам ЕС. Самые высокие показатели членства – в Дании (70% рабочей силы), Швеции (65), Финлян-

дии (60) и Бельгии (45%). В остальных европейских странах в профессиональных союзах состоят 20% работников или менее [Employment..., 2018, р. 163]. Исследования показывают, что всего лишь 24% европейцев считают, что профсоюзы представляют собой значимого участника общественного обсуждения инициатив по развитию цифровых навыков [Voss, Riede, 2018, р. 17]. Швеция и Германия – единственные страны, где более половины участвовавших в опросе, проведенном в 2017 г. Европейской конфедерацией профсоюзов (European trade union confederation – ETUC), оценили роль профсоюзов в подобных национальных инициативах и программах как важную. В Испании, Дании, Чехии и Бельгии профсоюзы вовлечены в социальный диалог наряду с другими партнерами. А в Польше, Франции и Италии большая доля опрошенных работников заявляет о том, что профсоюзы вообще не вовлечены в формирование национальной цифровой повестки и связанных с ней проектов.

В качестве примера успешного участия профсоюзных организаций в социальном диалоге, связанном с решением проблем повышения цифровых навыков, можно привести сотрудничество в секторе ИКТ Европейской федерации профсоюзов UNI Europa и Ассоциации европейских операторов телекоммуникационных сетей ETNO. Они запустили совместный проект «Ликвидация пробелов в цифровых навыках в телекоммуникационном секторе будущего – выявление и распространение передового опыта» (*Filling the ICT skills gap in the telecommunications sector of the future – identifying and spreading best practice*). По результатам проведенных исследований был определен ряд рекомендаций для эффективного удовлетворения потребностей в навыках в области ИКТ. UNI Europa и ETNO настоятельно рекомендуют расширять социальный диалог между представителями отраслей, правительством, социальными партнерами и учреждениями сферы образования на европейском и национальном уровнях. В частности, подчеркивается необходимость учреждения ассоциаций работодателей в секторе ИКТ, ставящих отдельной целью своей деятельности развитие профессиональных навыков в сфере телекоммуникаций [Joint..., 2014].

Профсоюзы также вносят активный вклад в переобучение рабочей силы. Так, в Италии фонды профессионального обучения являются одними из основных инструментов, обеспечивающих доступ рабочей силы к дополнительному образованию и повышению квалификации. Фонды управляются советами, куда входят ассоциации работодателей, представляющие около 30% итальян-

ских компаний, и профсоюзные объединения. Вместе они определяют стратегию образовательной деятельности. Аналогичная инициатива существует в Нидерландах в виде Отраслевых учебных фондов O&O (Onderwijs en Ontwikkeling)¹. Здесь профсоюзы и представители работодателей также совместно определяют политику повышения квалификации работников, которая реализуется фондом.

Подобные организации представляют собой площадку для двухстороннего социального диалога и дают возможность социальным партнерам (работодателям и профсоюзам) оказывать влияние на распределение ресурсов, в том числе в сфере развития цифровых и других новых технологических навыков, которые иначе распределялись бы исключительно органами государственной власти. Получается, что такие фонды действуют как посреднические организации, снижая административную нагрузку на компании, желающие повысить квалификацию своих сотрудников. Кроме того, благодаря знаниям реалий рынка труда профсоюзных объединений и экспертному мнению представителей частного бизнеса фондам удается сократить временной лаг между формированием запроса на повышение квалификации со стороны предприятий и предоставлением соответствующих программ обучения.

Практический опыт стран мира в использовании социального диалога для развития цифровых навыков

В Южной Корее разработка политики развития новых, в том числе цифровых, навыков во многом связана с так называемым «Проектом 6Т». В его рамках делается ставка на рост секторов ИКТ и биотехнологии как отраслей, создающих высокую добавленную стоимость в экономике знаний, переход к которой является приоритетом корейского правительства. Важно отметить, что главным источником конкурентоспособности такой модели экономики являются людские ресурсы. Для того чтобы обеспечить овладение рабочей силы навыками, необходимыми для отраслей нового поколения, министерство образования и развития труда

¹ Onderwijs en Ontwikkeling. Training and development fonds / Cedefop. – Mode of access: [https://www.cedefop.europa.eu/FinancingAdultLearning/DisplayCountryDetails2aa8.html?countryName=Netherlands&instrumentType=training%20fund&instrumentID=Onderwijs%2Ben%2BOntwikkeling%2B\(O%2526O\)%253cbr%252f%253ctraining%2 Band%2 Bdevelopment%2 Bfunds](https://www.cedefop.europa.eu/FinancingAdultLearning/DisplayCountryDetails2aa8.html?countryName=Netherlands&instrumentType=training%20fund&instrumentID=Onderwijs%2Ben%2BOntwikkeling%2B(O%2526O)%253cbr%252f%253ctraining%2 Band%2 Bdevelopment%2 Bfunds) (дата обращения: 07.08.2020).

вых ресурсов совместно с министерством торговли, промышленности и энергетики и министерством информации и связи разработали программу по развитию трудовых ресурсов, способных создавать высокую добавленную стоимость (High-value-added manpower nurturing programme). В рамках проекта государство оказывает поддержку университетам, предлагающим образовательные программы для удовлетворения потребностей передовых отраслей промышленности. Предусматривается, что выпускники таких учебных учреждений должны владеть навыками, тесно связанными с национальными стратегическими отраслями, и могут приступить к работе без дальнейшего обучения на предприятии [Cheon, 2014].

Ключевым фактором успеха политики развития новых навыков в Южной Корее является координация соответствующих мер между правительственные органами, а также сотрудничество между промышленными компаниями и научным сообществом. Расширение взаимодействия с учеными стало возможным благодаря закону о содействии профессиональному обучению в промышленности (Act on industrial education promotion) и закону о содействии сотрудничеству между промышленностью и академическим сообществом (Industry – academia collaboration promotion), которые позволили университетам создавать исследовательские центры совместно с промышленными компаниями [Cheon, 2014, р. 232].

В 2003 г. в Южной Корее при поддержке министерств образования и промышленности были созданы отраслевые советы по развитию кадров (Sector councils human resource development). Их деятельность регулируется соответствующими отраслевыми бизнес-ассоциациями, а функции предполагают выявление и контроль потребностей в навыках в конкретных отраслях. Кроме того, в последние несколько десятилетий корейское правительство предпринимает шаги для расширения социального диалога с целью создания институциональной и организационной структуры для партнерства государственных структур и общественных организаций при формировании и осуществлении программ обучения новым навыкам. Например, в 2004 г. был принят Закон о развитии профессиональных компетенций (Vocational training promotion act), в котором сформулированы основы стратегии долгосрочного социального партнерства в сфере развития навыков рабочей силы. Налаживание социального диалога в данной области способствует созданию благоприятной атмосферы для участия разнообразных

социальных акторов в трансформации системы обучения навыкам на уровне отраслей промышленности и региональном уровне [Cheon, 2014, p. 233].

В Индии в 2014 г. по инициативе Министерства развития навыков и предпринимательства (Ministry of skill development and entrepreneurship) был запущен проект Национальной миссии по развитию навыков (National skill development mission). Вместе с министерством в реализации миссии участвуют Национальное агентство по развитию навыков (National skill development agency), Национальная корпорация по развитию навыков (National skill development corporation), Национальный фонд развития навыков (National skill development fund) и отраслевые советы по навыкам, а также 187 организаций, предоставляющих услуги по профессиональному обучению. Основные цели миссии заключаются в создании инфраструктуры, которая обеспечивает рабочим кадрам возможности для обучения на протяжении всей жизни. Предполагается включить обучение новым, в том числе цифровым, навыкам в школьную программу, а также создать возможности для качественного долгосрочного и краткосрочного повышения квалификации работников [National skill..., 2019, p. 5].

В Индии работодатели вовлечены в социальный диалог через членство в отраслевых советах по навыкам (Sector Skill Councils – SSC). SSC представляют собой автономные организации, которые разрабатывают новые профессиональные квалификационные стандарты, занимаются развитием системы профессионального обучения и мониторингом возникающих потребностей в новых навыках. В настоящее время в работе 37 отраслевых советов по навыкам участвуют более 600 представителей предприятий соответствующих отраслей [Skills shortages..., 2019, p. 29].

Кроме того, в условиях растущего спроса на цифровые навыки, правительство Индии и правительства штатов привлекают частные компании из сектора ИКТ к сотрудничеству в сфере образования. Так, в рамках партнерства государства и бизнеса созданы несколько институтов информационных технологий (Institutes of information technology) в разных регионах страны. Ряд ведущих мировых фирм – разработчиков программного обеспечения, присутствующих на индийском рынке, участвуют в постоянном обновлении учебных планов, а также учебной инфраструктуры этих институтов в целях удовлетворения меняющихся потребностей сектора ИКТ. Другой проект государственно-частного партнерства – Институт инженерии программного обеспечения (Soft ware

engineering institute) – предлагает обучение цифровым навыкам и переобучение по курсу программной инженерии. Такие мировые лидеры ИКТ, как Oracle, Motorola, NASSCOM, AICTE, оказывают поддержку ряду индийских университетов и колледжей в обучении студентов цифровым навыкам [Vijayabaskar, Babu, 2014, p. 265].

В Австралии политика развития навыков реализуется 11 советами по отраслевым навыкам (Industry skills councils – ISC), в числе которых присутствует Совет по креативным отраслям, ИКТ и кибербезопасности. Эти советы наделены полномочиями определять потребности в навыках в соответствующих отраслях, а также консультировать Институт навыков Австралии (Skills Australia institute) – ведущее национальное учреждение профессионального образования. Советы по отраслевым навыкам были созданы при поддержке австралийского правительства для того, чтобы предоставлять независимые отраслевые рекомендации правительству; участвовать в сборе и анализе отраслевых данных, необходимых для принятия решений на государственном уровне по финансированию и разработке программ обучения. Кроме того, отраслевые советы рассматриваются правительством Австралии как площадки для развития и поддержки прочных связей с бизнесом и региональными социальными партнерами с помощью регулярно действующих каналов коммуникации [Industry skills..., 2019].

В Южной Австралии запущен проект Skilling South Australia¹ в рамках партнерства правительства штата с правительством стран Содружества, который призван расширить возможности рабочей силы для сохранения занятости. Проект предоставляет работникам доступ к получению профессионального образования и переобучению, а также к стажировкам, дающим возможность овладеть новыми техническими навыками, в том числе цифровыми.

В Канаде изменения в квалификационных требованиях в профессиях, связанных с цифровой экономикой, контролируются Канадской системой прогнозирования занятости (Canadian occupational projection system). Кроме того, в рамках Канадской программы секторальных инициатив (Canadian sectorial initiative programme)² осуществляется мониторинг развития навыков, влияющих на рост

¹ Skilling South Australia / South Australia. – Mode of access: <https://www.skilling.sa.gov.au/about> (дата обращения: 07.08.2020).

² About the Sectorial initiative programme / Goverment of Canada. – Mode of access: <https://www.canada.ca/en/employment-social-development/programs/sectoral-initiatives-program.html> (дата обращения: 07.08.2020).

сектора ИКТ, а также составляется пятилетний прогноз динамики профессий и квалификационных изменений в ИКТ.

Кроме того, в Канаде функционирует Совет по информационно-коммуникационным технологиям (ICTC), который представляет собой некоммерческий национальный центр экспертизы в сфере цифровой экономики. Платформа ICTC объединяет широкий круг социальных партнеров в лице представителей промышленных предприятий, образовательных учреждений и государственных чиновников, определяющих политику в секторе цифровой экономики Канады. Основные функции ICTC – проведение исследований на рынке труда и разработка рекомендаций по формированию политики занятости в секторе ИКТ. ICTC также помогает канадским предприятиям в поиске и найме квалифицированных работников в сфере ИКТ. Кроме того, портал поддержки занятости в ИКТ¹ предоставляет в реальном времени информацию о вакансиях на уровне провинций и муниципалитетов, а также размещает исследования по прогнозированию новых навыков и информацию об образовательных программах, доступных работникам, желающим приобрести или повысить свои цифровые компетенции. Последние инициативы Совета связаны с разработкой онлайн-инструментов для самооценки работниками своих цифровых навыков, а также программ развития цифровых навыков для занятых не в сфере ИКТ [Information and..., 2018].

В прогнозировании потребностей в новых навыках в *Объединенных Арабских Эмиратах* активное участие принимают Институт прикладных технологий и Центр технического и профессионального образования Абу-Даби, чья совместная деятельность ставит целью выявлять потребности в трудовых навыках и вносить соответствующие изменения в учебные программы профессионального обучения. Управление знаний и человеческого развития Дубая (Dubai's knowledge and human development authority) в настоящее время работает с Национальным квалификационным управлением (National qualifications authority) эмирата над разработкой стратегии профессионального образования, которая бы соответствовала новым требованиям рынка труда [UAE..., 2019, р. 60].

Ряд исследований указывает, что в странах Персидского залива, и в ОАЭ в частности, наблюдается низкий уровень использования механизмов социального диалога в деле развития новых

¹ Your Gateway to Canada's Digital Labour Market / Etalent Canada. – Mode of access: www.etalentcanada.ca (дата обращения: 07.08.2020).

трудовых навыков. Работники отмечают нехватку инициатив со стороны работодателей по развитию новых цифровых навыков, которые бы осуществлялись непосредственно на предприятиях. Кроме того, низок уровень сотрудничества между работодателями и образовательными учреждениями по созданию программ повышения квалификации и развития новых навыков, которые становятся востребованы на современном рабочем месте [Empowering the GCC digital workforce..., 2017, p. 16]. Одну из главных проблем развития новых технологических навыков в стране видят в отсутствии связи между предприятиями и университетами. В результате очень часто выпускники вузов не владеют навыками, соответствующими квалификационным требованиям работодателей [Guantario, 2020].

В Великобритании представители бизнеса могут формулировать запрос на развитие новых, в том числе технологических навыков, участвуя в местных экономических партнерствах (Local economic partnerships), созданных по инициативе работодателей, и в 25 отраслевых советах по навыкам (Sector skills councils), объединяющих представителей предприятий [Skills for..., 2010, p. 30].

В Шотландии в 2018 г. создан Фонд DigitalXtra, который объединяет таких партнеров, как правительство Шотландии, национальную службу развития навыков (Skills development Scotland), компании Skyscanner, Accenture, BaillieGifford, BT Scotland, CityFibre, Fujitsu, IncrementalGroup, Micro:bit Education Foundation, ScotlandIS, Sky UK и Zonal. Фонд предоставляет гранты проектам по обучению таким навыкам, как программирование, обработка данных и вычислительное мышление¹.

В Ирландии в качестве примера площадки социального диалога можно привести отраслевую благотворительную организацию Fast trackin to information technology Ltd. (FIT), работающую в тесном сотрудничестве с ирландскими государственными ведомствами, национальными агентствами в сфере образования и профессионального обучения, местными сообществами. FIT обеспечивает обучение навыкам ИКТ на начальном, среднем и экспертном уровнях, что обеспечивает охват различных слоев населения и разных возрастных групп. Главной задачей FIT является реинте-

¹ Вычислительное мышление – навыки постановки проблем и представления их решения в форме, которая может быть эффективно реализована с использованием компьютера.

грация безработных на рынок труда с помощью повышения квалификации в области ИКТ [Skills for..., 2016, p. 22].

Во Франции в 2014 г. при поддержке государства создана «Сеть рабочих навыков» (*Réseau emplois compétences*)¹, которая представляет собой платформу для координации деятельности служб, ответственных за мониторинг и прогнозирование динамики рабочих мест и трудовых навыков, и чиновников (на национальном и региональном уровнях), принимающих решения в области экономического развития, правового регулирования занятости и профессионального образования. «Сеть рабочих навыков» представляет собой площадку, где происходит интеграция разнообразных инициатив, в том числе и в сфере развития цифровых навыков.

На базе «Сети рабочих навыков» Национальный промышленный совет (*Conseil national de l'industrie – CNI*), Центр изучения и исследований квалификационных требований (*Centre d'études et de recherches sur les qualifications*) и автономный экспертный институт *France Stratégie*, подчиняющийся премьер-министру Франции, в 2017 г. провели исследование цифровой занятости. В результате был создан справочник цифровых профессий и определены основные тенденции их развития в ближайшие несколько лет [*Vision...*, 2017].

Заключение

Очевидно, что успешная адаптация к растущему спросу на цифровые навыки, обусловленному технологическими изменениями, напрямую зависит от качественного прогнозирования, контроля и оценки последствий развития цифровизации. Можно с уверенностью утверждать, что механизмы социального диалога играют важную роль в этих процессах. Они создают условия для сотрудничества государственных органов с объединениями работодателей и работников при формировании стратегии продвижения цифровых навыков.

Во многих странах государство инициирует социальный диалог с представителями отраслей промышленности в форме отраслевых или консультативных советов. Каналы обратной связи и экспертных оценок, которые формируются благодаря их деятель-

¹ Le reseau emplois competences en 2019: nouvelles perspectives / France strategie. – 2019. – Mode of access: <https://www.strategie.gouv.fr/actualites/reseau-emplois-competences-2019-nouvelles-perspectives> (дата обращения: 07.08.2020).

ности, помогают официальным лицам адекватнее оценивать возникающие потребности в новых навыках. В странах, в которых функционируют отраслевые советы, занимающиеся проблемами цифровизации, удается быстрее реагировать на появление новых потребностей.

Большое значение для развития социального диалога в сфере прогнозирования и обучения новым навыкам имеют профсоюзы работников, а также объединения работодателей. Оба актора заинтересованы в обновлении и адаптации трудовых навыков рабочей силы к условиям технологических изменений. Наиболее активно подобный социальный диалог ведется в странах с развитой рыночной экономикой. Это обусловлено традициями профсоюзного движения и участия представителей бизнеса в общественной жизни. В ходе социального диалога отражается культурный, исторический, экономический и политический контекст той или иной страны.

Опыт стран мира показывает, что социальный диалог во многом определяет приоритеты анализа последствий технологических изменений для рынка труда. Благодаря его механизмам социальные партнеры участвуют в интерпретации результатов исследований, разрабатывают стандарты навыков, актуальных для новых рабочих мест, формулируют рекомендации по переквалификации работников и оказывают помощь в преобразовании систем образования и профессионального обучения. Безусловно, знание особенностей социального диалога полезно как в теоретическом плане для отечественных специалистов, так и для практиков в области трудовых отношений и развитии системы образования в России.

Список литературы

1. Пряжникова О.Н. Подготовка к жизни в цифровом мире: Международное исследование компьютерной и информационной грамотности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – Москва, 2020. – № 3. – С. 86–88. – Реф. на кн.: Preparing for life in a digital world: IEA international computer and information literacy study 2018: International report / Fraillon J., Ainley J., Schulz W., Friedman T., Duckworth D. / International association for the evaluation of educational achievement (IEA+). – Cham: Springer, 2020. – 297 p.

2. Cann O. Machines will do more tasks than humans by 2025 but robot revolution will still create 58 million net new jobs in next five years / WEF. – 2018. – 17.09. – Mode of access: <https://www.weforum.org/press/2018/09/machines-will-do-more-tasks-than-humans-by-2025-but-robot-revolution-will-still-create-58-million-net-new-jobs-in-next-five-years/> (дата обращения: 07.08.2020).
3. Cheon B.Y. Skills development strategies and the high roadto development in the Republic of Korea / Transforming economies: Making industrial policy work for growth, jobs and development / Ed by. R. Kozul-Wright, I. Nübler, J.M. Salazar-Xirinachs. – Geneva, 2014. – P. 213–238. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_315672.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
4. Employment and social developments in Europe 2018 / European Commission, Directorate-General for employment, social affairs and inclusion. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2018. – 276 p. – Mode of access: [https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&newsId=9150#~:text=Today%20the%20Commission%20has%20published,in%20Europe%20\(ESDE\)%20review.&text=With%20almost%20238%20million%20people,in%20employment%2C%20 compared%20 with%202016](https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&newsId=9150#~:text=Today%20the%20Commission%20has%20published,in%20Europe%20(ESDE)%20review.&text=With%20almost%20238%20million%20people,in%20employment%2C%20 compared%20 with%202016) (дата обращения: 07.08.2020).
5. Empowering the GCC digital workforce: Building adaptable skills in the digital era / Papazian S., Rizk M., Bohsali S., Matar A. / PwC. – 2017. – 35 p. – Mode of access: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/reports/empowering-the-gcc-digital-workforce-full-report.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
6. Quantario G. How UAE University seeks to bridge the digital skills gap. – 2020. – 13.02. – Mode of access: <https://www.tahawultech.com/region/uae/how-the-uae-university-is-hoping-to-bridge-the-digital-skills-gap/> (дата обращения: 07.08.2020).
7. Industry skills councils terms of reference / Government of South Australia / Training and skills commission. – 2019. – Mode of access: http://www.tasc.sa.gov.au/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=885&PortalId=5&TabId=1047 (дата обращения: 07.08.2020).
8. Information and communication stechnology council: Annual report 2017–2018. – Ottawa, 2018. – 18 p. – Mode of access: https://www.ictc-ctic.ca/wp-content/uploads/2018/07/ICTC_Annual-Report_2017-18_EN.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
9. Joint UNI Europa – ETNO declaration on future ICT skills needs / ETNO-UNI Europa. – 2014. – Mode of access: https://etno.eu/datas/ETNO%20Documents/20141126_Joint%20declaration_EN_final.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
10. National skill development mission: A framework for implementation / Government of India, Ministry of skill development and entrepreneurship. – 2019. – 32 p. – Mode of access: <http://msde.gov.in/sites/default/files/2019-09/National%20Skill%20Development%20Mission.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
11. Skills for a digital world: 2016 Ministerial meeting on the digital economy: Back-ground report / OECD. – 2016. – 56 p. – Mode of access: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5jlwz83z3wnw-en.pdf?expires=1595510167&id=id&accname=guest&checksum=078D7FBC4F0215CCB6954EB575383102> (дата обращения: 07.08.2020).

12. Skills for green jobs: European synthesis report / European centre for the development of vocational training. – Luxembourg: Publications office of the European Union, 2010. – vi, 102 p.
13. Skills shortages and labour migration in the field of information and communication technology in India, Indonesia and Thailand / ILO. – Geneva, 2019. – 74 p.
14. Social dialogue and the future of work: Report of the ILO-AICESIS Conference 23–24 November 2017 Athens, Greece. – Geneva, 2018. – x, 57 p. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_dialogue/-/dialogue/documents/meetingdocument/wcms_645833.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
15. Technological changes and work in the future: Making technology work for all / ILO. – 2016. – 13 p. – Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/dcomm/documents/publication/wcms_534201.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
16. The digital skills and jobs coalition / European Commission. – 2020. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-skills-jobs-coalition> (дата обращения: 07.08.2020).
17. UAE green jobs program: Jobs & skills for the UAE's green economy transformation / UAE ministry of climate change & environment, Green development and environmental affairs department. – Dubai, 2019. – 79 p. – Mode of access: <https://www.moccae.gov.ae/assets/download/1360981f/UAE%20Green%20Jobs%20Program.pdf.pdf.aspx?view=true> (дата обращения: 07.08.2020).
18. Vijayabaskar M., Babu M.S. Building capabilities in the software service industry in India: Skill formation and learning of domestic enterprises in value chains / Transforming economies: Making industrial policy work for growth, jobs and development / Ed by. R. Kozul-Wright, I. Nübler, J.M. Salazar-Xirinachs. – Geneva, 2014. – P. 239–266.
19. Vision prospective partagée des emplois et des compétences: la filière numérique / Réseau Emploi Compétences. – Paris, 2017. – 82 p. – Mode of access: https://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/fs-rapport-rec-vppc-numerique-8juin-final_0.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
20. Voss E., Riede H. Digitalisation and workers participation: What trade unions, company level workers and online platform workers in Europe think / European trade union confederation. – Brussels, 2018. – 67 p. – Mode of access: <https://www.etuc.org/sites/default/files/publication/file/2018-09/Voss%20Report%20EN2.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).

Экономические и социальные проблемы России

Научный журнал

№ 4 (44)

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Составитель выпуска –
канд. геогр. наук Положихина Мария Анатольевна

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-78664
Дата регистрации 10.07.2020

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 26/І – 2021 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 100 экз. (1–80 экз. – 1-й завод)
Заказ № 131

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У